

The cover features a dynamic, painterly illustration. In the upper right, a man in a blue uniform and a yellow hard hat looks on. A large, gloved hand in a yellow and orange protective glove holds a pair of blue and white striped cables. A knife with a silver handle and a red blade is positioned diagonally across the center. The background is a chaotic mix of red and white splatters, suggesting a crime scene or a violent act. The overall style is gritty and action-oriented.

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ТОТ, КТО ЗНАЕТ
Книга вторая

Перекресток

Преступления правильной жизни

Александра Маринина

**Тот, кто знает. Книга
вторая. Перекресток**

«Автор»

2001

Маринина А.

Тот, кто знает. Книга вторая. Перекресток / А. Маринина — «Автор», 2001 — (Преступления правильной жизни)

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Мащенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи, от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

© Маринина А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Часть 5	6
Наталья	6
Игорь	9
Ирина	16
Наталья	25
Ирина	39
Руслан	49
Игорь	61
Наталья	65
Руслан	70
Ирина	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Александра Маринина

Тот, кто знает. Книга вторая. Перекресток

© Алексеева М. А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Она до сих пор помнила прикосновения его пальцев к своему телу, и ту ноющую боль, которая растекалась по коже, и ослепляющее жжение, которое стихало от звуков его голоса. Из памяти полностью стерлось, что и как он делал, но воспоминания о том, что она при этом чувствовала, не делались с годами тусклыми и размытыми, наоборот, эти воспоминания, то и дело возвращаясь к ней, становились все ярче и вызвали отвращение к себе самой, острое чувство вины и желание заплакать и напиться.

Часть 5

Перекресток. 1992–1993 гг.

Натаалья

– Я боюсь, Андрюша.

Она впервые набралась смелости сказать об этом вслух, но легче не стало. Сердце забилося где-то в горле, как бывало в детстве и юности во время экзаменов, а позже – во время ответственных разговоров с вышестоящими начальниками. Правда, сейчас перед ней не экзаменатор и не руководитель, а друг. Доброе круглое лицо Андрея Ганелина выражает сочувствие и готовность выслушать и помочь, взять на себя тяжесть решения проблемы, но в том и беда, что эту проблему придется решать ей самой вместе с мужем, и никто третий здесь не поможет. Андрей всегда был для нее окрашен в песочно-желтый цвет. Сначала Наташа думала, что это цвет тепла и покоя, когда отбрасываешь от себя каждодневные хлопоты и можешь бездумно валяться на горячем песке черноморского пляжа, понемногу выдавливая из себя и утапливая в зыбучем месиве накопившиеся за год раздражение, усталость и боль от крупных и мелких разочарований. И только несколько лет спустя Наташа, в очередной раз глядя на Андрея, вдруг подумала: «Он как губка. Я выливаю на него свои эмоции, а он их впитывает. Такая желтенькая губка, которой мама вытирала воду с кухонного стола».

Через три дня – Новый год, завтра приедет Вадим, но не на праздники, как обычно, а теперь уже насовсем. Он получил назначение на должность старшего преподавателя в учебный центр в Обнинске, в 100 километрах от Москвы, и отныне будет жить дома, с женой и детьми. Десять и даже пять лет назад Наташа прыгала бы от радости в предвкушении этой новой счастливой жизни, но сегодня, в канун 1992 года, она поняла, что боится.

В последние три года Ганелин, став относительно состоятельным человеком и обзаведясь машиной, перед праздниками помогал Наташе с поисками продуктов к столу. Сегодня ей пришлось вскакивать ни свет ни заря, потому что Андрей собрался отвезти ее к семи утра к магазину «Колбасы» на Дмитровском шоссе. Магазин открывался в восемь, и если в семь утра занять очередь, то был шанс купить хорошие продукты – колбасу, сосиски, разные копчености, и к празднику, и на каждый день. Деликатесы завозили ежедневно, но хватало их примерно часа на три торговли, поэтому важным было приехать как можно раньше, чтобы оказаться в первой сотне покупателей. Они приехали к семи, отстояли на улице длинную очередь, то и дело бегая минут на десять в машину погреться, набили сумку продуктами, потом еще полдня мотались по городу в надежде найти на опустошенных перед Новым годом прилавках то, что нужно, а заодно и елку купить. К пяти часам вернулись, выгрузили покупки в холодильник, обвязанную веревками елочку поставили в угол в прихожей, съели приготовленный Бэллой Львовной обед и теперь сидели в Наташиной комнате, пили кофе и обсуждали приготовления к новогодней ночи. Конечно, придут Инна с Гришей и Юлечкой и, как обычно, притащат очередную «невесту» для своего холостого друга Ганелина. Супруги Гольдман уже оставили надежду женить Андрея, но по-прежнему, зная, что Наташа приглашает его на Новый год, старались обеспечить дамой хотя бы на время праздника. Андрей морщился, отнекивался, махал руками и уверял, что дама для разговоров ему не нужна, за столом и без того много приятных собеседников, а потанцевать он может и с Ирочкой, но Инна каждый раз строго говорила, что Ира – взрослая девушка, у нее своя жизнь и свои друзья и нельзя рассчитывать на то, что она просидит всю ночь с ними. И вообще, за столом, дескать, должен быть порядок, Вадим, в конце концов, не слепой, и присутствие одинокого неженатого мужчины в своем доме может ему не

понравиться. Этот аргумент Андрею был понятен, и он мужественно терпел необходимость быть милым и ухаживать за очередной кандидаткой.

– Давай, я помогу елку поставить, – предложил Андрей.

– Не нужно, – отмахнулась Наташа, – посиди, отдохни. Завтра Вадим приедет, поставит.

Вот в этот момент она и произнесла то, что таила в себе весь последний месяц, с тех пор как стало точно известно о переводе мужа из Западной Лицы в Обнинск.

– Я боюсь, Андрюша.

– Чего ты боишься? Что не уживешься с собственным мужем? – засмеялся тот.

– Нет, не этого... Хотя и этого тоже. Понимаешь, он любит свою лодку и свой реактор. Ему больше ничего не интересно. Но он нормальный мужчина и хочет жить со своей семьей и воспитывать своих сыновей. А совместить это невозможно. То есть нет, не так... Это возможно совместить только в том случае, если бы я пожертвовала своей работой и своей карьерой, наплевала бы на свои обязательства заботиться о Бэлле и Ирочке, взяла мальчиков и уехала к Вадиму в Лицу. Наверное, я должна была именно так и сделать. Но я не сделала. Тогда он решил пожертвовать своей работой, наплевать на лодки и реакторы и ехать сюда. Ему придется каждый день ездить по два часа на электричке в Обнинск и столько же вечером обратно, заниматься неинтересной работой и жить рядом со знаменитой женой, у которой то съемки, то премьеры, то депутатские заботы и которая кусочки свободного времени кроит на лоскутки, чтобы заниматься не только мужем и детьми, но и соседями. В Западной Лице он был капитаном первого ранга Вадимом Алексеевичем Вороновым, человеком уважаемым и авторитетным, а здесь он превратится просто в мужа Натальи Вороновой и станет даже не главой семьи, а еще одним из тех, о ком я должна заботиться. И я боюсь, что он мне этого не простит.

– Ему нужно идти в бизнес, – убежденно произнес Ганелин.

– По твоим стопам? – усмехнулась Наташа. – Или ты его к себе возьмешь охранником?

– Ты напрасно смеешься. Твой Вадим – умный и энергичный человек, я уверен, что у него все получится. Зато он начнет зарабатывать намного больше тебя, и вся твоя известность и политизированность уже не будут иметь никакого значения, потому что не ты, а он будет содержать семью. Вот посмотришь, не пройдет и года, как ты превратишься в жену крупного бизнесмена Воронова. Тогда тебе нечего будет бояться.

– Ты прав, Андрюшенька, как всегда, прав. Но Вадим на это не пойдет. У него менталитет другой. Он – морской офицер в четвертом поколении, для него служить Родине – это честь, это в генах у него сидит. И я не знаю, что должно случиться, чтобы он захотел и смог переломить себя. Я и люблю его за то, что он именно такой, а не какой-то другой. Для него существует понятие воинской чести, чести офицера, поэтому он и продолжает служить, хотя в том бардаке, в каком мы все сегодня оказались, уже многие про честь забыли, только о деньгах и думают. Я не про тебя говорю, с тобой все понятно... Не принимай на свой счет. Андрюша, – она внезапно сменила тему, – неужели тебе не надоело меня любить? Мне иногда кажется, что ты просто дуришь нас всех, прикрываешься липовыми чувствами, которые якобы ко мне испытываешь, а сам...

– А сам потихоньку делаю свое черное дело, да? – рассмеялся Андрей. – Интересная версия. И какое это дело?

Наташа тоже рассмеялась в ответ. С Андреем было не страшно шутить на любые темы, он адекватно реагировал на юмор и не страдал излишней обидчивостью. И его влюбленность в Наташу не была закрыта для обсуждения, он легко говорил об этом как о чем-то раз и навсегда решенном, не подлежащем изменению и в то же время абсолютно нормальном и не постыдным. Он не млел, не краснел и не заикался в ее присутствии, не одолевал телефонными звонками в самое неподходящее время, не заваливал букетами цветов и подарками на глазах у окружающих, не дежурил под окнами и не вымаливал свиданий. Он просто любил ее, не требовал ответа на свою любовь, вообще ничего не требовал, ни особого внимания, ни понимания, и

старался быть Наташе хорошим добрым другом, который не отягощает своими проблемами и немедленно берется решать ее собственные. Андрей не скрывал своих чувств и даже подшучивал над ними, и насмешливое недоумение окружающих – в первую очередь Инны и Гриши Гольдманов – постепенно сменилось невольным уважением. Об этой безответной и безнадежной любви знали и Бэлла Львовна, и Ира, и родители Инны, и ее тетка Анна Моисеевна. Только Вадим не знал. Когда он бывал в Москве, Ганелин появлялся лишь при жесточайшей необходимости или в случае официального приглашения в гости.

– Ну, я не знаю... Мало ли. Может, ты скрытый гомосексуалист, и, вот чтобы к тебе не приставали насчет женитьбы, ты всем говоришь, что, мол, безответно влюблен в меня. Имей в виду, – шутливо продолжала Наташа, – с первого января для тебя наступают черные дни. Все, что ты для меня делал, теперь будет делать Вадим, и у тебя не будет поводов со мной видаться.

Она невольно сказала двусмысленность, но поняла это не сразу, а когда поняла, то от души расхохоталась, и вслед за ней расхохотался Андрей.

– Господи, Андрюша, – она осторожно вытерла выступившие от смеха слезы, стараясь не размазать тушь на ресницах, – почему мне с тобой так легко? Я уже давно ни с кем так не смеюсь, как с тобой. С другими мне приходится быть строгой, деловитой, даже жесткой, дашь слабинку – тут же на шею сядут. А с тобой я чувствую себя совершенно свободно. У меня даже секретов от тебя нет, ты мне уже не друг, а подруга.

– Ну, один-то секрет у тебя есть даже от меня, – заметил он серьезно.

Наташа, расслабленная и развеселившаяся, не заметила перемены в его голосе и продолжала шутить:

– Ты имеешь в виду секрет моей неиссякаемой привлекательности для тебя?

– Нет, другой. Ты знаешь, о чем я говорю. Неужели так и не расскажешь никогда?

– Прости. – Наташа тоже стала серьезной. – Это не моя тайна. Была бы моя – обязательно рассказала бы. А так – не могу.

Игорь

Он не хотел просыпаться, как не хотел этого все последние годы. Проснуться означало начать новый день. Рабочий день. А он ненавидел свою работу, хотя и справлялся с ней, причем справлялся настолько лихо, что его то и дело поощряли то премиями, то благодарностями, то почетными грамотами, даже очередное звание присвоили досрочно. Капитан милиции Игорь Машенко был одним из лучших, если не лучшим в своем подразделении, но работу, которую выполнял ежедневно и добросовестно, он все-таки не любил. Тягостна она была ему, не интересна, не нужна. Но изменить свою жизнь и перейти на другую работу он не мог.

Мало того, что сегодня снова нужно идти на работу, так еще и Новый год надвигается, а это означает, что нужно идти к Женьке Замятину. Четыре раза в год, четыре визита, четыре встречи – это тот минимум, сокращать который нельзя. Новый год, 23 февраля – День Советской Армии, Женькин день рождения и день смерти Генки Потоцкого. Вернее, не смерти, а гибели, геройской гибели в Афганистане. На каждую встречу с Женькой Игорь шел как на казнь, сам Женька ему тоже уже давно был не нужен и не интересен, и их воспоминания об общем школьном детстве, когда жив был еще Генка Потоцкий, когда они собирались поступать в летное училище, а потом становиться космонавтами, – и воспоминания эти были ему не нужны. Но не ходить к Замятину он не мог.

– Сынок, пора вставать!

В комнату заглянула мама, и в открытую дверь сразу же потянуло вкусными запахами жарящихся сырников с изюмом, свежемолотого кофе и еще сладковатым ароматом шампуня – мама только что вымыла голову, и этот запах исходил от ее мокрых волос.

Как обычно по утрам, настроение у Игоря было мрачным, да и какое же может быть иное настроение перед рабочим днем, наполненным делами и заботами, от которых мутит, просто выть хочется. К вечеру Игорь веселел, понимая, что все заканчивается и до следующего рабочего дня можно расслабиться. Но утром он бывал в тяжком расположении духа.

– Ты сегодня поздно придешь? – спросила Елизавета Петровна, когда он сел завтракать.

– Поздно. Сегодня надо к Женьке съездить, с Новым годом поздравить. А что, я тебе нужен?

Хорошо бы у мамы нашлись неотложные дела, которые никак, ну просто никак невозможно сделать без помощи сына. Тогда можно было бы не ездить сегодня к Женьке, отложить до завтра. Правда, они уже договорились, Игорь вчера звонил другу и предупредил, что сегодня заедет, но можно и передоговориться. А Женька, если повезет, скажет, что завтра никак не может, а послезавтра не сможет сам Игорь... и проблема рассосется сама собой, до 23 февраля.

– Сегодня должны новую мебель привезти, я хотела, чтобы вы с папой ее собрали и поставили. Хочется Новый год встретить в новой обстановке, а то живем как на вокзале. Но если ты занят, тогда сборку отложим до завтра. Или я попрошу кого-нибудь из соседей помочь.

Елизавета Петровна хлопотала у плиты, дожаривая сырники и поглядывая на турку с кофе. Уловив момент, когда темно-коричневая пенка начала угрожающе быстро подниматься, она ловко сняла турку с раскаленного диска электроплиты.

– Я постараюсь пораньше вернуться, – пообещал Игорь. – Или позвоню Женьке, извинюсь, скажу, что приду в другой раз.

– Нет-нет, сынок, не надо откладывать, раз договорился – иди. У Жени и без того мало радостей в жизни, поздравь его с Новым годом, подарок вручи. Что ты ему подаришь?

– Зажигалку. Дорогую, импортную. А что отец не встает? У него сегодня выходной?

Сырники были сладкими, но Игорь еще полил их сверху клубничным вареньем. Вот теперь вкус стал как надо, и это несколько примирило его с действительностью. Еще пятнадцать минут можно поглощать завтрак и пить кофе и не думать о постылой работе.

– Папа встанет попозже, ему сегодня к двенадцати, – пояснила мать, присаживаясь за стол напротив Игоря. – Между прочим, ему удалось устроить Верочку на работу.

– Мои поздравления, – пробурчал Игорь.

Он терпеть не мог, когда родители пытались заговорить с ним о бывшей жене. И что за манера: сын с невесткой давно расстался, а они все еще считают ее чуть ли не членом семьи, обсуждают ее дела, помогают. Елизавета Петровна, словно и не замечая недовольного тона Игоря, продолжала рассказывать:

– Очень хорошая работа, в одной фирме, торгующей медицинскими препаратами. Как раз Верочке по специальности. И платят хорошо, не то что в поликлинике.

– Мама! – Игорь с отвращением отодвинул от себя тарелку с недоеденными сырниками, они колом вставали в горле и казались уже не вкусными, а противными. – Я не хочу ничего слышать о Вере. Мне это не интересно. Она меня бросила, а теперь ты хочешь, чтобы я интересовался ее жизнью и беспокоился о ее трудоустройстве?

– Сынок, но ведь ты сам виноват в том, что она тебя бросила, – с упреком произнесла мать. – Ты чудовищно обращался с ней, ни одна нормальная женщина этого не вынесла бы. Ты приходил домой пьяным и кричал на нее. Ты изменял ей...

При последних словах голос матери дрогнул, словно даже мысль о подобном поведении сына была ей невыносима, а уж озвучивание ее требовало и вовсе непосильного напряжения. Конечно, она говорила правду, Игорь позволял себе и напиваться, и орать на Веру. И насчет супружеских измен – тоже правда. Но разве он виноват в том, что не может на протяжении длительного времени испытывать интерес к одному и тому же человеку? Ему быстро надоела и женщины, и друзья. Он уставал от них. И отчего-то был уверен, что вот уж следующая его женщина окажется такой, которая прикует его внимание к себе всерьез и надолго, заводил новую интрижку, влюблялся, но чувство остывало даже быстрее, чем ему хотелось бы. То же самое происходило и с друзьями, он вовлекался в близкие доверительные отношения и очень скоро начинал испытывать откровенную скуку в обществе этого человека. Как он был влюблен в Верочку! Тогда, в 1984 году, когда он женился на ней, ему казалось, что нет никого на свете лучше ее, добрее, нежнее, умнее. И уже через два года, привезя ее в Москву, начал тяготиться молодой женой. Родители поначалу были в ужасе, ну как же, привез в столицу какую-то провинциалку из сибирской Тмутаракани, теперь ее еще и прописывать нужно, а она обживется, осмотрится, да и вильнет хвостом на сторону, потом придется жилплощадь делить, квартиру разменивать. Конечно, со временем они к Вере привыкли и даже по-своему привязались, особенно Елизавета Петровна: все-таки коллеги, обе врачи, есть что пообсуждать за ужином. Игорь никак не ожидал, что Вера уйдет, сама уйдет, и уже тем более не ожидал, что его мать и отец начнут принимать столь деятельное участие в ее судьбе. Виктор Федорович использовал все свои связи, чтобы выбить бывшей невестке жилье, и Вера в прошлом году получила однокомнатную квартиру где-то на окраине, так что обошлось без размена родительских хором. Теперь вот на работу ее пристроил, на фирму...

– Нам с папой стыдно за тебя, за твое поведение, поэтому мы считаем своим долгом хоть как-то искупить твою вину перед Верой, – говорила между тем Елизавета Петровна. – Разумеется, мы не были в восторге от твоего выбора, ты мог бы и в Москве найти себе жену не хуже, но в конце концов ты привел ее в наш дом, мы ее приняли, а потом ты начал вести себя совершенно недопустимо. Да, мы с папой не одобряли твоего выбора, но это не означало, что ты мог вести себя как последний хам! И между прочим, она родила тебе ребенка, а от алиментов при разводе отказалась.

– Мама, не делай из Веры воплощение благородства, – поморщился Игорь, медленно допивая кофе. – Она отказалась от алиментов только потому, что вы с папой пообещали ее финансово поддерживать, причем в размерах, значительно превышающих двадцать пять процентов моей ментовской зарплаты. А судья, к которому папа предварительно сходил с букетом

цветов и пачкой дефицитных билетов в театры, согласилась развести нас в течение пяти минут и без всяких дурацких сроков на примирение, но при условии, что у сторон не будет имущественных споров и претензий на алименты. И в конце концов, она сейчас прекрасно устроена, с квартирой, с работой. Что ты от меня хочешь? Чтобы я ползал перед ней на коленях и умолял вернуться?

– Прекрати! Мы с папой хотим, чтобы наш сын вел себя как мужчина. Если ты привез Веру сюда и стал отцом ее ребенка, то ты не имеешь права отворачиваться от нее и лишать поддержки. Ты выгнал ее из дома с ребенком на руках...

– Она сама ушла! Не надо передергивать.

– Да, она сама ушла, но ты создал такие условия, при которых она не могла больше оставаться в нашем доме...

Этот разговор возникал с мучающей Игоря периодичностью, и он начинал догадываться, почему мама так болезненно реагирует на ситуацию. Она заставила себя полюбить Веру, потому что таков был выбор ее сына, и теперь она, как человек добрый и порядочный, вынуждена продолжать поддерживать невестку и внука, потому что ее сын оказался, мягко говоря, не на высоте. Иными словами, он, Игорь, навязал своим родителям Веру, сначала притащил ее в Москву, а потом разлюбил и фактически вынудил уйти. К маленькому сыну он никаких особых чувств не испытывал, во всяком случае интерес его к ребенку был не настолько силен, чтобы добиваться у Веры разрешения на встречи с Павликом. Этого родители тоже понять не могли и регулярно навещали внука, привозя с собой горы игрушек, фруктов и конфет. Игорь с ними ни разу не ездил. Ему не хотелось видеть Веру, она была ему больше не интересна.

День, так неудачно начавшийся с неприятного разговора, продолжал складываться в том же стиле. Ночью ударил мороз, и машина никак не хотела заводиться, Игорь бился над непокорным двигателем минут сорок и в результате опоздал на службу. На этот день у него были назначены две очные ставки, а до этого еще три допроса, вызванные люди сидели в коридоре перед дверью его кабинета, злые и напряженные. И снова, как и каждое утро, идя по длинному коридору с выкрашенными чудовищного цвета масляной краской стенами и выщербленным полом, Игорь испытал приступ тошноты. Господи, как же он ненавидит свою работу!

Он кое-как дотянул до конца рабочего дня и отправился к Замятину. Лучше уж отлучиться сегодня и на два месяца забыть о нем. Не станет он звонить и переносить встречу.

Женька жил все там же, где и раньше, когда еще в школе учился. Вместе с ним жили мать и сестра с двумя детьми. Некоторое время назад еще и муж сестры был, но теперь он искал супружеского счастья с новой женой.

– Проходи, Игоречек, – приветливо пригласила Женькина мать, открывая дверь. – А Женья тебя уже давно ждет.

Ждет! Эти слова резанули Игоря как ножом. Как бы он хотел никогда больше не переступать порог этого дома, никогда не видеть больше Жеку, не разговаривать с ним, не вспоминать о Генке. Забыть обо всем и устраивать свою жизнь так, как хочется. Но разве он может перестать приходить, если Женька ждет?

Женька выкатился ему навстречу в инвалидной коляске. Вместо ног – две культы. Протезы у него есть, но плохого качества, ходить в них больно, кожу натирают, поэтому дома Женька предпочитает их не надевать. Испитое, рано постаревшее лицо чисто выбрито – видно, к приходу Игоря постарался.

– Здорово. – Женька, не вынимая сигареты из угла рта, протянул ему руку. – Чего так поздно? Я уж думал, вообще не придешь.

– На работе задержался.

– Что, на передовом фланге борьбы с преступностью? Не шадя живота своего? Пять минут не доработаешь – и бандитизм захлестнет страну?

И это, как и утренний разговор с матерью, повторялось из раза в раз и тяготило Игоря. Он сам мог бы сказать куда больше резких и язвительных слов о ненужности своей работы, о ее полной бесполезности, о продажности милиционеров и всесилии криминала, обладающего деньгами, связями и силой, о смехотворности усилий государства обуздать наглых и вооруженных до зубов преступников при помощи робких, плохо обученных и связанных по рукам и ногам многочисленными инструкциями и приказами сотрудников милиции. Он знал все это гораздо лучше Женьки. И потому не хотел больше работать следователем. Вообще работать в органах внутренних дел не хотел. Но и уйти не мог, потому что нужно было изо всех сил делать вид, что выбрал свою профессию по призванию, а не по возможностям отца устроить в вуз. Ведь не должен он был поступать на юрфак! Не должен, потому что, во-первых, не испытывал к юриспруденции ни малейшего интереса, а во-вторых, они же договорились с Генкой и Женей, что вместе пойдут в армию, а потом снова будут поступать в летное училище. Ребята сделали так, как договаривались, а он их обманул. Струсил, испугался армии, поддался на уговоры родителей и малодушно сбежал в Томск поступать в университет. Кто же мог предполагать, что через несколько месяцев наша страна ввяжется в афганскую войну и ребята попадут в самое пекло? Генка Потоцкий погиб, Жека Замятин остался без ног. И только Игорь Машенко здоров, весел и благополучен.

Самым страшным было чувство вины, которое грызло Игоря день и ночь с того самого момента, когда он узнал о том, какая участь постигла его друзей. Конечно, если бы он не струсил и пошел вместе с ними служить в армии, это вряд ли изменило бы судьбу Генки и Жеки. Все равно они попали бы в Афганистан, а там никто никаких гарантий не дает... Но это был уже второй его трусливый поступок. А вот первый, тот, что не давал ему покоя, действительно изменил всю их жизнь. Та двойка по математике не была случайной. Игорь сделал все возможное для того, чтобы его письменная работа была оценена именно так. Делал нелепейшие ошибки и старался показать, что ничегошеньки в этой науке не понимает. Он не хотел становиться летчиком, жить в казарме и подчиняться уставу. И не смел сказать об этом друзьям. Тогда ему казалось, что он придумал очень здорово: ребята поступят и будут учиться в летном училище, а он вернется домой. Но они, верные принципам мушкетерского братства, забрали свои документы. Вместе – так вместе. Не можем вместе учиться – будем вместе служить. Игорь пытался их отговорить, но Генка, а вслед за ним и Жека твердо стояли на своем. Вот и получилось, что Игорь струсил, испугался тягот армейской жизни, и поэтому погиб Генка. А Жека остался без ног. Все случилось из-за него. Он во всем виноват.

И теперь ему приходится доказывать и Женьке, и самому себе, что он искренне и горячо хотел стать следователем, поэтому и поступил на юридический. Что работа следователя – смысл всей его жизни, что желание стать летчиком было всего лишь юношеской ошибкой, романтическим порывом, за которым не было на самом деле ничего, даже элементарных способностей, вот и по математике он пару схватил. Он просто вовремя спохватился, понял, что хочет быть не летчиком, а следователем, что только в этом его истинное призвание. Поэтому он не стал дожидаться очередного призыва на военную службу вместе с друзьями, а подал документы в университет. Это было той новой правдой, которую Игорь выдумал сам для себя, когда узнал о том, что случилось с его друзьями. Для себя, для тех, кто знал о Генке и Жеке, и для самого Жеки Замятина.

Будь проклят тот день, когда он встретил на улице Колобашку! Это случилось четыре года тому назад. Игорь работал следователем в Москве и готовился поступать в адъюнктуру Академии МВД СССР, далее по плану следовало написание диссертации, ее защита и затем спокойное и размеренное преподавание уголовного права вдали от ночных вызовов на происшествия, окровавленных трупов и прочих прелестей практической работы. В то время еще не было Закона о милиции, согласно которому любой сотрудник мог в любой момент снять с себя погоны и уйти на гражданку. Тогда, в 1987 году, поступившие на службу в МВД обя-

заны были оттрубить положенные 25 лет и только потом думать об уходе. И Игорь Машенко, попавший на следственную работу и вообще в орбиту юридической профессии исключительно волею случая, хотел оставшиеся 22 года (3 он уже отслужил) провести в относительно комфортных условиях научной и педагогической деятельности при погонах, зарплате, льготах и перспективах на высокую пенсию. Будущее в тот момент казалось ему если и не радужным, то вполне удовлетворительным. И вдруг Колобашка... Этот идиот Колбин, встретившийся ему случайно на улице. И тут же затараторивший об одноклассниках, кто, где и кем работает, кто на ком женился, у кого какие дети. Оказалось, Колобашка всеми интересовался, и этого интереса Игорь понять не мог. Одноклассники – пройденный этап, они остались в прошлом, а жить надо будущим. После возвращения из Сибири в Москву сам он ни разу не позвонил ни Генке Потоцкому, ни Жеке Замятину. Они были ему не нужны. И он боялся выяснения отношений, упреков в том, что не сдержал слова, не выполнил их общую договоренность. Игорь просто сделал вид, что таких друзей у него никогда не было. Тем более за время его учебы в университете родители ухитрились еще раз сменить квартиру, переехали в другой район, и теперь у них были не только четыре комнаты вместо трех, но и другой номер телефона. Этот номер не знали ни Генка, ни Жека, и Игорь успокоился. Сам он их искать не станет, а они его, даже если захотят, не найдут. Номер телефона Виктора Федоровича Машенко (а телефон зарегистрирован на отца) в справочной службе не давали, отцовские связи оказались полезными и в этом вопросе.

Игорь понимал, что последует за этой встречей. Активный и общительный (и когда только он успел таким стать? Ведь в классе он был изгоем, с которым никто не хотел дружить), Колобашка если не сегодня, то уж завтра-то наверняка побежит к Жеке и расскажет о встрече с Игорем. Игорь теперь знает о том, что Генка погиб, а у Жеки нет обеих ног. И в такой ситуации Игорь просто не может не объявиться. Чтобы как-то объяснить свое поведение, Игорь сказал Колобашке, что только-только, буквально на днях, вернулся в Москву из Кемеровской области, где работал все это время по распределению. Наврал, конечно, в Москве он был уже два года. Но ведь обязательно возникнет вопрос: почему столько лет не звонил друзьям? Потому и не звонил, что находился далеко, в сибирской глуши.

Но теперь выхода уже не было, пришлось звонить Жеке и ехать на первую встречу с ним. Жека Замятин, балагур и весельчак, превратился в угрюмого, ядовитого и злобного типа, постоянно находящегося в легком подпитии. Говорить он мог только о войне в Афгане, о том, как погиб у него на глазах Генка Потоцкий, о том, как ему самому оторвало ноги, о том, как убивали моджахедов и как гибли советские солдаты, как воровали командиры, как рвались снаряды, как свистели пули. Слушать об этом Игорю не хотелось. И не потому, что было не интересно, нет, он был мужчиной и не мог не интересоваться войной. Но каждое Жекино слово как будто перерезало внутри у Игоря еще один нерв, еще один кровеносный сосуд, еще одну жилу, ведь он был виноват в том, что его товарищи попали туда, где творится кошмар, где ежедневный и ежечасный ад выжигает остатки человеческого и оставляет только обросший мясом скелет, одетый в камуфляж. Он виноват, потому что испугался и добился двойки на экзамене, чтобы не поступить в училище. Он виноват, потому что не признался в этом ребятам, как только они заговорили о дружеской солидарности и о том, что заберут свои документы и тоже не будут поступать, коль их товарищ так бесславно провалился. Он виноват в том, что все так случилось. Виноват, виноват, виноват...

И единственным спасением от этого постоянно ноющего чувства вины была убежденность в нужности своей работы, в правильности ее выбора, в том, что следствие – это его призвание. Насмешливый и ехидный взгляд Жеки Замятина преследовал Игоря днем и ночью, и когда он работал, и когда вел машину, и когда спал, и когда занимался любовью с Верой или еще с кем-нибудь. Он не стал поступать в адъюнктуру. Что он скажет Жеке, если вдруг окажется, что истовый борец с преступностью, самоотверженный следователь Машенко осел

в тихой заводи академической кафедры? Грош цена тогда будет всем его рассуждениям об ошибках юности и выборе профессии.

«Я не виноват в том, что случилось, – через некоторое время говорил себе Игорь. – Я же не виноват в том, что они хотели быть летчиками, а я этого никогда не хотел. Я хотел быть юристом, я хотел заниматься расследованием преступлений, выводить на чистую воду и предавать суду негодяев и подонков, воров и убийц, мошенников и бандитов. Да, я поступил нехорошо, сознательно провалившись на экзаменах, но это простительно, ведь мне было всего семнадцать, и у меня тогда не хватило мужества начистоту поговорить со своими друзьями. Я не хотел поступать в летное училище, я хотел стать юристом, следователем, но я был слишком молод для того, чтобы набраться храбрости и заявить об этом друзьям, которых я боялся потерять. Я дорожил их дружбой, но у меня были собственные устремления и желания, с которыми они не захотели считаться, они полностью подчинили меня себе и вертели мной, как куклой, а я любил их, искренне любил. Они были по-юношески жестоки, и, если бы я отказался поступать вместе с ними в летное училище, они посчитали бы меня слабаком. Отказаться я не мог, но и летать не хотел, я хотел поступать на юридический, и для этого мне пришлось пойти на обман. Моя вина только в этом. Все остальное они сделали сами, они сами принимали решение забрать документы и идти служить в армию вместе со мной, они хотели подчинить мою жизнь своим правилам. Но я отстоял свое право на самостоятельные решения, я хотел стать юристом – и стал им. Я люблю свою работу, я считаю ее нужной и полезной, и я буду ею заниматься, чего бы мне это ни стоило».

Сформулировав такой постулат, Игорь немного успокоился. Теперь чувство вины стало менее острым, зато с перспективами карьеры наступил полный тупик. Нужно оставаться на следственной работе. Не хочется, а придется. Стоит ему согласиться на более приятную и менее хлопотную должность, как снова вылезет и расправит крылья чувство вины – страшная хищная птица, которая начнет долбить его мозг своим острым, пропитанным ядом крючковатым клювом.

Он отказался от адъюнктуры, потом еще от нескольких очень привлекательных со всех точек зрения предложений. У Игоря Мащенко была явная склонность к научной и аналитической работе, его звали и в штабные подразделения, где всегда нужны аналитики, и в научные институты, и на преподавательские должности, но каждый раз он, стиснув зубы, вежливо отказывался. Он – прирожденный следователь, хорошо, что он вовремя разглядел в себе эту склонность и правильно выбрал профессию, которую менять не собирается.

А потом приняли Закон о милиции, и все сотрудники, мало-мальски помнящие право и знающие, что такое договор, или умеющие заниматься охраной и организацией безопасности, валом повалили в коммерческие структуры. И снова на Игоря посыпались предложения – на этот раз от бывших коллег, мол, давай к нам, у тебя такие мозги, ты же собаку съел на экономических преступлениях, ты прекрасно разбираешься в бухгалтерских документах и финансовых хитростях, зарплатой не обидят – для начала две тысячи долларов в месяц, а там и побольше. Две тысячи долларов в месяц по сравнению с тогдашней зарплатой Игоря, равнявшейся в пересчете на всем понятный эквивалент сорока долларам, выглядели просто фантастикой, о которой даже мечтать не приходится. Он до крови закусывал губы, стискивал кулаки и... отказывался. Он докажет, что не трусил тогда, а поступил так, как велело сердце. Он выбирал профессию не абы какую, не из страха перед армией, а сознательно. И отступить от этого Игорь уже не мог.

Он ненавидел всех. Жеку Замятина – за то, что сломал ему жизнь. И еще за то, что сам Жека сломал ему, Игорю, карьеру. Колбина-Колобашку – за его дурацкую общительность и информированность. Свою работу – за то, что не любил ее, но вынужден был ею заниматься. Своих женщин – за то, что они не умели слишком долго удерживать его интерес и тем самым подвигали его на разрыв, измены и связанную с этим нервотрепку. Он ненавидел даже своего

отца – за то, что тот настоял и отправил Игоря в Томск поступать на юрфак, потому что в других вузах договориться о приеме документов сына не смог. Был бы другой институт – была бы другая профессия и другая работа, может быть, не такая тягостная, не такая ненавистная.

...В этот вечер накануне Новогодних праздников они с Женькой снова говорили о войне и пили за упокой души погибших. Женька с интересом расспрашивал о громких преступлениях, сообщениями о которых пестрели с некоторого времени все газеты и о которых со смаком рассказывали тележурналисты, Игорь со знанием дела комментировал эту информацию, и снова пили за успехи в борьбе с преступностью и за неподкупность капитана милиции Машенко, который не польстился на легкие деньги, а зарабатывает свой горький хлеб на тяжелой, нервной и малооплачиваемой работе.

Домой Игорь вернулся около полуночи, и состояние его нельзя было назвать трезвым даже при очень большом желании и абсолютной слепоте.

Ирина

Отношение к Новому году у нее было сложным. Вообще-то она всегда любила этот праздник, любила даже больше, чем свой день рождения, потому что день рождения касается только тебя, а Новый год – он для всех, и все к нему готовятся, и все люди в последнюю неделю декабря становятся веселыми, и заботы у всех радостные – купить подарки, приобрести что-то красивое из одежды, достать продукты к столу. Но потом, после праздника, наступало грустное время, когда с елки потихоньку опадают иглы, и ты понимаешь, что надо бы снять яркие переливающиеся игрушки, упаковать в коробки и спрятать на антресоли, а саму елку, унылую и засохшую, выбросить на помойку. Сама процедура снятия игрушек и выбрасывания елки неизменно, с самого детства, вызывала у Иры горькие рыдания. Сейчас она уже совсем взрослая, даже замужем побывала, а слезы все равно наворачиваются.

– Иринка, разбери игрушки, ладно? – на ходу попросила Наташа, надевая дубленку и застегивая сапоги. – А Вадик вечером елку выбросит.

Конечно, все работают, у всех дела, на кого ж еще спихнуть горестное мероприятие, если не на Иру? У нее сессия, она дома сидит, к экзаменам готовится. Правда, часа в три мальчишки, Саша и Алеша, придут из школы, можно было бы им поручить разобраться с елкой, но они ведь обязательно что-нибудь разобьют, а потом еще и порежутся осколками. Не дети, а ходячая катастрофа. Младший, Алешка – тот поспокойнее, обстоятельный, дотошный, никогда ничего не разбивает, но ходит за Сашей как привязанный, а тот – ураган какой-то энергетический, песчаная буря в пустыне, носится по квартире, сшибая все на своем пути. Если есть хоть что-нибудь на этом пути, что можно сломать или разбить, он непременно сломает и разобьет, более того, если после такой аварии остается хотя бы малейший осколочек, можно дать стопроцентную гарантию, что этот осколочек окажется в Сашиной ноге или в руке. А уж если таких осколков несколько, то и Алешке достанется, это и к гадалке не ходи.

Тяжко вздохнув, Ира решила в первую очередь выполнить грустную работу, чтобы она не отравляла целый день. В их квартире давно уже не пользовались ключами от дверей в комнаты, друг от друга ничего не запирали, а в случае необходимости пользовались простенькими задвижками, ведь мальчишки такие непосредственные, могут вломиться к Наташе с Вадимом или к Ире, когда у нее в гостях молодой человек. Войдя в одну из двух комнат, принадлежащих Вороновым, в ту, где стояла елка, Ира бросила взгляд на зеркальную дверцу шкафа. И конечно же, застряла минут на двадцать. Надо худеть, черт возьми, куда это годится – в ее возрасте иметь такие пышные формы! В Наташины вещи не влезают, а это существенный момент, потому что тряпки у сестры-соседки – дай бог каждому в это время повального дефицита. Наташка добрая, всегда дает любую шмотку поносить, но ведь ее, шмотку эту, еще натянуть на себя надо. Килограммов, пожалуй, шесть, а то и все восемь необходимо срочно убрать. Да и в институте намекают, что будущей актрисе следует следить за фигурой. А как следить, если Наташка такие торты вкусные печет? И картофельные пирожки с мясом, которые постоянно делает Бэлла Львовна, тоже сбросу веса не способствуют. Да и кавалеры Ирины не балуют девушку разнообразием кулинарных предложений, от приглашений в ресторан Ира отказывается, там обязательно спиртное наливать будут, а ей нельзя, совсем нельзя, ну ни капельки, Наташка убьет, если запах учует, да и самой противно. Альтернативой ресторану может служить только заведение, где сплошные пирожные, торты, взбитые сливки и прочие жиरोотлагающие безобразия.

«С сегодняшнего дня сажусь на диету, – решила Ира, поворачиваясь перед зеркалом и критически оглядывая бока и спину с намечающимися предательскими складками. – Праздники закончились, теперь до 8 марта – ни-ни, ни граммuleчки сладкого. Кто сказал, что у меня силы воли не хватит? Если уж я пить бросила, то с этим-то и подавно справлюсь».

Пить она бросила, это верно. Хотя и тянуло порой ужасно, но она приняла решение и твердо его выполняла. За столом поднимала рюмку вместе со всеми, выпивала несколько глотков вина – и на этом все. Но чего стоило ей принять это решение!

Школу она закончила еле-еле. После смерти маленькой Ксюши Ира на несколько недель впала в тяжелейшую депрессию, а потом не выдержала, написала покаянную записку и вскрыла себе вены. Она не знала, что кровь имеет обыкновение сворачиваться, вступая в контакт с кислородом, да и время выбрала неудачное, бабка Полина ушла в магазин и вернулась раньше времени, в очереди стоять не стала – силы не те. Вернулась и увидела внучку с разрезанными руками. Поскольку бабка, да будет ей земля пухом, мозги все к тому времени уже пропила окончательно, она и не сообразила, что на самом деле произошло, и, вместо того, чтобы вызывать «Скорую», кинулась звонить Наташе на работу. Счастье, что та оказалась на месте. И счастье, что поняла все правильно. Очень скоро в их квартире появился Андрей Константинович со своим саквояжиком. Крови Ира потеряла немного, больше, конечно, страху натерпелась. Если бы бабка «Скорую» вызвала, Иру бы наверняка в «психушку» запихнули, в то время всех, кто пытался покончить с собой, полагалось считать психически больными. А так и не узнал никто, кроме близких.

Андрей Константинович тогда записку нашел и Наташе отдал. Ира очень хорошо помнит тот разговор, который состоялся у нее с соседкой. Узнав, что Наташа прочла записку, в которой Ира просит прощения за смерть Ксюши и кается в том, что сделала, девушка не стала ждать, сама пошла к соседке. Наташа собиралась в детский сад за сыновьями, была пятница – время их забирать. Ира поняла, что явилась не вовремя, но не в ее правилах было откладывать выполнение принятого решения. Пусть эти решения и не всегда правильные, но уж выполнять их она считала своим долгом.

– Ты меня ненавидишь? – прямо спросила она.

Наташа подняла на нее измученные запавшие глаза.

– Нет, я просто устала от тебя. Я от тебя смертельно устала. Только-только отплакала Ксюшу – и вот тебе, пожалуйста, еще и ты со своими фокусами. Ты дашь мне когда-нибудь жить спокойно?

– Я не об этом.

– А о чем?

– О Ксюше. Ты читала записку, ты теперь все знаешь.

– Я и раньше это знала. Все было очевидно. Ты плохо ее одела, Ксюша замерзла, как только ребенок переохлаждается, он мгновенно цепляет любой вирус... Что ты от меня хочешь?

Ира растерялась. В самом деле, чего она хотела от Наташи? Чтобы та сказала, что прощает ее? Ну, на это и надеяться нечего, такое не прощают. Чего же тогда? Чтобы сказала в глаза все, что думает о ней? Что ненавидит ее и видеть больше не хочет? Тоже как-то... Сомнительно. Тогда зачем она пришла?

– Я очень виновата, Натулечка, – пробормотала Ира, – я даже умереть хотела, потому что я так виновата... Скажи мне, что я должна сделать, чтобы загладить вину? Я все сделаю, честное слово, честное-пречестное, ты только скажи!

– Эту вину невозможно загладить, – сухо произнесла Наташа. – Но я буду тебе благодарна, если ты хотя бы перестанешь трепать мне нервы. Возьмись за ум, закончи школу нормально. И не пей.

Не пей! Легко сказать. А что же делать, если на сердце такая тяжесть, такая боль, такое невыносимое чувство вины? Она даже с Володей не может по-человечески общаться, чуть что – начинает плакать, раздражаться, кричит на него. Только водка немного помогает, снимает эту тяжесть и боль. Да что там говорить, не «немного», а действительно помогает. Первое время после неудачного самоубийства Ира пила потихоньку у себя в комнате, с бабушкой Полиной за

компанию. Потом, во время летних каникул, когда не нужно было ходить в школу, снова прилепилась к Люле и прочим своим друзьям. Наташа бегала за ней по всему Арбату и прилегающим переулкам, запирала на ключ, брала честное слово, что это в последний раз, ругала, умоляла, но толку не было. Ира упрямо молчала, требуемого «честного слова» не давала и раскрывала рот только для того, чтобы сквозь зубы обзывать соседку «сухой». И при первой же возможности снова напивалась. Просто удивительно, как она сумела закончить школу. Все говорят, что мозги у нее хорошие, что она способная, вот при такой чумовой жизни и вытянула аттестат, правда, со сплошными тройками, но все-таки это был именно аттестат, а не справка об окончании средней школы, с которой ни в один институт не возьмут.

После выпускного вечера Ира загуляла аж на целую неделю. После этого загула она долго приходила в себя, потом как-то одновременно выяснилось, что ей нужно лечиться от венерического заболевания и делать аборт. А потом, когда и аборт, и лечение остались позади, Наташа сказала:

– Я больше не могу этого выносить. И не собираюсь ставить тебе ультиматумов. Завтра ты пойдешь на работу.

– На какую работу? – удивилась Ира.

О работе с момента окончания школы и речи не было, сначала гуляла, потом опохмелялась, потом боролась с последствиями.

– На любую. На какую захочешь. Но лучше всего – на ту, которую тебе найду я. Чтобы ты была все время у меня на виду. Если ты сама не в состоянии справиться с собственной жизнью, то мне придется водить тебя за ручку.

Вообще-то против работы Ира ничего не имела, она понимала, что сидит вместе со своей бабкой-алкоголичкой на шее у семьи Вороновых и пора бы уже начать содержать себя самой. Все работают, почему она должна жить как-то иначе? А что до друзей и выпивки, так это как-нибудь решится, все же устраиваются с этим делом, и она устроится.

Наташа привела ее на телевидение и устроила ассистентом звукооператора. Ума у Иры хватало на то, чтобы не находиться на работе в подпитии, но в свободное время она давала себе волю. Работа сменная, ведь на телевидении звукооператоры, как и все, работают с раннего утра и до глубокой ночи, поэтому свободное время у девушки бывало то утром, то вечером, то днем, и далеко не всегда Наташа могла за ней проследить.

Однажды соседка взяла ее с собой на «Мосфильм». Собственно, случилось это регулярно, если Ира в это время не работала. Но в тот раз случилось то, что перевернуло все сознание девушки. Наташа в кабинете разговаривала с каким-то кинодеятелем, а Ира в ожидании слонялась по длинному коридору, разглядывая фотографии-кадры из известных фильмов, которыми были увешаны все стены.

– О! – Возле нее остановились двое мужчин.

В одном из них Ира узнала известного молодого кинорежиссера, недавно прогремевшего на всю страну.

– Вот то, о чем я тебе говорил! – сказал режиссер своему спутнику, огромного роста полному дядьке с бородой. – Теперь понимаешь, что мне нужно? Кстати, а вы кто?

Последний вопрос был адресован Ире, которая с интересом прислушивалась к разговору.

– Кто, я? – переспросила она. – Ира.

– С ума сойти! Ира! Это профессия или должность? – забасил бородатый и тут же сам себе ответил: – Впрочем, это не имеет ровным счетом никакого значения. У вас есть полчаса?

– Не знаю, надо у Наташи спросить. Она там, – девушка показала рукой на массивную дверь.

– Кто такая Наташа? – тут же начал напирать бородатый. – Мама, сестра?

– Воронова, – только и сумела выдавить из себя Ира.

– Ах, Воронова! – почему-то обрадовался режиссер. – Наталья Александровна?

– Ну да.

– Момент!

Он решительно потянул за ручку двери и скрылся в кабинете, а через минуту вышел, лучезарно улыбаясь.

– Все в порядке, Наталья вас отпустила. За мной!

– Куда? – испугалась Ира, хотя сердце ее сладко замерло.

Вот оно, то, о чем грезит каждая или почти каждая девушка. Случайная встреча со знаменитым режиссером, один острый взгляд, брошенный мимоходом, и тут же приглашение сниматься в кино. Он сказал, полчаса? Наверное, ее ведут делать кинопробы.

Но никаких кинопроб не было. Ее сразу посадили к гримеру, молодому парню, который почти ничего не делал, только прическу изменил и тон-пудру наложил. И сразу же после этого ее повели в павильон, где была выстроена декорация, имитировавшая какое-то общественное место, не то отделение милиции, не то больницу. Коридор со стульями и дверьми, на стульях сидят люди разного возраста и по-разному одетые.

– Вы сидите вот здесь, – стал объяснять ей режиссер, – вам плохо, голова болит или еще что-нибудь в этом роде. Мимо вас проходит мужчина, вот этот, – он показал на стоящего неподалеку актера, болтающего с бородатым толстяком, – вы пытаетесь схватить его за руку и говорите: «Але, мужик». Все. Поняли? Только два слова: «Але, мужик». И за руку хватаете.

– Поняла, – послушно кивнула Ира.

– Давайте попробуем.

Они два или три раза прорепетировали сцену, Ира хватала актера за руку и несчастным голосом произносила:

– Але, мужик...

Актер брезгливо отдергивал руку и быстро проходил дальше. Когда режиссер остался доволен репетициями, сняли несколько дублей. Весь эпизод занимал ровно три секунды.

– Спасибо, девушка, – поблагодарил ее бородатый. – Можете чувствовать себя свободной. Вас проводить?

– Не надо, я найду дорогу, – улыбнулась Ира. – Я здесь часто бываю, не заблужусь.

Ей казалось, что если она бывает здесь часто, то этот бородатый, а вместе с ним и режиссер должны отнестись к ней как-то по-другому, как к своей, что ли... Но он, казалось, пропустил ее реплику мимо ушей.

– Ну и хорошо. Я Наталье позвоню насчет денег.

– Каких денег? – не поняла она.

– Вам же причитается гонорар за съемки.

Он больше не сказал ей ни слова, повернулся и помчался в другой конец павильона решать какие-то важные кинематографические задачи. Ира поняла, что о ней здесь уже все забыли, и побежала в другой корпус, туда, где ее оставила Наташа.

– Ну как, – спросила Наташа, когда вышла наконец из начальственного кабинета, – сняли тебя в эпизоде?

– Сняли, – гордо подтвердила Ира, бодро вышагивая рядом.

– Трудно было?

– Да чего там трудного-то? Элементарно, Ватсон! Еще и гонорар обещали заплатить. Как ты думаешь, много дадут?

– Три рубля, – бросила Наташа, не останавливаясь. – Или меньше.

– Сколько-сколько?!

Ира даже задохнулась от возмущения. Ее снимали как настоящую актрису, гримировали, причесывали, репетировали, и за все это заплатят только каких-то нескольких жалких рублей? Не может быть!

– На больше ты не наработала.

Несколько следующих дней Ира только и делала, что рассказывала на работе, как она стояла в мосфильмовском коридоре, как к ней подошел «Сам» с помощником, как ее взяли сниматься в эпизоде... Счастью ее не было предела, она уже видела себя на звездном олимпе в окружении известных актеров. Она, такая красивая и стройная, молодая и талантливая, стоит на сцене в длинном вечернем платье с голыми плечами, а кто-нибудь ужасно заслуженный, например, Глузский или Лановой, вручает ей цветы и статуэтку – символ победы в конкурсе на лучшую женскую роль. И ручку ей целует. А она благодарит и ослепительно улыбается...

Через несколько дней Наташа снова взяла ее на «Мосфильм». На этот раз она не оставила Иру в коридоре, а повела в просмотровый зал, такой же, как в кино, только маленький. В зале уже сидело много народу, среди них Ира увидела и режиссера, и его бородатого помощника, и гримера, который ее готовил к съемке, и актеров. Наташа села вместе с ней сзади, режиссер приветливо помахал им рукой и улыбнулся. Через некоторое время погас свет, на экране возникло изображение, и Ира поняла, что сейчас идет рабочий просмотр отснятого материала. Вот актер, которого она хватала за руку, поднимается по лестнице и идет по коридору. Коридор тот самый, Ира сразу его узнала, значит, сейчас и она появится на экране... Но что это? Какая-то страшная толстая девка с уродливым опухшим лицом и нечесаными патлами. Они что, сняли другую актрису в этом эпизоде? Да нет, одежда на ней та, в которой была Ира, это же ее джинсы, и ее майка, красная, с глубоким вырезом. Неужели это она тянет руку к проходящему мимо актеру и лопочет:

– Але, мужик...

Эпизод закончился, пошел второй дубль. И снова то же одутловатое, испитое лицо, на котором с трудом можно угадать некоторые признаки красоты, оставшейся в далеком прошлом.

Просмотр длился еще долго, отсматривали и другие эпизоды, но Ира ничего не видела. Она сидела, потрясенная до глубины души. Ее взяли сниматься, потому что она подходит под типаж молодой опустившейся девки, пьяной и грязной, пропившей свою природную привлекательность. Девки, от которой в брезгливом ужасе шарахается героиня фильма. Да, она каждый день видела себя в зеркале, но почему-то зеркальное изображение было совсем не таким. В зеркале Ира выглядела намного приличнее. В зеркале она была по-прежнему свежей и красивой. А здесь...

– В зеркале ты видишь себя своими глазами, – спокойно объяснила ей Наташа, когда они возвращались домой. – Ты видишь себя такой, какой хочешь видеть. А камера показывает тебя такой, какой тебя видят люди со стороны.

– Значит, и ты меня тоже видишь такой... кошмарной? – недоверчиво спросила Ира.

– И я. И все остальные. И мужчины на улице. И сотрудники телевидения.

Наташа была удивительно безжалостна, Ире даже показалось, что соседка намеренно старается ударить ее побольнее. Она собралась в первый момент обидеться, но не успела, потому что на поверхность сознания всплыло мгновенное решение: так больше нельзя, надо завязывать.

Должно было случиться много всего, чтобы это решение вызрело в ее глупой легкомысленной голове. Скандалы, приводы в милицию, смерть Ксюши, попытка свести счеты с жизнью, аборт и лечение от гонореи. Но единственное, что послужило детонатором, случилось сегодня. Ира приняла решение. И свято его выполняла...

Да, выполняла. Как бы трудно ни было. Так неужели она не справится с тягой к сладкому? Элементарно, Ватсон!

* * *

Потолки в их квартире высокие, дом-то старой постройки, еще дореволюционной, и елку Вадим всегда старался найти повыше. Наряжать ее приходилось при помощи стремянки и снимать игрушки, соответственно, тоже, но Ире лень было возиться с лесенкой, и она решила обойтись обычным стулом. В крайнем случае, если не достанет до елочной макушки, можно пару книжек потолще на стул положить. Хорошо, что никто не видит ее акробатических художеств! Наташка разоралась бы, а старенькая Бэллa Львовна – та вообще с инфарктом слегла бы, у них в квартире до сих пор жива легенда о том, как сын Бэллы Львовны Марик, которого Ира совсем не помнит, тоже наряжал елку, стоя на стуле с книгами, упал и сломал руку. Да когда это было-то! Сто лет назад. А до сих пор все помнят и боятся, чуть что надо достать – сразу за стремянкой бегут, перестраховщики. Тоже мне, нашли кого сравнивать, Марика какого-то и ее, Иру. Марик, судя по рассказам очевидцев, был маменькиным сынком, за Бэллочкину юбку держался, не отрываясь, и вообще, книжный червь, мальчик-всезнайка, учитель математики. Такие никогда спортом не занимаются, падать не умеют, а чуть чихнут или пальчик поцарапают – им сразу консилиум из лучших врачей собирают. То ли дело Ира, никогда на болячки свои внимания не обращает, с высокой температурой на работу ходит. А уж падала она сколько раз! И коленки расшибала, и локти – и ничего, всхлипнет пару раз, кровь носовым платочком вытрет и дальше бежит. Про тот случай вообще вспоминать страшно, а ведь доехала до Москвы, сама доехала. И потом, чуть полегчало – уже к друзьям помчалась, хоть и болело все, и ныло, да она и внимания не обращала. Подумаешь! Так что перспектива свалиться со стула ее не пугает ни капельки.

Самый сложный этап – снятие игрушек с верхушки – прошел успешно, Ира поставила на место толстые тома энциклопедии и снова взобралась на стул. И кто ж так замотал нитку серебряного дождя! Теперь за сто лет не распутаешь... Не иначе, Вадик постарался. Конечно, его усердие можно понять, имея такого ребенка, как Сашка, нужно все, что можно, прикреплять намертво, потому как мальчишка, пулей проносясь мимо, задевает все, что на пути попадается. Но не до такой же степени! Разрезать нитку, что ли? Ира переставила стул к противоположной стороне елки и попыталась разделаться с серебряным дождем, не прибегая к кардинальным мерам, но быстро поняла, что для спасения несчастной нитки ей придется каждые полминуты переставлять стул. Нет, это уж слишком! Она порылась в ящике, где у Наташи лежат принадлежности для шитья, достала ножницы. Ну вот, совсем другое дело, три взмаха – и готово. Решительно, быстро и просто.

Девушка уже приступила к нижним лапам, наполовину осыпавшимся и печальным, когда в коридоре затрещал телефон. И тут же послышались неторопливые шаги Бэллы Львовны.

– Я подойду! – во весь голос закричала Ира, бросаясь к двери.

Она ждала звонка своего нынешнего кавалера и, как многие юные девушки, отчего-то боялась, что что-нибудь обязательно пойдет не так, если не она сама снимет трубку. Вихрем промчавшись по коридору, Ира подлетела к висящему на стене аппарату.

– Да, слушаю! – выдохнула она.

– Добрый день. Я могу услышать Наталью Александровну?

Ладони мгновенно вспотели, трубка чуть не выскользнула из ее рук. Она узнала этот голос. Она никогда не разговаривала с ним по телефону, но все равно узнала. Пока жива будет – будет помнить этот низкий баритон, звучный и вызывающий ассоциации с шоколадного цвета бархатом, переливающимся и мягким.

– Она... ее нет, – запинаясь проговорила Ира. – Она на работе. Ей что-нибудь передать?

– Нет-нет, спасибо, ничего передавать не нужно. Я позвоню в другой раз. Скажите, а Ирина все еще здесь живет?

– Да. То есть... это я.

– Ира? – переспросил бархатный голос.

– Да, – уже тверже ответила девушка, ей почти удалось взять себя в руки.

– Ты меня, наверное, не узнала...

– Узнала. Как вы?... Я хотела спросить, как у вас дела?

– Все хорошо. Я в порядке. А ты как?

– Я тоже в порядке.

Господи, от волнения она не может вспомнить его имя!

– Почему вы позвонили? Что-то случилось?

– Ничего. О Наталье Александровне сейчас много пишут, она стала такой знаменитой. Тут в одной газете появилась фотография, на которой вы вместе. Ты стала еще красивее. Вот... решил позвонить, узнать, как ты.

– Спасибо, я тоже в порядке. В институт поступила.

Кажется, Борис... Черт, отчество никак не вспомнит! Да как же его зовут?!

– Ты молодец. – Бархат стал теплее, теперь голос напоминал Ире коричневый мех норки. – Я за тебя рад.

Иванович! Точно: Борис Иванович!

– Борис Иванович...

– Да, Ирочка?

– Я хотела сказать... то есть... может быть, вам что-нибудь нужно? Помощь или еще что-то... Наташа и я... мы...

– Спасибо, девочка. Я же сказал: у меня все в порядке. И я рад, что у тебя все хорошо.

Она хотела задать вопрос, единственный главный вопрос, который мучил ее все эти годы, но... не решилась. А он уже попрощался и повесил трубку.

Руки тряслись так, что один несчастный шарик Ира снимала с елки минут десять. Как жаль, что Наташки не оказалось дома! Он ведь сначала ее позвал к телефону, она бы подошла, поговорила с ним и наверняка спросила бы о том, о чем не посмела спросить Ира. Ей, обычно такой решительной, без раздумий бросающейся с головой прямо в омут, на этот раз мужество отказало. А Наташка точно спросила бы, она никогда самообладания не теряет. Наташка... Только после смерти бабки Полины Ира начала понимать, какое место в ее жизни занимает соседка. Наташа всю жизнь тащила ее, Иру, на себе, растила, воспитывала, кормила, одевала, вытаскивала из милиции, из пьяных компаний, из всяческих бед и неприятностей. Отчаянно ругала и строго наказывала. Жалела, лечила и помогала. Заставила бросить пить и шляться, и только потом, спустя какое-то время, Ира вдруг осознала, каким невыносимо тяжким грузом висела она на шее у своей соседки. Момент истины блеснул ослепительным лучом и резанул по глазам в тот день, когда Наташа предложила ей подумать о смене фамилии. В шестнадцать лет Ира получила паспорт, в котором стояла фамилия ее матери – Маликова. Теперь же можно было написать в милицию заявление и поменять фамилию, взяв отцовскую.

– Зачем? – недоумевала Ира.

Ей было двадцать, уже больше года прошло, как она после потрясения, связанного со съемками в эпизоде кинофильма, пыталась привести в порядок свою жизнь. Успехи были налицо, во всяком случае, выглядела она теперь куда лучше, серые щеки утратили нездоровую одутловатость и снова приобрели приятный розовато-смуглый оттенок, глаза заблестели, фигура подтянулась. Да и голова заработала, появился интерес к книгам, которые можно было в свободное время всласть почитать и пообсуждать хоть с Наташкой, хоть с Бэллой Львовной.

– Затем, что если рвать с прошлой жизнью – то окончательно, – объяснила Наташа. – Ира Маликова – это глупое безмозглое чудовище, причинившее людям много страданий. Ира Маликова – это трудный подросток, несовершеннолетняя пьянчужка, которую задерживала милиция. Ира Маликова – это маленькая шлюха, не очень-то разборчивая в своих связях.

Давай покончим со всем этим, оставим Иру Маликову в прошлом. Пусть теперь живет красивая и умная девушка Ирина Савенич. Подумай над моими словами.

Ира подумала. Глупое безмозглое чудовище, причинявшее людям страдания... Это что, о ней? Несовершеннолетняя пьянчужка, маленькая шлюха – это что, тоже она? Боже мой... Да, с этим трудно спорить, Наташка все правильно говорит, именно такой Ира и была. Когда-то. И Наташка, бедная Наташка, с двумя маленькими детьми на руках, со старой матерью и больным отцом, с вечно отсутствующим мужем и вечно присутствующими заботами и хлопотами, должна была терпеть рядом это чудовище, да не просто терпеть, а еще и вытаскивать из неприятностей, переживать за нее, Иру, тревожиться, беспокоиться, делать с ней уроки, искать по подвалам и подворотням, уговаривать, водить к врачам... Какой ужас. Какой стыд.

На следующий день Ира пошла в милицию и написала заявление о смене фамилии. И тогда же решила, что главная задача ее жизни – вернуть долг соседке. Если будет нужно – она готова умереть за Наташу.

Наташа все время твердила, что нужно получать образование, нужно поступать в институт. Ира и сама с этим соглашалась, но, когда речь заходила о выборе профессии, начинались конфликты. Соседка считала, что Ире нужно учиться в каком-нибудь гуманитарном вузе, к точным наукам у нее особых способностей нет, а вот память у нее блестящая, и она вполне может осилить образование, связанное с чтением большого количества литературы. История, филология, педагогика, психология... Ира же, со свойственной ей мечтательностью и склонностью к подражанию лучшим образцам, заявила, что хочет учиться там же, где училась Наташа, только на актерском отделении.

– Ну какая из тебя актриса, ты сама подумай! – смеялась над ней Наташа.

– А все говорят, что у меня есть способности, – упрячилась девушка. – Все твои сотрудники на телевидении это говорят. Меня даже некоторые известные артисты прослушивали, сама знаешь.

– Ирка, не морочь мне голову! Способности – это ничто.

Нужен талант, а он у тебя есть? У тебя и к филологии есть способности, тебя в школе за сочинения даже иногда хвалили, так что же ты на филфак не хочешь поступать?

– Я хочу быть актрисой, – твердила Ира. – И стану. Вот увидишь. – Остальную часть своих доводов она никогда не оглашала вслух, только мысленно произносила. Она станет актрисой, и не просто какой-нибудь, на вторых и третьих ролях, а самой главной, самой лучшей. Она станет звездой. И будет сниматься у Наташи. Ну и что, что Наташа снимает только документальные фильмы? Одно другому не мешает, сейчас снимает свои публицистические картины, а потом дело и до художественных дойдет. Вот тогда ей и пригодится звезда Ирина Савенич! И сниматься Ира у нее будет бесплатно, никаких гонораров ей не нужно, только бы принести хоть малюсенькую, хоть капелюшечную пользу Наташе. Ира понимала, что произнеси она это вслух – Наталья поднимет ее на смех, поэтому молчала, но при этом не теряла уверенности, что все будет именно так. И во ВГИК она поступит, ведь не зря же говорят, что у нее есть способности. Правда, талантливой ее никто пока не называл, тут Наташка права, но это еще ни о чем не говорит. Вон сколько историй про актеров, которых даже и не принимали в институт по два или три раза, считая бездарными и непригодными к сцене, а они потом становились известными и богатыми. Ира тоже станет известной и богатой и поможет Наташе, пусть не славой, так хоть деньгами...

Погружение в воспоминания помогло ей справиться с дрожью в руках, она и не заметила, как сняла и тщательно упаковала в бумагу и коробки все елочные украшения. Осталось только убрать их на антресоли в прихожей. До Наташиного возвращения еще много времени, Ира успеет принять решение: говорить ей о телефонном звонке или нет. С одной стороны, не хочется Наташку тревожить, а ведь она непременно разволнуется, как всегда бывает, когда приходится вспоминать об ЭТОМ. Но с другой стороны, ведь ничего плохого не произошло. И

Борис Иванович сказал, что у него все хорошо. Он в полном порядке. Сказать или не сказать?
Как правильно?

Наталья

Она никак не могла привыкнуть к новым ценам. Премьер-министр Гайдар предупреждал, что лечить экономику собирается шоковой терапией, вот со 2 января и «ахнул» по головам россиян новыми ценами, в два с половиной раза выше прежних, привычных, много лет не менявшихся. А зарплаты между тем остались теми же. То-то радости людям, только что весело встретившим новый, 1992 год!

Уже конец февраля, с новыми ценами они живут почти два месяца, а Наташа все время сбивается, когда по сложившейся издавна привычке пытается рассчитать, сколько денег ей нужно взять, чтобы купить продукты. Да и в раскладывании купюр по конвертикам все время ошибается, мысленно прикидывая: черный хлеб за 18 копеек и белый батон за 22... Потом спохватывается, пересчитывает. Эх, была бы у нее память, как у Бэлочки! Бэлле Львовне в этом году семьдесят два исполнится, а памяти ее по-прежнему завидуют даже молодые. И Иринке по наследству досталось это ценное качество, которое она, дуреха, не умеет использовать как следует. Впрочем, как знать, поступила девчонка по-своему, хочет стать актрисой, так и для этой профессии память – отнюдь не последнее дело, легче будет роли учить. Настоящим талантом там, правда, и не пахнет, но некоторые способности у Иринки, безусловно, есть. Что ж, будет в кино эпизодницей или в театре «актрисой на выходах», не всем же быть примами, в любом фильме или спектакле есть крошечные рольки, которые тоже должен кто-то играть. Пока что она с громадным удовольствием ходит на занятия по сценическому движению и сценической речи – и слава богу! Хоть делом занята.

Стоя в гастрономе в длинной очереди на вход в отдел самообслуживания, Наташа мысленно возвращалась к сегодняшнему разговору с новым руководством телеканала, на котором она работала. Ей предложили возглавить продюсерскую компанию, которая будет делать для канала публицистические передачи. Сегодня интерес к публицистике, как никогда, высок, об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что на Наташины фильмы народ до сих пор ходит в кинотеатры, так что же говорить о телевидении! И ходить никуда не надо, сиди себе дома, укрывшись теплым пледом, с чашечкой чаю в руках, и смотри. И будут смотреть. А рекламодатели будут платить деньги за размещение рекламы во время этих передач. Наталья Воронова зарекомендовала себя как яркий публицист, умеющий достучаться до сердец и умов зрителей, ей и карты в руки.

Предложение было заманчивым. Она наберет сотрудников, создаст команду, даст постоянную работу многим одаренным молодым ребятам, работавшим с ней на «Законах стаи» и «Что такое хорошо». Она будет делать передачи и снимать документальные фильмы, сама выбирая темы, и при этом за государственные деньги, а не за счет Андрея. Конечно, принимать помощь не стыдно, этому ее еще Вадим в свое время научил, тем более не себе же в карман она эти деньги положила и не на тряпки и побрякушки потратила, но все равно чувствовала себя должницей Ганелина, и это угнетало. Особенно теперь, когда Вадим переехал в Москву и все время находится рядом. Наташа сама не знала, почему, но знала точно: пока Вадим был далеко, она могла принимать спонсорскую помощь Андрея, а теперь, когда муж здесь, она этого сделать не сможет. Это неприлично. И никакими доводами разума и логическими построениями она эту уверенность поколебать не могла. Ведь нет никакой разницы, далеко Вадим или близко, все равно он знает, откуда у его жены взялись деньги на съемки, Наташа и не скрывала этого, и Андрей не скрывал. Все знали. Она даже в интервью открыто говорила об этом, не считая такое положение дел постыдным. Но все-таки... Она не может объяснить, у нее не хватает аргументов, просто она так чувствует. Теперь, когда Вадим живет с ней вместе, она не сможет принимать помощь мужчины, давно и безнадежно в нее влюбленного. Никогда она не сможет забыть об этом и делать вид, что Андрей Константинович Ганелин всего лишь гене-

ральный директор фирмы «Центромедпрепарат», который из любви к искусству спонсирует развитие документально-публицистического кино в стране, испытывающей серьезные финансово-экономические трудности.

А сегодняшнее предложение – это выход. Не только для нее, но и для многих других, которых Наташа взяла под свое крыло. Она всех их соберет вместе, у них будет постоянная работа и постоянная зарплата, они смогут, наконец, начать планировать хотя бы ближайшее будущее, понимая, что найдутся деньги на оплату обучения детей в хорошей школе, на лечение родителей и на отдых во время отпуска.

Почему же она не согласилась сразу, во время переговоров? Ведь доводы в пользу положительного решения совершенно очевидны. А она попросила время на «подумать», немного, пару дней. Чего тут думать-то? Неужели ее смутило одно-единственное обстоятельство? Похоже, что именно оно. Одним из новых руководителей оказался Валентин Южаков, ее бывший сокурсник, отчисленный из ВГИКа с четвертого курса. Валька не потерялся в этой жизни, он вообще был парнем энергичным и заводным, а с началом перестройки всплыл сначала в кино, где после учебы во ВГИКе у него была масса знакомых, а теперь вот на телевидении. Наташу он сразу узнал, ведь она была комсоргом курса, всегда на виду. И кинулся к ней, как к родной, называл «Натахой», при всех расцеловал в обе щеки, усадил поближе к себе за длинным начальственным столом. И все время приговаривал, что в такие надежные и проверенные руки отдаст продюсерскую компанию с легкой душой, что Казанцева (он по привычке называл ее девичьей фамилией) не подведет, что она добросовестная и ответственная, а уж какая талантливая! Короче, дифирамбы пел и не скрывал бурной радости от встречи через много лет. Наташу это нервировало, потом начало раздражать, и все полтора часа переговоров она боролась со своим раздражением, стараясь не дать ему выплеснуться наружу.

Вальку Южакова она... ну, не то чтобы не любила, просто... Словом, не хотелось ей работать «под ним», встречаться ежедневно, разговаривать, обсуждать рабочие вопросы. А он явно настроен сблизиться с ней, ведь это так естественно, когда приходишь на новую работу, и вокруг тебя все чужие, и мало кого знаешь, не с кем душевным словом перекинуться. Южаков, что очевидно, вознамерился перекидываться этим самым словом именно с Наташей. А ей этого совсем не хочется. Ну совсем.

Очередь неожиданно быстро продвинулась, Наташа ухватила проволочную корзинку и просочилась в торговый зал. Покупатели кучками стояли у девственно пустых открытых прилавков, ожидая, когда из подсобки вывезут очередной контейнер со сливочным маслом, сыром или колбасой. Продукты в фабричной упаковке стояли свободно, а то, что продавалось на вес, приходилось расфасовывать прямо в магазине, фасовщики не успевали справляться с наплывом покупателей, поэтому и возникали эти дурацкие очереди на вход: в торговом зале полно народу, а к кассам – никого, никто не выходит, все стоят и ждут, когда «выбросят» нужные продукты. Наташе нужно было купить масло и сыр, и она тоже терпеливо дожидалась, когда откроется дверь подсобки и женщина в грязном халате со злым лицом вытолкнет в зал наполненную доверху тележку. Она точно знала, что женщина будет злая и непременно в грязном халате, Наташа часто ходила в этот магазин на проспекте Мира, по пути из Останкина к метро, и женщину, вывозящую тележку в торговый зал, видела много раз.

Минут через двадцать появилась тележка с сыром, покупатели набросились на нее, как стервятники, отпихивая друг друга локтями. Наташе удалось просунуть руку между чьих-то пальто и курток, она не глядя вытащила кусок сыра в белой промасленной бумаге, на краешке которой карандашом была написана цена. Повезло, что успела, ведь тележка опустела почти мгновенно. Теперь еще масла дожидаться – и порядок. В такие минуты Наташа с легким изумлением вспоминала свое детство, те времена, когда можно было в магазине попросить сто пятьдесят граммов сыра, который тебе еще и порежут аккуратными тонкими, почти прозрачными ломтиками. Помилуйте, да было ли такое? Ведь было, и сыр резали, и колбасу, и покупали по

чуть-чуть, только на сегодня, пока все свежее, а завтра приходили снова. Кажется, что все это осталось в какой-то другой жизни. Если сегодня попросить продавца порезать сыр, он сначала наорет на тебя, а потом вызовет психиатрическую «неотложку» или милицию.

Заполучив в жестокой борьбе вожделенный кусок сливочного масла, Наташа бросила в корзинку две бутылки «Можайского» молока, кефир и ряженку и встала в очередь к кассе. Через полчаса, трясаясь в вагоне метро, она поймала себя на том, что почти счастлива. Удалось успеть в магазин до закрытия, удалось урвать сыр и масло – и она уже счастлива. Какие там высокие цели и благородные стремления, какая там борьба за идеалы демократии и свободу слова! За последний час она даже не вспомнила ни разу о том, что являлась до недавнего времени народным депутатом СССР, что помимо кино занималась еще и политикой. Семью бы накормить... Цели стали приземленными, стремления – сугубо бытовыми, и борется она в эту минуту не за идеалы и свободы, а за свой домашний очаг. И как-то естественно вслед за этой мыслью пришла другая: какая разница, нравится ей Валька Южаков или не нравится, никакого значения не имеет, как лично она, Наталья Воронова, к нему относится. Значение имеет только то, что его предложение означает постоянную работу для ее команды, для молодых ребят, талантливых, но неустroенных. Что ж, завтра прямо с утра она позвонит Южакову и скажет, что согласна.

С самого утра валил снег, он так и не прекратился к вечеру, и, когда Наташа вышла из метро на «Смоленской», она вдруг увидела совершенно белый город. Надо же, всего каких-нибудь полчаса назад она шла по проспекту Мира и ничего этого не замечала! Видно, мысли о новом предложении так поглотили ее, что она и вокруг не смотрела. А теперь, когда решение принято, у нее словно глаза открылись. Припаркованные у обочин машины накрыты белыми снежными шапками, такие же шапки лежат на голых ветках деревьев, и тротуары, обычно грязноватые, тоже стали белыми. И люди...

Она свернула в переулок и лицом к лицу столкнулась с Бэллой Львовной.

– Ой, Бэллочка Львовна! Вы куда?

Та улыбнулась какой-то тихой, умиротворенной улыбкой.

– Гуляю. Смотрю на арбатские дома. Ты же знаешь, золотая моя, что я – фанатка Арбата. А в такую погоду, как сейчас, лучше всего вспоминается прошлое. Настоящего-то не видно.

Она тихонько засмеялась своим мыслям и взяла Наташу под руку.

– Вот теперь я могу смотреть на дом и мысленно называть его «домом Хитрово», как он именовался при Пушкине, когда Александр Сергеевич нанимал в нем квартиру. А рядом – «профессорский» дом. Ты помнишь, я рассказывала тебе? В нем жил Андрей Белый. А еще раньше – Николай Васильевич Бугаев, основатель Московского математического общества. Марик очень любил этот дом, подолгу гулял вокруг него, стоял, на окна смотрел. Он умел проникаться прошлым, умел чувствовать... И я частенько гуляю здесь и пытаюсь представить, о чем думал мой сын, когда смотрел на этот дом. Наверное, он тогда еще мечтал стать великим математиком. Впрочем, не знаю...

Голос ее дрогнул, и Наташа вдруг остро ощутила боль старой женщины. Двадцать лет прошло с тех пор, как Марик уехал. Двадцать лет Бэлла Львовна не видела своего сына. И как бы она ни крепилась, как бы ни делала вид, что все в порядке, она все равно скучает по нему, тоскует, вспоминает. Каждый день вспоминает. И каждый день заново выстраивает свое отношение к тому, что он уехал, расставшись с ней навсегда. Эта боль от потери ребенка никогда не утихает, теперь Наташа знает точно.

Сумка с продуктами оттягивала руку, пальцы в тонких перчатках онемели, но Наташа молча терпела это неудобство. Пройдет еще немного времени, год, от силы два, и примут закон о свободном выезде из страны и таком же свободном въезде, ведь если страна собирается идти по пути демократии, она не может держать свой народ в железной клетке. Тогда, может быть, Бэллочка поедет в США повидаться с Мариком. Или Марик приедет сюда навестить мать. Но

пока рано об этом говорить. Бэллочка – человек не очень здоровый, да и возраст... Доживет ли она до этого закона?

– Пойдемте домой, Бэллочка Львовна, – негромко сказала она. – Вы замерзнете. Да и поздно уже, ужинать пора.

– Да, золотая моя, пойдем, – грустно вздохнула старая соседка.

* * *

Март промелькнул незаметно, наступил апрель, приведя с собой явственные приметы весны. Наташа с головой ушла в работу по формированию своей телекомпании под названием «Голос». Уже запустили первый проект – еженедельную тридцатиминутную программу, в планах была еще ежедневная пятиминутная программа, а если все пойдет удачно, то будут делать и большую часовую программу, которая выходит в эфир один раз в месяц. Наташа убегала на работу рано утром и возвращалась часов в десять вечера. Больше всего в эти дни она боялась, что заболит Бэлла Львовна, ведь дети и вообще все хозяйство осталось полностью на ней. Даже Вадима, возвращавшегося из Обнинска раньше Наташи, кормила ужином соседка. Это было плохо, неправильно, но Вадим проявлял понимание (ох, надолго ли его хватит?), не ворчал и с интересом выслушивал Наташины рассказы о том, как продвигается работа и какие совершенно неожиданные трудности возникают на ее пути. Муж, в свою очередь, тоже делился впечатлениями от нового места службы и сетовал на то, что после ядерного реактора ему трудно перестроиться на такие понятия, как «учебный план», «раскасовка», «голосовая нагрузка» и «взаимные посещения». Очень скоро Наташа уже знала по именам всех сотрудников цикла, на котором работал Вадим, и со знанием дела участвовала в обсуждении внутренних интриг и проблем всего учебного центра в целом. Они с мужем стали очень дружны, несмотря на то, что проводили вместе совсем мало времени. Ведь раньше, когда они жили в разных городах и встречались три-четыре раза в год, невозможно было держать друг друга в курсе ежедневных проблем. А теперь так удачно совпало, что оба они одновременно начали заниматься новой деятельностью и с самого начала посвящали друг друга во все нюансы и тонкости новой служебной жизни.

Постепенно страх, душивший Наташу перед переездом мужа, стал отступать. Они прекрасно уживаются вместе, особенно теперь, когда Наташа из известного режиссера превратилась в никому не известного администратора-новичка, ставящего на ноги свое первое детище. Еще большой вопрос, получится ли у нее. Даже если все пойдет гладко и подготовленные программы выйдут в эфир и вызовут интерес у телезрителей, Наташина известность как главы телекомпании уже не свалится на Вадима неожиданно, ведь он видит, как трудно все это делается, с какими гигантскими усилиями, с каким нервным напряжением, с неудачами и различного масштаба скандалами и склоками. В быту муж не особенно требователен, во всяком случае пока Наташе удастся содержать его и детей в порядке. Стирает белье, гладит его и занимается уборкой она по выходным, в магазины бегают Иринка, а готовит Бэллочка. Она же помогает Саше и Алеше делать уроки. Господи, какое счастье, что они живут в коммунальной квартире и что у них такие соседи! А как бы она управлялась, если бы жила одна? Немыслимо! Дай бог Бэлле Львовне здоровья, а Иринке – сознательности и здравомыслия. Неужели наступила наконец светлая полоса в ее жизни, когда все в порядке? Мальчики уже достаточно большие и не требуют постоянного присутствия родителей рядом, Вадим в Москве, уже купил машину, правда, в Обнинск ездит пока на электричке – с бензином проблемы, но все равно машина – это вещь нужная и полезная, Иринка взялась за ум и с удовольствием учится... Не сглазить бы.

* * *

Но она, кажется, сглазила. Вот уже несколько дней она возит с собой в сумке две газеты: «Российскую газету» от 22 апреля и «Известия» от 30 апреля. И в той, и в другой – открытые письма Казимеры Прунскене, бывшего премьер-министра Литвы. «Меня стремятся скомпрометировать», «Я не была агентом КГБ». Нападки на Прунскене начались еще в прошлом, 1991 году, сначала в январе в «Новом времени» появилось сообщение «О непричастности отца К. Прунскене к расстрелу 22 литовских семей», а потом, летом, в «Мегаполис-Экспрессе» опубликовали материал под довольно резким названием «Ври, да не завирайся: протест Прунскене в связи с публикацией порочащих ее отца сведений о его связи с КГБ». Наташа эти материалы читала, но внимания особого не обратила, тем паче скандал заглох, не разгоревшись, и после июньской публикации ничего не последовало. И вот теперь... В течение одной недели – целых два письма. Значит, ничего там не заглохло, Казимеру продолжают травить. Казимеру Прунскене, которая была премьер-министром страны. А что же будет с другими, с теми, кто не премьер-министр и даже не просто министр?

Рядом с Наташей всегда были друзья. С самого рождения – Бэлла Львовна, к которой можно было прибежать с любой проблемой и которая готова была выслушать и дать разумный совет. С семи лет – Инка, верная подружка, готовая примчаться на помощь по первому зову. Потом Вадим, потом, с 1984 года – Андрей Ганелин. Все это близкие, родные люди, и Наташа не только обращалась к ним за помощью, но и сама делала для них все, что могла. Но теперь... Никому из них она не могла бы рассказать о том ужасе, который ее охватил. Ни с кем из них она не могла бы поделиться. Потому что это означало бы утратить их любовь и доверие навсегда. Они не поймут ее и не простят.

Отныне Наташа каждый день с дрожью в пальцах листала газеты, со страхом ожидая увидеть новые публикации. В мае – ничего, вот и июнь почти прошел, ан нет, во второй половине июня снова показало свое ядовитое жало «Новое время»: статья известного журналиста «Кругом одни агенты: о связях с КГБ литовских деятелей, в том числе Прунскене». А 21 июля «Российская газета» задала сакраментальный вопрос: «Была ли Казимера ведьмой КГБ?» Эта формулировка доконала Наташу. Ведьма КГБ! Значит, открыли архивы, проверяют картотеки агентов и вытаскивают на свет божий имена тех, кто сотрудничал с органами госбезопасности. И неважно, совершенно неважно, была ли Казимера Прунскене действительно связана с КГБ, важно другое: этот вопрос вызывает острый интерес, его готовы обсуждать, а тех, кто был информатором КГБ, безжалостно разоблачать. Сегодня Казимера, а завтра она, Наталья Воронова. И всему конец. И ей самой, ее репутации честного публициста, и ее программ, и ее компании. Пострадают ребята, которых она пригласила на работу, которых обнадежила, которые рассчитывают теперь, что им будет, чем заниматься и на что жить и содержать семью. Южаков тут же прикроет компанию, а ребят выгонит на улицу, за ним не заржавеет. Господи, как стыдно! Что же делать? Что делать?

Три месяца она молчала, прятала свой страх поглубже и старалась делать вид, что ничего не происходит. Но больше она не в силах это выносить, ей необходимо хоть с кем-то поделиться, с кем-то поговорить. С кем же? Есть только один человек, который никогда не станет ее осуждать, что бы она ни сделала. Иринка.

...Из задумчивости ее вывел голос девушки-парикмахера:

– Наталья Александровна, что это с вами? Вы же у меня были перед Новым годом, я вас красила и хорошо помню, что седины было совсем немного. А сейчас у вас половина головы седая. Вы не болеете?

– Нет-нет, – торопливо пробормотала Наташа. – Просто нервничаю много, новая работа, новые заботы. А что, действительно много седины?

– Да я ж вам говорю – полголовы.

Наташа по-прежнему ходила в салон к Рите Брагиной, хоть и не ближний свет, на Ленинский проспект ездить приходится, но зато привычно. И мастера у Риты всегда хорошие, и краска импортная. И относятся там к Наташе как к дорогому гостю, чашечку кофе нальют, журналчик полистать принесут, и постригут тщательно, и прокрасят как следует.

Закончив с волосами, Наташа (тоже по сложившемуся обычаю) зашла к Рите. Рита совсем не старела, по крайней мере так казалось Наташе. Какой была, когда они с мужем Славой выезжали из их квартиры, такой и осталась. Конечно, пристальный взгляд обнаружил бы и сеточку морщин на лице и шее, и слегка расплывшийся овал лица, и потускневшие и ломкие от постоянного окрашивания волосы, но Наташа ничего этого не видела. Для нее Рита по-прежнему была воплощением приветливости и доброжелательности, а именно эти душевные качества прямо-таки потоками изливались на окружающих из ее широко распахнутых голубых глаз.

– Натулик!

Рита легко поднялась со своего массивного вертящегося кресла и обняла бывшую соседку.

– Слушай, я теперь смотрю все твои передачи, – захлебываясь от восторга, зашебетала Брагина. – И Славка смотрит. Ты такая умница, Натулик, ты такая молодец, ты даже представить себе не можешь!

«Могу, – мысленно ответила ей Наташа. – Я не умница и не молодец. Я – ведьма КГБ. Где взять силы пережить этот позор? А ведь он неминуем. Если все пойдет так, как идет сейчас, то и до меня доберутся».

– Ты что-то неважно выглядишь, – озабоченно заметила Рита, внимательно разглядывая Наташу. – Нездорова?

– Здорова.

– Дома неладно?

– Да нет, Риточка, все хорошо. Просто на работе устаю, стрессы постоянные и все такое... Телевидение – это, я тебе скажу, тот еще гадючник. Террариум настоящий. А тебе правда наши передачи нравятся? – Наташа постаралась увести разговор в сторону.

Рита еще минут десять в красках расписывала, как все ее знакомые смотрят передачи, подготовленные телекомпанией «Голос», и как потом бурно обсуждают их, часами повисая на телефоне. На прощание Рита, как обычно, сунула Наташе вынутую из сейфа большую коробку дорогих конфет.

– Возьми, Натулик, у меня все равно пропадут, я шоколад не ем, а они все несут и несут. А стрессы надо снимать.

– Как? – тупо спросила Наташа, хотя ей это совершенно не было интересно.

– Спортom заниматься, в бассейн ходить. За город съезди, погуляй, проветришь, кислородом подыши. Или на крайний случай с подружкой задушевной выпей по рюмочке и почирикай часика два о мужиках. Очень помогает.

По дороге домой Наташа то и дело вспоминала данный Ритой совет «почирикать с подружкой» для снятия стресса. Иринка, конечно, не подружка, но все равно она – единственная, с кем можно об этом поговорить. После всего того, что между ними происходило все эти годы, Иринка не будет, просто не посмеет осуждать Наташу. Рита права, нельзя молчать, нужно выговориться, иначе она с ума сойдет. Нужно все рассказать и покаяться, и пусть ее слова услышат уши только одного человека, все равно станет легче.

* * *

Дома уверенность ее дала трещину. Глядя на сыновей, привезенных с Инкиной дачи на два дня «помыться и постираться» и за обе щеки уплетающих крохотные пирожки с капустой,

испеченные Бэллой Львовной, Наташа вдруг подумала, что Иринка и в самом деле не подружка ей, а скорее старшая дочь. Давно ли она была такой же вот девчонкой двенадцати лет, энергичной и непоседливой, точь-в-точь как Сашка? На самом деле, давно, десять лет назад. А кажется, будто вчера... Нет, Ира уже не ребенок, ей двадцать два года, она учится в институте, а до этого работала и даже замужем побывала. И пережила она за свои двадцать два года куда больше иных своих ровесников, росла без отца, похоронила мать и бабушку, прошла через пьянки-гулянки и все связанные с этим неприятности вплоть до гинекологических проблем, нашла в себе силы остановиться. Вот что важно: Иринка прошла через серьезнейшую ломку собственной личности, когда сама решила остановиться. Разве Наташа не знает, каких усилий ей это стоило? Разве не знает, как тяжело, как невыносимо трудно было молодой девчонке держать себя в руках и говорить себе «нет» невероятным усилием воли? Знает Наташа, своими глазами видела. И помнит, как приползала в ее комнату обессиленная Иринка и просила:

– Можно, я с тобой посижу, а ты меня за руку поддержишь? Только не выпускай меня из дома, хорошо? А то сорвусь. Сил никаких нет...

И Наташа подолгу сидела рядом с ней, держала за руку и читала ей вслух Хемингуэя, «Острова в океане», «Старика и море» или «Фиесту». И девчонка выдержала. Сумела такое, что иному взрослому мужику не под силу. После этого ее вряд ли можно продолжать считать ребенком.

Но все равно, чего она ждет от разговора с Иринкой? Сочувствия? Утешения? Предложений, как можно решить проблему? Глупо как-то. Наташе просто нужно с кем-то поделиться, и Иринка – единственная подходящая кандидатура, потому что все остальные могут просто отвернуться от нее после всех откровений. А если и не отвернутся, то трещина все равно появится.

Наташа мыла сыновей, замачивала перед стиркой выпачканные в земле и траве шортики, майки, носки и куртки, готовила ужин для Вадима, а мысль ее неотступно крутилась вокруг Иринки. Говорить с ней или не говорить? Есть аргументы «за», но есть и «против». И взвешиванию этих аргументов все время что-то мешает, какая-то не то мысль, не то просто слово или мимолетное ощущение, назойливо вторгающееся в Наташины расчеты. Кстати, а где, собственно говоря, Иринка? Время – десятый час, лето, занятий в институте нет...

«Вот оно! – мелькнуло в голове. – Институт. Вот что все время сбивает меня с толку».

Где сейчас Виктор Федорович Машенко, преподававший пятнадцать лет тому назад научный коммунизм во ВГИКе? Все еще там же? Но научный коммунизм сейчас не преподают. Ушел? Куда? Сама Наташа боится о нем расспрашивать, может быть, он давно забыл о ней, да и фамилия у нее другая, ведь во время учебы она была Казанцевой, а начини его искать или просто им интересоваться – он может и вспомнить, и сообразить, что Наталья Воронова и есть та самая Наташа Казанцева. И кто знает, к чему эти воспоминания приведут. А Иринка может знать, где Машенко, или по крайней мере выяснить это. Ира самолюбива до абсурда, во время прохождения туров при поступлении во ВГИК категорически отказалась от любой помощи со стороны Наташи, и потом, когда поступила, ни единым словом не обмолвилась (если не врет, конечно) о том, что близко, почти по-родственному связана с Вороновой. После преодоления тяги к «прошлой» жизни у девочки появился просто невероятный кураж, ощущение собственной всесильности, уверенность в том, что справится с любой задачей. И пока действительно справляется, и поступила сама, и учится хорошо, и даже хвалят ее педагоги больше, чем ожидалось. Так что скорее всего не врет Иринка, она и в самом деле молчит о Вороновой. Если так, то хорошо. Никому не придет в голову связывать Ирину Савенич с Наташей. Правда, Виктор Федорович однажды видел Иринку, тогда, в театре, но столько лет прошло! Иринке тогда было лет семь, просто невероятно, чтобы кто-то сегодня мог ее вспомнить и узнать.

Значит, с Иринкой надо поговорить. И чем скорее – тем лучше.

* * *

...Наташа сразу же стала комсоргом курса, ведь в те времена понятие «демократических выборов» было весьма относительным, хотя комсоргов и выбирали на комсомольских собраниях открытым голосованием. Просто выносилась кандидатура, рекомендованная комитетом комсомола института, и все дружно поднимали руки «за». А кого же еще мог рекомендовать комитет, если не Казанцеву, имевшую опыт работы в райкоме комсомола и блестящие характеристики? К концу первого курса ее уже ввели в состав комитета комсомола, на втором – избрали в бюро комитета. Бэлла Львовна была очень довольна и все время повторяла, что Наташе необходимо постараться вступить в партию, пока все так удачно складывается.

– Золотая моя, необходимо воспользоваться моментом, пока тебя знают и уважают в институте, – говорила она. – Как только ты окажешься за его стенами, тебе придется снова тратить годы на то, чтобы доказать, что ты достойна стать членом партии. Ты придешь в новый коллектив, где тебя никто не знает, и пройдет много времени, пока ты снова завоеешь уважение и авторитет.

Наташа старалась. Но комсомольская работа отнимала много времени. Да и бог с ним, со временем, она давно уже научилась жить в условиях жесткого цейтнота и при этом все успевать. Главным-то было не это. Наташу угнетала необходимость играть в игры, принятые в среде комсомольских функционеров. Семинары, совещания и активы, особенно выездные, непременно сопровождались застольями и увеселениями интимного характера, увернуться от которых не было никакой возможности. Все попытки уклониться от пьянки вызвали неодобрительное покачивание головой и совершенно недвусмысленные намеки на то, что Наташа «как неродная, а ведь ей еще в партию вступать, кто ж ей даст рекомендацию, кто ее будет поддерживать, если она ставит себя выше коллектива?». Еще до института, во время работы в райкоме, Наташа знала, что райкомовские инструкторы регулярно собираются на всяческие «мероприятия», но ее как вчерашнюю школьницу туда не звали, и о том, что там происходит на самом деле, она могла лишь догадываться по отдельным репликам, сальным смешкам и в огромных количествах потребляемым таблеткам от похмельной головной боли. Теперь же, учась в институте, она испытала эти радости на собственной шкуре. И если от физической близости ей еще как-то удавалось увильнуть, хоть и с огромным трудом и массой ухищрений, то все остальные пункты программы приходилось выполнять на совесть, участвовать в застольях и коллективных посещениях бань и делать вид, что ей весело и интересно, да так старательно притворяться, чтобы никто и не заподозрил, до какой степени ей это тягостно и скучно.

Одно такое «мероприятие» с выездом в Загорск пришлось как раз на время подготовки к экзамену по научному коммунизму. Наташа с трудом успела выучить только половину билетов и явилась на экзамен со страшной головной болью. Ей не повезло, ни одного вопроса в билете она толком не знала, кое-что помнила из лекций, но явно недостаточно для связного ответа. Принимал экзамен профессор Машенко, молодежавый стройный красавец сорока с небольшим лет, предмет обожания некоторых Наташиных сокурсниц. Послушав в течение двух-трех минут ее бессвязный лепет, Виктор Федорович молча полистал Наташину зачетку, закрыл и положил на стол.

– Вы же отличница, Казанцева, – сказал он сочувственно, – что с вами? Вы плохо себя чувствуете?

– Да, – призналась Наташа. – Голова очень болит. Ничего не соображаю.

– Хорошо, – кивнул профессор. – Давайте мы с вами вот как поступим. Вы сейчас пойдите примите какое-нибудь лекарство, а когда головная боль пройдет, приходите снова. Не хочется ставить вам «неудовлетворительно», вы же наверняка готовились. Ведь готовились, правда?

– Правда, – неуверенно солгала Наташа. – Я готовилась. А когда мне подойти? Завтра?

– Какое же может быть «завтра»? – приподнял брови профессор. – Я уже поставил в ведомость номер вашего билета, а ведомость я должен сдать в учебный отдел сразу после экзамена. Поэтому я сейчас поставлю в ведомость и в вашу зачетку оценку «хорошо», а вы мне дадите слово, что сегодня же придете и расскажете все вопросы из этого билета. И по другим темам мы с вами потолкуем. Я понимаю, что головная боль – штука неприятная, и я готов пойти вам навстречу, но при этом должен быть уверен, что эту четверку вы действительно заслужили. Очень надеюсь, что вы меня не подведете и придете. Скажем, часа в четыре, я к этому времени освобожусь, и мы с вами побеседуем.

– Спасибо, Виктор Федорович, – искренне поблагодарила Наташа, – я обязательно приду.

Она выскочила из аудитории с пылающими щеками, одолжила у кого-то две таблетки цитрамона и запила их водой из крана в туалете. До назначенного времени еще пять часов, она должна успеть привести мозги в порядок и хотя бы освежить в памяти основные разделы учебника.

Без десяти четыре из аудитории, где профессор Машенко принимал экзамен уже у второй в этот день группы, вышел последний студент. Наташа робко отворила дверь.

– Можно, Виктор Федорович?

– А, Казанцева! Заходите. Как ваша голова?

– Прошла, – улыбнулась она.

Машенко сдержал слово и минут тридцать гонял по всем темам курса. На какие-то вопросы Наташе удалось ответить даже блестяще, на какие-то – вполне сносно, ни по одной теме она не «плавала».

– Ну что ж, Наталья... – профессор заглянул в зачетку, – Александровна, мои поздравления и одновременно сожаления. Если бы вы так отвечали утром, я бы с чистой совестью поставил вам «отлично». Жаль, что пришлось испортить вашу зачетку, там ведь никаких оценок, кроме отличных, до сегодняшнего дня не было.

– Ничего, – вздохнула Наташа, – я сама виновата.

– Вот как?

Машенко заинтересованно смотрел на нее, всем своим видом показывая, что ожидает продолжения и объяснения. Наташа запнулась: не рассказывать же ему о вчерашнем «сабантуйчике» в Загорске, с которого она вернулась домой только в два часа ночи.

– Редко когда мне доводилось слышать такое от студентов, – заметил между тем профессор, – обычно в плохом ответе на экзамене бывают виноваты кто угодно и что угодно, только не они сами. А что же у вас случилось?

– Комсомольский актив, – коротко ответила она. – Его проводили за городом, я поздно вернулась. Можно было, конечно, не поехать, ведь сессия – причина уважительная, но я поехала. Поэтому и говорю, что сама виновата.

– Вот тут вы не правы, Наташа, комсомольская работа – это очень важное и ответственное дело, им пренебрегать нельзя. Другое дело, что подобные мероприятия не должны затягиваться до поздней ночи, тем более если проводятся за городом. Это действительно безобразие. И голова у вас болит после этого. Много пришлось выпить? – неожиданно спросил Виктор Федорович.

Наташа вздрогнула и уставилась на профессора в полном изумлении. Ничего себе вопрос! И как на него отвечать? Врать, что там вообще никто к спиртному не притрагивался? Глупо. Раз задает такой вопрос, значит, прекрасно осведомлен о нравах, царящих в комсомольской среде. Сделать святые глазки и уверять, что все, конечно, перепились, но сама она – ни-ни, ни капли? А как же головная боль? От простуды, что ли?

– Много, – решительно ответила она. – То есть по обычным меркам это немножко, но я плохо переношу спиртное, мне хватило, чтобы потом голова разболелась.

– А зачем же пили? Чтобы сойти за «свою»?

В голосе его Наташа услышала сочувствие и понимание и решила не притворяться. В конце концов, человек и сам все знает, так зачем душой кривить?

– Я должна играть по их правилам. Так сказать, соответствовать. Иначе мне в партию вступить не дадут.

– Да-а-а, – Мащенко задумчиво покивал головой, – я вас понимаю, Наташа. К сожалению, не вы одна в такой ситуации находитесь. А может быть, вам бросить эту затею, а? Пожалейте себя, поберегите.

– А как же вступление в партию?

– Ну зачем вам это, Наташенька? Вы – красивая девушка, выйдете замуж, родите ребенка, будете писать свои сценарии, а если по ним будут снимать удачные фильмы, будете зарабатывать очень много, больше, чем режиссеры. Зачем вам непременно нужно быть членом КПСС? И потом, вы с этим всегда успеете.

Наташа ничего не понимала. И это говорит ей профессор, читающий им курс научного коммунизма? Он считает, что быть членом партии не обязательно? Что человек не должен к этому стремиться? Да он шутит, наверное!

– Вы... шутите? – осторожно спросила она.

Виктор Федорович от души рассмеялся. Зубы у него были белыми, ровными и блестящими, и Наташа с удивлением подумала о том, что никогда раньше не обращала внимания на его мужскую привлекательность, хотя многие девчонки вокруг неоднократно твердили ей об этом.

– Конечно, я шучу, Наташа, – весело подтвердил он. – Мне просто любопытно было, что вы мне ответите. В рамках понимания вами идеологии научного коммунизма. А вы, я смотрю, изрядно подустали от такой активной комсомольской деятельности, а?

– Смертельно, – искренне призналась Наташа. – И времени много отнимает, и вообще... все это...

Когда она вышла из аудитории, то с удивлением обнаружила, что уже половина восьмого. Полчаса Мащенко ее экзаменовал, а остальные три часа разговаривал с ней о самых разных вещах. О комсомольской работе. О роли кино в ее собственной жизни. О том значении, которое киноискусство имеет в современном мире, формируя образцы для подражания как у детей, так и у взрослых. Они вместе наперебой вспоминали, как разошлись в народе и остались на долгие годы фразы из «Бриллиантовой руки», «Джентльменов удачи», «Семнадцати мгновений весны». «Поскользнулся, упал, очнулся – гипс», «Пасть порву, моргалы выколю», «Все под колпаком у Мюллера». Даже в шутку посоревновались, кто больше цитат приведет из одного и того же фильма. По «Джентльменам удачи» победила Наташа, по сериалу о Штирлице – профессор, а на комедии Гайдая разошлись вничью со счетом восемь – восемь. Сошлись во мнении, что кинематограф сегодня играет важнейшую идеологическую роль, влияет на вкусы, нравы, умы и сердца, стимулирует выбор той или иной профессии, того или иного жизненного пути и нравственных ориентиров. Наташа поделилась своими детскими впечатлениями от фильмов, рассказала, как плакала, когда смотрела ленту Петра Тодоровского «Фокусник», и как была счастлива, когда на вступительных экзаменах во ВГИК ей пришлось писать рецензию именно на этот фильм. Виктор Федорович, в свою очередь, рассказывал, как переживал за героя фильма «Донская повесть», который вынужден был делать выбор между интересами революции и своими личными, и как в молодости хотел быть похожим на героев «Молодой гвардии», и как восхищался силой духа парализованного кораблестроителя из «Неоконченной повести». От силы духа и нравственной стойкости разговор плавно перешел на секретную послевоенную доктрину США по борьбе с СССР. Согласно этой доктрине, как считал Даллес, с нашей страной нужно бороться вовсе не экономическими методами, Вторая мировая война показала, что советский народ непобедим именно благодаря невероятной, невиданной ранее в

истории силе духа и стойкости, и никакие экономические и народнохозяйственные трудности не могут сломить эти качества. Для того чтобы победить и подчинить себе СССР, необходимо парализовать источник всех наших побед, добиться разложения нравов, привить культ секса, насилия и жестокости, садизма и предательства в массовой культуре, тогда страну можно будет взять голыми руками. «Литература, театры и кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства». Наташа слушала, раскрыв рот, она никогда и нигде не слышала о такой доктрине, а Виктор Федорович объяснил, что это – закрытая информация, об этой доктрине давно, еще с конца сороковых годов, знает советское руководство, но вообще-то распространяться об этом не следует, просто Наташа как сознательная комсомолка, будущий член партии и будущий кинематографист достойна того, чтобы об этом знать.

И как-то совершенно естественно оба пришли к выводу, что в противостоянии американской доктрине по разрушению самосознания советских людей трудно переоценить роль искусства кино. А это означает, что к созданию кинофильмов ни в коем случае нельзя допускать людей идеологически невыдержанных, морально неустойчивых, нравственно уродливых, обладающих дурным вкусом.

А дальше все было совсем просто. Наташа Казанцева не хочет больше участвовать в разнузданной жизни комсомольского актива. Она хочет добросовестно учиться, стать хорошим киносценаристом, вступить в ряды КПСС. И разумеется, можно избавить ее от выполнения тягостных обязанностей по участию в коллективных пьянках. Она получит рекомендации в партию, и на парткомиссии ее не станут мучить вопросами, а на открытом партсобрании никто не будет возражать против ее приема кандидатом в члены КПСС. Наташа же, в свою очередь, внесет посильную лепту в то, чтобы очистить ряды студентского сценарного отделения ВГИКа от тех, кто может нанести непоправимый вред идейному воспитанию народных масс.

Разумеется, она согласилась. Она не видела ничего предосудительного в том, что предлагал ей Виктор Федорович Машенко. Наташа Казанцева искренне верила в коммунистические идеалы. Она родилась спустя всего десять лет после окончания войны, и на протяжении всего детства видела людей, прошедших это адское пекло, разговаривала с ними, слушала их рассказы, трогала нежными детскими пальчиками шрамы, оставленные пулями и осколками гранат. Это и ее отец, и мама, и их друзья, и друзья Бэллы Львовны, и сама Бэллочка, воевавшая вместе с мужем и похоронившая его вскоре после войны. И разговоры о силе духа и потрясающей стойкости советских солдат и всего советского народа были для нее не пустым словом. А то, что кино – важнейшее из искусств, так это еще Ленин сказал, всем известно, в каждом кинотеатре ленинские слова на видном месте помещены. И разрушить нравственную целостность и идейную насыщенность советской морали легче и проще всего именно через кинематограф, это же очевидно. Если Наташа Казанцева может сделать хоть что-то полезное, чтобы предупредить проникновение чуждых элементов в киноискусство, то она просто не имеет морального права этого не сделать. И райкомовские инструкторы больше не будут смотреть на нее сальными глазами и предлагать выйти в другую комнату, и ей не придется больше пить ненавистную водку, мешая ее то с шампанским, то с вином, и не придется просиживать часами в душных банях, созерцая далеко не совершенные мужские и женские потные тела, слегка прикрытые полотенцами.

Она не стала доносицей. Просто один раз в месяц встречалась с Виктором Федоровичем в ГУМе, они не спеша бродили вдоль прилавков и вполголоса беседовали о самых разных вещах, как и в тот, самый первый, раз. Он был интересным собеседником, энциклопедически образованным, умел излагать даже самые сложные вещи просто и понятно и спорить так, что Наташа не чувствовала себя глупой, темной и униженной. Легко и без нажима он предоставлял ей возможность рассказывать о настроениях в среде сокурсников, о том, кто каким кино интересуется, какие образцы для подражания выбирает для себя в западном кинематографе, какие идеи собираются вкладывать в свои будущие сценарии. Это совсем не было похоже на доносы

или на беседы агента с резидентом. Просто встретились случайно в крупнейшем универмаге города профессор и студентка из одного вуза и разговорились на профессиональные темы. Ни разу после такой встречи у Наташи не осталось неприятного осадка.

А потом отчислили за неуспеваемость и нарушения дисциплины Вальку Южакова. Еще и из комсомола исключили. Но Валька действительно прогуливал занятия и несколько раз являлся в институт в нетрезвом виде. Собственно, для студентов это не было чем-то из ряда вон выходящим, прогуливали все, кто – постоянно, кто – частенько, кто – изредка. И пьянство было делом обычным. Просто не все попадались. Вальке не повезло, он попался. Правда, за месяц до этого Наташа рассказывала Виктору Федоровичу о том, как Южаков распространялся на тему диссидентской подпольной литературы и строил планы создания диссидентского кино, но «по-умному», чтобы ни один чиновник из Министерства культуры ничего не мог заподозрить, а все крамольные идеи читались бы между строк. Умный поймет, а дурак не заметит. У Вальки был какой-то хитрый канал доступа к «самиздату», запрещенная литература у него не переводилась, и он периодически знакомил с ней своих приятелей-студентов. Об этом Наташа, конечно, не сказала профессору, это, по ее мнению, уж точно было бы похоже на донос. Но, наверное, Машенко каким-то образом сам узнал.

В двадцать лет она вступила в партию, Виктор Федорович сдержал слово, и никаких препятствий Наташе не чинили, на парткомиссии обошлись всего двумя вопросами – один по биографии, другой по Уставу КПСС, на партсобрании все прошло еще проще, ведь Казанцеву хорошо знали в институте как отличницу и бесменного комсорга своего курса.

После защиты диплома все тот же Виктор Федорович помог ей устроиться редактором на телевидение, это было огромной удачей. Вообще среди выпускников сценарного отделения считалось крупным везением попасть после окончания института либо на телевидение, либо редактором-стажером на крупную киностудию, например, на «Мосфильм». Многие, не имеющие связей и возможностей, так и оставались свободными художниками с дипломом на руках. А Наташа благодаря профессору Машенко получила постоянную работу и зарплату, целых 110 рублей. Правда, после вычета налогов оставалось всего 100 рублей 40 копеек, но это было существенно лучше, чем вообще ничего.

Больше она никогда ничего не слышала о Викторе Федоровиче и ни разу с ним не встречалась, даже случайно не сталкивалась.

К двадцати пяти годам Наташа начала понемногу прозревать. Идейная убежденность в правильности коммунистических идеалов стала шататься и рушиться, она пристально вглядывалась в окружающую жизнь и шаг за шагом продвигалась к пониманию того, что ее обманывали. Нет никакой «единой общности людей – советского народа», а есть люди, очень разные и очень непохожие друг на друга, которых насильственно пытаются сделать равными и одинаковыми по образу мыслей и образу жизни, по достатку независимо от трудолюбия и талантливости, по вкусам, пристрастиям и даже внешнему виду. Нельзя высовываться, нельзя выделяться, нельзя быть не таким, как другие. Все должны быть похожими друг на друга, жить в одинаковых домах, в одинаковых квартирах с одинаковой мебелью, одинаково одеваться, любить одни и те же книги и фильмы (о том, какие именно, регулярно сообщали народу через газеты), а также членов правительства и Политбюро ЦК КПСС.

– Бэлла Львовна, я просто не верю, что вы сами этого не видите, – поделилась она как-то своими сомнениями с соседкой.

– Ну почему же, – усмехнулась та, – я отлично все вижу и понимаю, я же не слепая.

– Тогда зачем вы с самого детства заставляли меня быть сначала активной пионеркой, потом активной комсомолкой, советовали как можно скорее вступить в партию? Зачем, если вы понимали, что все это – ложь и демагогия?

– Золотая моя, где бы ты сейчас была, если бы мы с твоими родителями тебя вовремя не вразумили? Твой папа Александр Иванович – умный человек, он понимал, что если поз-

волить хоть капле сомнения проникнуть в твою детскую головку, то ты пропадешь в нашей стране. Ты просто не выживешь. Не сможешь адаптироваться, не сможешь подладиться под существующие правила и нормально устроить свою жизнь. Если бы ты не верила свято во все эти пионерские, комсомольские и партийные дела, ты бы не достигла того, чего достигла. И уж точно не работала бы сегодня на телевидении, можешь мне поверить. На телевидение идейно непроверенных не допускают.

Наташу сжигал стыд. Особенно при воспоминании о Вальке Южакове. Какой она была дурой, как же она позволила так заморочить себе голову! Дала себя завербовать, да-да, завербовать, никаким иным словом она не могла бы назвать то, что сделал с ней Виктор Федорович Машенко. Он работал на КГБ, это яснее ясного, вербовал среди студентов тех, кто мог стать источником полезной информации и помогать заблаговременно ставить на контроль идейно неблагонадежных будущих кинодеятелей. Именно они, эти неблагонадежные, впоследствии и оставались «свободными художниками». Их ниоткуда не исключали, но куда и не брали, а написанные ими сценарии ни при каких условиях не могли попасть в редакционный портфель ни одного творческого объединения, ни одной киностудии. Конечно, все это было прикрыто мифической доктриной Даллеса по моральному разложению советского общества, и противостоять выполнению такого плана – дело нужное и правильное, тут сомнений быть не может. Только план-то составлялся когда? Сразу после войны, когда мораль еще была и было, что разлагать. В этой морали была воспитана и сама Наташа, понятия любви к Родине, самоотверженной борьбы за скорейшее наступление коммунизма, честности, добросовестности в делах по принципу «сначала – общественное, а только потом – личное», преданности интересам коллектива, взаимопомощи и взаимовыручки, необходимости выполнять данные обещания были ключевыми во всей ее недолгой пока жизни, и тогда, в середине семидесятых, она ни на секунду не усомнилась в том, что этот же моральный стержень пронизывает все общество. Теперь же, в начале восьмидесятых, она отчетливо видела, что никакой морали и никакой идеологии на самом деле нет. То есть все это есть в партийных документах и в громких словах, произносимых с высоких трибун, а в реальной жизни ничего этого уже давно не осталось, все прогнило и рухнуло, и на месте развалин слабым дымком вьется скрытое недовольство, осколками битого стекла поблескивает ядовитый скепсис да пышным цветом цветут политические анекдоты и вполголоса пересказываемые запрещенные книги. И бороться американцам не с чем. А Вальке Южакову Наташа просто-напросто искалечила жизнь, ведь, будучи исключенным из комсомола, он вряд ли смог устроиться на какую-нибудь более или менее интересную работу, разве что дворником или сантехником, а он такой талантливый...

Чувство стыда, сначала такое острое, с годами притупилось, но окончательно так и не исчезло. А теперь, после газетных публикаций о Казимере Прунскене, к нему прибавился еще и страх. А вдруг где-нибудь, в каких-нибудь архивах есть Наташина фамилия как информатора? Конечно, в этих архивах сотни тысяч фамилий, и совсем не обязательно, что волна скандала поднимется именно вокруг имени Казанцевой-Вороновой, наверняка найдутся люди и поинтереснее. Но есть и другой аспект проблемы: Виктор Федорович Машенко. В его личном архиве, в его памяти этих имен куда меньше, вероятно, всего пара десятков. И не исключено, что ему для его личных целей понадобится выудить из мутного стоячего пруда золотую рыбку, которая привлечет внимание и поможет решить какую-нибудь проблему, например политическую. Ведь неизвестно, чем он сегодня занимается, к какому политическому течению примкнул и чьи интересы отстаивает и защищает. Если у него есть контакты с телевидением (а они наверняка есть), то он может оказаться втянутым в интриги вокруг рекламных дел. Эти интриги не могли не затронуть и телекомпанию «Голос», и Наташа прекрасно понимала, что если кто-нибудь захочет ее убрать, то выуженная из глубин машенковского пруда рыбка окажется весьма кстати. К столу, так сказать, с пылу с жару...

Шел второй час ночи. Наташа дождалась, пока Иринка явится домой с очередного романтического свидания, она не хотела откладывать разговор. Сыновья давно видят пятнадцатый сон, Вадим тоже заснул – он очень рано встает, в пять утра, чтобы к девяти быть на службе в учебном центре, поэтому вечером может дотерпеть максимум до одиннадцати часов, потом засыпает мертвым сном. Наташа погасила свет, взяла книжку и ушла в Иринкину комнату дожидаться соседку. Дождалась. И едва та переступила порог, начала рассказывать. Нет, не ошиблась она в своей девочке, ни разу на всем протяжении Наташиной исповеди на лице у Ирины не мелькнуло даже тени презрения, отвращения или негодования. Только внимание, сочувствие и готовность помочь.

Ирина

Все это казалось ей таким знакомым... Нет, совершенно определенно, она тоже слышала эти слова о доктрине по разрушению самосознания советских людей. Но где она их слышала? И показаться ей не могло, память Иру пока ни разу не подвела.

– Не, Натулечка, твой профессор тебя не обманул, доктрина не мифическая, – задумчиво проговорила Ира. – Я что-то такое слышала, только не могу вспомнить, где и от кого. Сейчас, погоди минутку, я мысли поворошу...

Взгляд ее остановился на вырезанных из газет публикациях, которые Наташа выложила на стол. Ну конечно, она читала об этом в газете! И не так уж трудно вспомнить, в какой именно, ведь Ира газеты вообще почти никогда не читает, только если телевизионную программу посмотрит или материал о чем-нибудь уж очень скандальном. Несколько дней назад Ира, возвращаясь домой поздно вечером, купила у какой-то бабульки, торгующей возле метро, батон белого хлеба и три пучка зелени – петрушка, укроп, зеленый лук. Зелень бабулька завернула в газету. Дома девушка выложила пакет с витаминной травкой на стол в кухне, вскипятила чайник и села выпить чайку с только что купленным хлебом, намазанным вареньем. Газетный текст оказался прямо перед глазами, и Ира от нечего делать бегала глазами по строчкам. Точно. Именно так все и было.

Она сорвалась с места и помчалась на кухню. Заглянув в холодильник, убедилась, что пакет с остатками зелени все еще лежит внизу, в овощном ящике, быстро переложила единственный оставшийся в живых пучок петрушки в полиэтиленовый мешочек, расправила газетный лист, стряхнула с него комочки земли. Вот она, статья под названием «...И предатели нашлись». Ох, как круто завернули! Прямо уж и предатели! Но Наташка обязательно должна это прочесть, и нечего ей стыдиться и волноваться, ведь она боролась с предателями, а не с друзьями.

– Нашла, – радостно объявила Ира, входя в комнату с газетой в руках. – Это «Литературная Россия» за 31 июля. Я ж помню, что совсем недавно это читала. Здесь приводятся слова Даллеса, вот послушай, я тебе прочитаю: «Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности фальшивыми и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания». Каково, а? Тут еще дальше есть интересное: «Литература, театры и кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, – словом, всякой безнравственности». Во дает! Так, что там дальше-то... А, вот еще: «Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит». Ни фиги себе! Выходит, в КГБ не дураки сидели, раз поняли, что происходит.

Она чувствовала, что говорит не то и не о том, что Наташе нужны от нее какие-то другие слова, но не могла понять и придумать, что же ей сказать, чтобы стереть выражение затравленности и ужаса с ее красивого лица. Наташке плохо, ей страшно, она мучается, она пришла к ней за помощью, а Ира даже не знает, чем и как ей помочь. Хотя что значит – не знает?

Знает. Прекрасно знает. И сделает.

* * *

Ей без труда удалось узнать, что профессор Машенко с недавнего времени во ВГИКе больше не работает, он теперь заместитель главного редактора журнала «Депутат». Та же общительная тетенька из учебного отдела института доверительно сообщила, что у Виктора Федоровича есть сын, между прочим, разведенный. И при этом как-то странно посмотрела на Иру. Но та не растерялась.

– Я потому и спрашиваю, – с ходу начала она плести. – Познакомилась тут с одним, с виду такой приличный, а как узнал, что я во ВГИКе учусь, так и заявляет, что якобы у него папаша здесь работал. Я решила проверить, врет или нет? А то сейчас время сами знаете какое, нарвешься еще на бандита какого-нибудь.

– Как зовут? – живо поинтересовалась ее собеседница. – Игорем?

– Сказал, что Игорем, – наобум брякнула Ира.

– Тогда не врет. У Виктора Федоровича сына Игорем зовут.

– А он не бандит?

– Да ты что, наоборот, он в милиции работает.

Первый шаг был сделан. Для второго уже нужны были деньги, но это не столь сложная проблема, деньги у Иры есть, нынешний ее воздыхатель, богатенький Буратино, как раз недавно, ко дню ее рождения, подарил ей двести долларов, чтобы она купила себе что-нибудь фирменное из одежды и обуви. Сам он в женских шмотках ни фига не понимал, поэтому за полгода плотных ухаживаний ни разу не сделал ей подарка-сюрприза. Всегда говорил: «Я хочу подарить тебе пальто. Поедем – выберешь». Или сапоги. Или сумочку. Или просто давал деньги. Он был щедрым, сексуально озабоченным и невыносимо скучным, но Ира предпочитала его обществу обществу своих ровесников, она уже давно поняла, что молодые люди ее совсем не интересуют. С ними, конечно, было о чем потрепаться, они были веселыми и разделяли ее вкусы, но мысль о физической близости с ними мгновенно вгоняла Иру в уныние. Ей нравились мужчины постарше.

Сунув в сумочку две стодолларовые купюры, Ира отправилась искать своего знакомого Азамата, продавца из коммерческой палатки, который постоянно нуждался в деньгах. Легенда родилась сама собой во время разговора с сотрудницей учебного отдела, осталось только чуть-чуть отточить ее, сделав пригодной для Азамата.

– Азаматик, – начала она, для порядка купив у него две пачки сигарет «Мальборо», одноразовую зажигалку и бутылку ликера «Амаретто», – у меня к тебе дело. Тебе ведь нужны деньги?

– Спрашиваешь! – хохотнул смуглокожий симпатичный парень. – А кому они не нужны?

– Правильно, Азаматик, всем мужчинам нужны деньги. А что нужно женщинам?

– Как что? Мужчины, у которых есть деньги.

– Поправочка: женщинам нужны мужчины. Желательно в качестве мужей. И желательно с деньгами. Желательно, но не обязательно. Главное, чтобы женщина его любила. Короче, Азаматик, я присмотрела себе одного кадра. Знаю, как зовут, знаю, где работает его папаша. Больше ничего не знаю. А познакомиться хочется. Очень перспективный кадр. Поможешь?

– Познакомиться? – вздернул густые брови Азамат.

– Нет, это уж я как-нибудь сама. Мне нужно узнать, где мой суженый живет, где работает и каким маршрутом добирается из дома на работу и обратно.

– Сто пятьдесят баксов, – немного подумав, изрек Азамат.

– Живодер ты! Хорошо, сто пятьдесят, но тогда с фотографиями, чтобы я была уверена, что ты ничего не напутал. А то принесешь мне сведения про совершенно другого мужика, и

что я с ними делать буду? А денежки тью-тью. Значит, так, сто сейчас, остальные пятьдесят – когда сделаешь то, о чем я прошу.

– Справедливо, – кивнул продавец. – А когда надо-то?

– Побыстрее, Азаматик. У меня сейчас каникулы, время свободное есть. А то в сентябре занятия начнутся, тогда мне его не выловить. Ты запиши себе: Игорь Викторович Машенко, лет примерно тридцать. Говорят, работает в милиции, но это не точно.

– Обалдела?! – зашипел на нее Азамат. – Ты чего, меня посылаешь за ментом следить? Мне жить пока не надоело.

– Да перестань. – Ира мысленно обругала себя за то, что не предусмотрела реакцию молодого кавказца и не продумала заранее объем выдаваемой ему информации. – Во-первых, еще не факт, что он мент, это мне так сказали, но могли и соврать или напутать что-то. А во-вторых, я же не прошу тебя за ним следить, мне от него ничего не надо. Ты только выясни адрес, где он работает, где живет, на какой машине ездит или, может, на метро или на автобусе. Больше от тебя ничего не требуется. Ладно, не дрейфь, записывай дальше. Отец, Машенко Виктор Федорович, доктор наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Депутат». На вот, держи, – она вытащила из сумки и протянула Азамату свежий номер журнала, – там написан адрес редакции и всякие телефончики, если вдруг понадобится.

– Если мент, тогда двести баксов, – продолжал упрямиться Азамат. – Риск все-таки.

– Ой, ну какой там риск! Ты же не преступник.

– Двести.

– Ну хорошо, – сдалась Ирина. – Только все равно сто сейчас и сто потом.

Судя по тому, что в течение нескольких последующих дней в палатке торговал не Азамат, а его сменщик, работа шла, задание выполнялось. Наконец, в очередной раз проходя мимо палатки, Ира увидела за стеклом витрины знакомый профиль.

– Ну как? – Она просунула голову в окошечко.

– Привет, – заулыбался Азамат. – Как в лучших домах. Заходи.

Он отодвинул щеколду и открыл боковую дверь. Парень был невысоким и щуплым, и ему вполне хватало места в тесной палатке, заставленной изнутри блоками сигарет, бутылками с ликерами и спиртом «Ройял», коробками с конфетами и колбасами. Крупной рослой Ирине пришлось стоять неподвижно, чтобы ничего не уронить и, не дай бог, не разбить.

– Получи своего суженого. Вот адрес, где живет, вот адрес, где работает, вот номер машины, а это фотографии. Две штуки. Больше не стал делать, чтобы не рисковать. Погляди, он – не он?

– Он, – коротко ответила Ира, едва взглянув на снимок.

Конечно, это он, Игорь. Хотя прошло полтора десятка лет с той их единственной встречи в Большом театре, на «Спартаке», и ему было лет пятнадцать-шестнадцать, а самой Ире – семь, но она все равно вспомнила это лицо и узнала его. Есть люди, которые с годами меняются до неузнаваемости, вот Наташка, например. Если взять ее фотографии пятнадцатилетней давности и сравнить с ней сегодняшней, то только очень близкие друзья и родственники, которые видели ее на протяжении этого времени каждый день, скажут, что это один и тот же человек. А есть люди, которые почти совсем не меняются, и Игорь Машенко, что очевидно, из их числа.

Она отдала Азамату оставшиеся сто долларов, сунула полученный от него конверт в сумку и вышла на улицу. На просчитанном ею пути было пять этапов, пять шагов. Два уже сделаны. Осталось еще три.

* * *

Ира ужасно замерзла, она ушла из дома утром, когда всюю светило солнышко и предупреждения синоптиков о похолодании во второй половине дня казались сказочно-надуман-

ными. «И вообще, синоптики всегда ошибаются», – думала девушка, натягивая джинсы и трикотажную маечку на тонких бретельках. Однако на этот раз прогноз сбылся, небо затянуло облаками, после обеда задул холодный ветер, кожа на плечах и руках у Иры покрылась мерзкими мурашками и приобрела сомнительной приятности синеватый оттенок. Можно было бы, конечно, вернуться домой и предпринять новую попытку на следующий день, но не в ее правилах было отступать от принятых решений. Раз начала – доведет до конца. Тем более машина Игоря Машенко – белый «Форд Сьерра» – вот она, стоит, родименькая, хозяйина дожидается. А завтра еще большой вопрос, будет ли она здесь стоять. Может, он по делам куда-нибудь в другое место отправится. Черт бы его взял, этого супердобросовестного трудоголика, ну сколько можно на работе торчать? Так и будет там сидеть, пока всех преступников не переловит, что ли? Время – девятый час, все приличные люди уже давно дома перед телевизорами сидят, «Санта-Барбару» смотрят.

Наконец он появился. Ира ускорила шаг, чтобы оказаться возле машины чуть раньше его. Когда Игорь Машенко поравнялся с ней, девушка задумчиво разглядывала «Форд», осторожно водя пальчиком по пыльному капоту.

– Что вы хотите здесь найти?

Ира сделала вид, что вздрогнула от неожиданности, обернулась, улыбнулась виновато.

– Это ваша машина?

– Моя.

– А можно, я у вас кое-что спрошу?

Игорь открыл заднюю дверь, бросил на сиденье «дипломат» и вопросительно глянул на Иру.

– Спрашивайте.

– Понимаете, я машину выбираю, – начала она.

– Чтобы угнать? – с улыбкой осведомился Игорь.

Он стоял перед открытой передней дверью и нетерпеливо постукивал по ней пальцами. «Чувство юмора у него есть, – отметила Ира. – Учтем».

– Чтобы купить. Но я не знаю... Мне сказали, что я могу рассчитывать на три тысячи долларов. И советуют покупать такой же «Форд», как у вас. Как вы думаете?

– Это вы должны думать, а не я, вам же машину покупать. Я-то свой выбор уже сделал.

– Но все-таки... Вот такую, как у вас, я могу купить за три тысячи? Только новую, не поддержанную.

– Это вряд ли. Я свою брал за две с половиной, но она – пятилетка. Новую за такие деньги вы не найдете.

– Да? – разочарованно протянула Ира. – Ой, я не хочу поддержанную, мне новую хочется... А вы точно знаете, что за три тысячи новую не купить?

– Абсолютно точно.

– Ну ладно. – Она обреченно вздохнула. – Тогда буду покупать такую же, только красную.

– Не получится, – усмехнулся Игорь.

– Тоже не получится? А почему? Красные дороже, что ли?

– Да нет, просто у этой модели базовые цвета – белый, серый и кофе с молоком. А если хотите красный, то надо или перекрашивать, или делать специальный заказ на заводе-изготовителе, но это уж за совсем бешеные бабки.

– А что же делать? – Ира посмотрела на него с детской растерянностью. – Я хочу обязательно красную.

– Тогда берите «Опель Кадет», у него цена примерно такая же, но базовые цвета – белый, серый и ваш любимый красный.

– «Опель Кадет»? – задумчиво переспросила она. – А у него какой объем двигателя?

В глазах Игоря мелькнул неподдельный интерес. На это и было рассчитано: сначала показаться полной дурой, которая выбирает машину не по ходовым качествам, а по цвету, а потом неожиданно продемонстрировать кое-какие специальные познания. Человеку всегда намного интереснее то, о чем ему приходится менять свое мнение. Думал так, а потом оказалось иначе... Интересно, любопытно, запоминается.

– У «Опеля» – один и шесть, – ответил он.

– А у вашего «Форда» – один и восемь.

Ладно, несущественно. А салон? У меня ноги длинные, и вообще... – она смущенно улыбнулась, – сами видите. Я в «Опель» помещусь?

– Поместитесь, – рассмеялся Мащенко. – Можете прикинуть по моей машине, у них салоны примерно одинаковые. Я же помещаюсь, а я все-таки повыше вас. Хотите сесть?

– Да неудобно, – засмущалась Ира. – Я и так вас задержала.

– Все равно же вы меня уже задержали, – резонно возразил он. – Две минуты никакой роли не сыграют. Садитесь.

«И не мелочный, – подумала Ира, устраиваясь на переднем сиденье. – И не хам. Очень даже приятный мужичок. Мог бы быть и покруче, конечно. Зато рост хороший. Рост – это моя вечная проблема».

– Господи! – Она обхватила себя руками и принялась растирать ладонями посиневшие от холода плечи. – Только сейчас поняла, какой холод на улице.

В течение десяти-пятнадцати минут они еще пообсуждали особенности базовой комплектации различных иномарок, Ира живо заинтересовалась автомобилями «BMW» пятой и седьмой серий, но грустно сникла, когда ее собеседник авторитетно заявил, что на этих машинах ездят в основном бандиты.

– Нет, я так не хочу. А вот про «Ауди-100» я еще подумаю, все-таки оцинкованный кузов – это полезная штука. И синий цвет – тоже неплохо, мне даже кажется, что это лучше, чем красный. А вы точно знаете, что мне денег хватит?

– Должно хватить, только это будет не пятилетка, а постарше, лет девяти-десяти. Ну, если очень повезет, то помоложе.

После такого разговора с замерзшей красивой девушкой было бы просто странным, если бы владелец машины не предложил подвезти ее хотя бы до метро. Игорь, естественно, предложил. И Ирина, также естественно, с искренней благодарностью и вполне объяснимым смущением это предложение приняла.

Третий шаг был сделан.

* * *

До следующего шага пришлось ждать больше двух месяцев. За это время Наташа показала Ире еще несколько публикаций о скандале вокруг сотрудничества Казимеры Прунскене с КГБ. 16 сентября в «Комсомольской правде» опубликовали интервью под названием «К. Прунскене отвергает обвинение» и в предисловии указали, что Верховный суд Литвы вынес вердикт, согласно которому Прунскене обвиняется в регулярном сотрудничестве с КГБ как в начале восьмидесятых, так и во время перестройки и борьбы Литвы за независимость. На следующий же день, 17 сентября, появилось еще одно интервью с Казимерой, на этот раз в «Российской газете» под названием «Я не буду жертвовать собою...». И еще через неделю, 23 сентября, – новое интервью «Охота на ведьм началась с меня», уже в «Литературке». Меньше чем за десять дней – целых три материала, да в таких разных по направленности и политической ориентации изданиях! Это говорит о том, что тема сотрудничества видных людей с КГБ волнует сегодня всех, без исключения, и интерес к проблеме не просто не утихает, а, напротив, становится все глубже. Наташа буквально почернела на глазах.

А Игорь между тем регулярно звонил Ирине, но встречаться им удавалось далеко не каждый день, у него было много работы, у нее – много занятий, да и скучный богатый поклонник требовал внимания, ведь не пошлешь же его к черту ни с того ни с сего и на неопределенное время, дескать, ты меня отпусти на вольный выпас к другому мужчине, а потом я вернусь, а ты мне все простишь. Наконец, как-то в пятницу вечером Игорь предложил:

– Давай завтра пообедаем где-нибудь, а потом поедем ко мне.

– А твои родители? – без обиняков спросила Ира, понимая, что приглашает он ее отнюдь не для того, чтобы знакомить с папой и мамой.

– Их не будет. Принимаешь предложение?

– Принимаю, – улыбнулась она.

«Ну вот, – подумала Ира, переступая порог просторной четырехкомнатной квартиры, в которой обитала семья профессора Машенко, – я уже на полпути к четвертому шагу». Обещание Игоря, что «родителей не будет», ее не смутило. Рано или поздно они придут, и ее задача – задержаться в квартире достаточно долго, чтобы с ними познакомиться. Поэтому одевалась она в этот день с расчетом на то, чтобы произвести должное впечатление на отца и мать Игоря. Несколько встреч с молодым следователем было явно недостаточно для того, чтобы точно представлять себе их вкусы и предпочтения, поэтому действовала Ира наугад, больше полагаясь на интуицию и надеясь на собственное актерское мастерство. Ни в коем случае не юная нимфа и не веселенькая вертихвостка, но и не мрачная роковая женщина, каких матери даже под угрозой расстрела не пожелают в жены своим сыновьям. Серьезная молодая женщина с грустной (не с трагической, а именно с грустной) биографией, целеустремленная, коренная москвичка с собственной жилплощадью, уже побывавшая замужем и оттого не страдающая комплексом старой девы, стремящейся любыми путями заполучить вожака в паспорт, – вот какое впечатление она должна произвести на родителей Игоря.

Сам Игорь был слишком молод, чтобы нравиться ей, но Ира честно притворялась, что все хорошо и даже просто здорово. Когда все закончилось, она долго нежилась в постели, изображая «светлую печаль» и давая Игорю немного вздремнуть. За время их непродолжительного знакомства она успела заметить, что он не особенно многословен и терпеть не может назойливой болтовни, и сделала соответствующие выводы. То есть Игорь Машенко вовсе не был угрюмым молчуном, и если начинал что-то рассказывать, то делал это довольно красочно, подробно и с юмором, но если у него не было настроения болтать, то не следовало приставать с расспросами или пытаться самой что-то говорить. Лучше молчать тихонечко, изредка отпуская нейтральные реплики, не требующие пространных ответов. В противном случае он начинал раздражаться и злиться, а злить его и раздражать Ире совсем не хотелось. Вот и сейчас она молча лежала рядом с ним, легонько поглаживая кончиками пальцев его руку, и ни слова не произносила. Очнувшись от дремы, Игорь тоже молчал, глядя в потолок.

– Я могу задать тебе вопрос? – неожиданно спросил он.

– Конечно.

– Кто дает тебе деньги на машину?

Она вопрос предвидела, и ответ был давно готов. Странно, что Игорь так долго ждал, прежде чем спросил. Ведь Ира еще в ту, самую первую, встречу дала ему понять, что деньги эти – не ее, откуда у студентки, да к тому же сироты, может быть такая сумма? Впрочем, это можно понять. Пока ты просто водишь девушку в ресторан или в театр, она тебе вроде как не принадлежит, а когда ты лег с ней в постель, то тут уж надо прояснить отношения собственности.

– Мой бывший муж. Ты же знаешь, я была замужем.

– Он до сих пор тебя любит? С чего это он делает тебе такие подарки?

В его голосе появилось недоверие, но пока еще слишком ленивое, чтобы быть опасным.

– Чтобы делать подарки, не обязательно любить женщину, достаточно просто хорошо к ней относиться. Он действительно хорошо ко мне относится, мы не сделали друг другу ничего

плохого. Уже после нашего развода его мама тяжело заболела, и я сидела с ней все свое свободное время. Потом помогала с похоронами, с поминками. Мы же не враги с ним. Вот он и решил сделать мне что-нибудь приятное. А что, тебя от этого коробит? Тебе неприятно, что я куплю машину на его деньги и буду на ней ездить?

– Я еще не решил, – уклонился от ответа Игорь. – Но согласись, это не совсем обычная ситуация.

– Согласна, – кротко ответила Ира, хотя совершенно не была с этим согласна. Но ее истинное мнение никакого значения в этот момент не имело. Значение имело только одно: она должна понравиться этому человеку настолько, чтобы он ввел ее в свой дом в качестве постоянной гостьи и предоставил ей возможность общаться со своими родителями. Главным образом, с отцом. И для достижения этой цели ни в коем случае нельзя начинать открытую борьбу за собственные мнения, вкусы и точки зрения. Нужно подлаживаться таким образом, чтобы стать комфортной для Игоря. А для этого, как Ира успела понять, нужно не так уж и много. Быть неболтливой и ненавязчивой, не звонить самой и ничего не требовать, ни в чем не проявлять инициативы и ни за что не упрекать. Вот и все, что ему требуется от женщины.

– Видишь ли, – смиренным тоном продолжала она, – я приняла предложение взять деньги на машину, потому что в тот момент рядом со мной не было мужчины, и этот подарок не мог никого оскорбить. Я же не подозревала, что встречу тебя. Если ты собираешься продолжать встречаться со мной, то я, разумеется, откажусь от машины.

– И потом будешь об этом сожалеть? И говорить, что из-за меня осталась без колес и вынуждена ездить на метро?

Так, начинается! Этот типчик тоже из породы тех, кто пытается сидеть на двух стульях. Хочет, чтобы ради него приносились жертвы, но чтобы потом их в этом никто не упрекал. И на елку влезть, и задницу не ободрать. Ах, если бы можно было открытым текстом сказать ему все, что Ира по этому поводу думает! Но нельзя. Надо затаиться и притворяться. Создавать образ, который его не испугает.

– Игорь, если я откажусь от машины, то не потому, что ты об этом попросил, а потому, что я сама так решила. А вину за последствия собственных решений я не имею обыкновения перекладывать на других. Ты меня с кем-то спутал, – в меру холодно произнесла она, отнимая пальцы от его руки и играя обиду.

Обиду он почувствовал, поэтому резко повернулся к ней, обнял, зарылся лицом в спутанные густые кудри.

– Извини, Ириша.

Она ответила на его жест, ответила страстно и порывисто, ведь нужно было потянуть время, постараться, чтобы ее застали здесь родители Игоря. Ира очень старалась. Еще неизвестно, пригласит ли он ее в свой дом еще раз. Может быть, будет брать ключи у приятелей, как делают многие. Или квартиру снимет. Или захочет приходить к ней, в коммуналку, а это уж никак нельзя, он может случайно нарваться на Наташку, узнать ее, потом дома расскажет, что познакомился с Вороновой, известным кино- и телепублицистом. И связь Иры с Наташей станет для всех очевидной. А может быть, он утратит к ней интерес и больше вообще не позвонит и не захочет встречаться. В любом случае сегодняшний шанс познакомиться с отцом Игоря может оказаться единственным и последним, и упускать его нельзя ни в коем случае.

Второй акт Барбизонского балета (как Ира про себя называла любовные утехы) длился по понятным причинам заметно дольше, после чего утомленный любовник проспал целый час, предоставив своей подруге возможность как следует рассмотреть комнату. Результатами осмотра Ира осталась довольна. Комната просторная, светлая, обставленная хорошей мебелью, не особенно дорогой, отечественной, но зато удобной и вполне симпатичной. Все стены завешаны полками с книгами. Широченный раскладывающийся вперед диван в собранном состоянии представлял собой мягкий «уголок», к которому прилагались два низких глубоких кресла

и пуф с большим квадратным стеклом, хочешь – используй как сиденье, хочешь – как стол. В данный момент это был именно стол, на нем стояла затейливая керамическая пепельница и радиотелефон с автоответчиком – писк моды на пике стоимости. Иру поразило отсутствие каких бы то ни было фотографий, которые в других домах, где она бывала, обычно в изобилии стояли за стеклами книжных полок. Ну ладно, фотку бывшей супруги можно и не держать у себя перед глазами, это дело понятное, но ведь Игорь говорил, что у них есть ребенок. Врал, что ли? Или настолько равнодушен к сыну? Вот урод-то! Да если бы у нее был сын, она бы все стены во всей квартире его изображениями обклеила, чтобы глаз все время на них останавливался и радовался.

Ира тихонько выскользнула из-под одеяла и побежала в ванную. Это было, конечно, весьма рискованное предприятие, кто его знает, в какой момент вернуться родители, но она понадеялась на везенье. Вернувшись, оделась, выбрала книгу, которая показалась ей правильной – «Сто лет одиночества» Маркеса, – и уселась в кресло. Первые две страницы одолела с трудом, никак не могла продрагаться сквозь длиннющие многострочные предложения, а потом и не заметила, как оказалась во власти магнетически завораживающей прозы. И очнулась только тогда, когда раздался деликатный стук в дверь и приятный женский голос произнес:

– Игорек, мы вернулись!

«А ничего у него предки, тактичные, – мелькнуло в голове у девушки, – увидели в прихожей мое пальто и туфли и не стали врываться к сыну. Пора действовать».

Она видела, как Игорь приоткрыл глаза и собрался было что-то сказать, но не стала дожидаться, быстро вскочила с кресла и с открытой книгой в руках вышла из комнаты. Мизансцена сложилась в голове заранее, теперь нужно было ее правильно отыграть. Голос должен быть мягким, приятным. И никакого смущения.

– Добрый вечер, меня зовут Ириной. Игорь спит, а я вот читаю тихонько, чтобы ему не мешать.

Перед Ирой стояла приятная женщина лет пятидесяти с небольшим, чуть полноватая, с приветливым лицом. На губах – помада в цвет модной оправы очков. В ушах – маленькие золотые сережки без камней, изящные и оригинальные. И такое же кольцо на руке. Стрижка сделана явно у хорошего мастера. А спортивного покроя брюки и длинный тонкий пиджак из такой же ткани куплены совершенно точно не на Рижском рынке.

– Елизавета Петровна, – представилась она вполголоса. – Вы не находите, что моего сына надо бы разбудить?

– Пусть поспит, – с улыбкой ответила Ира, – наверное, он очень устает за рабочую неделю. Раз спит – значит, организм требует отдыха. А я не сучаю.

Она показала на раскрытую книгу, которую держала в руке. Но у Елизаветы Петровны были свои представления о гостеприимстве, которые Ира вполне разделяла. Во всяком случае, эти представления ее полностью устраивали.

– Это не дело. Ну куда это годится? Игорь спит, а вы сидите рядом и охраняете его. Пойдемте пить чай. Виктор! – Она повысила голос и повернула голову в сторону двери, ведущей в одну из комнат. – Познакомься с нашей гостьей.

Когда Игорь, сонный и слегка помятый, появился в столовой, то застал идиллическую картину вечернего чаепития. Ирина оживленно разговаривала с Виктором Федоровичем, по возможности подробно отвечая на его вопросы о ВГИКе и работающих в нем преподавателях и педагогах: кто ушел, кто остался, кого повысили в должности, кто женился, кто спился...

Придя домой, Ира постучалась к Наташе, поманила ее пальцем в коридор.

– Я с ним разговаривала, – сообщила она.

– С кем? – не сообразила Наташа.

– Да с Машенко твоим. Сегодня с родителями познакомилась.

– Ну и?..

– Ну и ничего. Про институт расспрашивал, сам кое-что рассказывал, но о тебе ни слова. Я так и не поняла, помнит он тебя или нет, и если помнит, то знает, что ты – та самая Воронова, или не знает. В общем, пока темный лес. Но дорожку я проторила.

– Ох, Ирка...

Наташа привалилась к стене, словно у нее не было сил стоять. Лицо у нее стало одновременно напряженным и ужасно несчастным, и у Иры сердце разрывалось при виде больных глаз соседки.

– Чего «ох, Ирка»-то? Ну чего? – возмущенно зашептала девушка.

– Неправильно мы с тобой делаем. Ты с Игорем спала?

– А то! Он же меня домой не чаю попить пригласил.

– Ты спала с мужчиной, который тебе не нравится, ради того, чтобы...

– Да перестань ты! – яростным шепотом прервала ее Ира. – Во-первых, он мне очень даже нравится. Симпатичный, при должности, при машине, из хорошей семьи, высокий. И морда вполне ничего. Если хочешь знать, я бы за него даже замуж вышла. И выйду, если позовет. А во-вторых, я уже ввязалась в бой. Что ж мне теперь, опустить копье и идти домой? Я так не умею. Раз я приняла решение, то пойду до конца.

– Да решение-то неправильное...

– Предложи другое. Что, молчишь? Мы с тобой сколько раз это обсуждали! Если бы было другое решение, мы бы вместе обязательно додумались. А мы не додумались. Значит, его нет. И вообще, Натулечка, все отлично! Игорь Мащенко – чем не муж? Прекрасная партия. Все равно же мне нужно замуж выходить рано или поздно, так лучше за него, чем за бандюка какого-нибудь отмороженного. Я не Джульетта Мазина, гениальный режиссер вроде Феллини на мне вряд ли женится, а Игорек – классный вариант. Зато я все время буду при папане и смогу держать руку на пульсе.

– На каком еще пульсе? – устало спросила Наташа.

– На пульсе событий. Когда живешь с человеком бок о бок, то много всякого интересного про него узнаешь. И хорошего, и, между прочим, плохого, и даже очень плохого. Видишь, кто к нему приходит, слышишь, о чем он разговаривает по телефону, и все такое. Если он соберется пасть раскрыть насчет тебя, я найду, чем его заткнуть.

– Ирка! – в ужасе ахнула Наташа. – Что ты такое говоришь?!

– Я дело говорю, – жестко ответила Ирина. – А ты все еще живешь коммунистическими представлениями о честности и порядочности. Сейчас, Натулечка, время другое. И эти представления пора выкинуть на помойку.

– Не смей так говорить! Честность и порядочность в человеческих отношениях никто не может отменить. Иначе мы перестанем быть людьми и превратимся в скотов.

– Ах, какие мы благородные! А то, что с тобой случилось, – это что, по-твоему, проявления честности и порядочности? Они сначала морочили людям головы, вбивали им железными молотками идеи про строительство коммунизма и его врагов, вы им поверили, потому что трудно было не поверить при такой отлаженной системе промывания мозгов. Поверили и вели себя в соответствии с этой верой. А теперь оказывается, что то, что вам внушили, это плохое, неправильное, а тот, кто искренне поверил, тот дурак или подонок. Это что, по-твоему, честно? Это же все равно, что подпоить человека незаметно, таблетку ему какую-нибудь подсунуть в вино, потом обобрать, раздеть, выпустить голым на улицу и выставить на всеобщий позор. Вот как с тобой поступили! А ты еще о порядочности говоришь. Они с тобой так – и ты с ними так же.

В коридор выглянул Вадим, улыбнулся весело.

– Девчонки, вы что, с ума сошли – в коридоре шептаться? Идите в комнату.

– Да мы о девичьем, – тут же нашлась Ира, быстро натягивая на лицо выражение лукавого смущения. – Я насчет очередного поклонника советуюсь.

– Заходи, – пригласил Вадим, распахивая дверь пошире, – я тоже хочу поучаствовать в обсуждении. Имей в виду, никакому бандиту я тебя не отдам. Только в хорошие руки, как породистого щенка.

– Вот! – Ира многозначительно посмотрела на Наташу. – О чем я тебе и говорила. Сейчас Вадим тебе популярно объяснит, что лучшего мужа, чем Игорь, мне не найти. И я женю его на себе, вот увидишь.

– И откуда в тебе столько самонадеянности? – усмехнулась Наташа.

– Это не самонадеянность, Натулечка, а уверенность в своих силах. В этом смысле я вся в тебя. Твое же воспитание-то, не чье-нибудь.

Руслан

Если верить будильнику, то было четыре часа сорок пять минут утра, но будильник наверняка врал, не могло быть всего без четверти пять, ведь полночь была так давно, наверное, неделю назад... Руслан просыпался каждые двадцать-тридцать минут, зажигал свет, смотрел на будильник и разочарованно откидывался на подушку. Еще так рано, до семи утра, когда в киосках появляются газеты, еще ждать и ждать. А ждать уже не было сил.

Он все-таки написал статью о Вороновой. Большую, хорошую, совершенно непохожую на все то, что писали о Наталье Александровне раньше. Эту статью ему никто не заказывал, Руслан писал ее на свой страх и риск ради собственного удовольствия. Внимательно изучил все ее киноработы, записал на видеомagneтофон все передачи студии «Голос» и постарался вывести психологический портрет Вороновой, сопоставляя увиденное с тем, что она говорила в своих интервью и что он сам смог узнать о ней. Разумеется, Руслан свято держал данное обещание, и в статье не появилось ни слова из того, о чем ему поведала любительница собак Анна Моисеевна Левина. Но выводы из сказанного ею он сделал, эта информация помогла ему лучше понять Воронову.

Материал писался долго, восемь месяцев, но Руслан и не торопился, ведь после множества публикаций в связи с приездом Вороновой в Кемеровскую область должно было пройти время, чтобы такая статья оказалась востребованной. Первым побуждением Руслана было сделать эту статью разгромной. В любом произведении, будь то литература, музыка, живопись или кино, можно найти уйму мелких недостатков и слабых мест, а при помощи ехидства и язвительности можно эти мелкие недостатки превратить в устрашающие по своим масштабам пороки. Если же воспользоваться излюбленным в журналистике приемом подтасовки и перетасовки фактов, то вместо всем известной Натальи Вороновой читателю можно представить просто монстра какого-то.

Но злобный порыв быстро прошел. Фактов, выявляющих нечестность Вороновой и ее связи с криминалом, ему раздобыть не удалось. Тайну ее отношений с Ириной он тоже не раскрыл. Таким образом, сделать имя на разоблачении известного человека пока не удастся. Но это и не к спеху. Может быть, лучше использовать Воронову в совсем других целях? И написать для этого хороший материал, вдумчивый, оригинальный, основательный.

Руслан работал тщательно и неторопливо, а когда материал был готов, отнес его для начала Елене Винник. Та обещала к завтрашнему дню прочесть. Наутро она смотрела на Руслана совсем другими глазами.

– Я и не подозревала, что ты такой, – сказала Лена.

– Какой?

– Талантливый. Ты жутко талантливый, Русланчик, просто до ужаса. Мне даже страшно рядом с тобой сидеть. То, что ты написал, – это фантастика! Но...

– Что – но? – напрягся Руслан. – Не пойдет?

– Для нашей «вечерки» – нет, слишком серьезно. Но я не допущу, чтобы такой материал пропал. Он слишком хорош. У тебя есть идеи, куда его предложить?

– Да я вообще-то к нам хотел... – растерялся он.

– И думать забудь! – категорично заявила Елена. – Ну сам подумай, что такое наша «вечерка»? Кто ее читает, если по большому счету? Только жители нашего города. И то не все. А я хочу, чтобы твою статью прочли люди во всей стране.

– Да зачем? – изумился Руслан.

Такие наполеоновские планы ему и в голову не приходили.

– Дурачок ты, – Елена ласково потрепала его по затылку. – Если у тебя такой дар, такой талант, то ты должен работать не в нашей газете, а где-нибудь в Москве, в серьезном издании.

Но для этого тебя должны заметить. Кто же тебя заметит, если ты публикуешься в городской газете? Оставь мне статью, я свяжусь со своими знакомыми, посоветуюсь, куда ее можно пристроить.

Примерно через неделю Елена, возбужденно блестя глазами, сообщила, что статьей заинтересовался ее знакомый из журнала «Огонек» и вчера она послала ему материал по факсу. Еще через несколько дней стало известно, что знакомому материал очень понравился и он будет предлагать его руководству журнала. Руководство думало долго, но к концу октября пришла радостная новость: статья одобрена и поставлена в план на январь 1993 года. То есть в один из четырех первых номеров, в какой конкретно – уточнят позже.

Но в декабре Лена легла в больницу на сохранение, звонить в Москву своему знакомому ей было неоткуда, и в каком именно номере журнала появится статья Руслана Нильского «Одинокый голос женщины», так и осталось неуточненным. В их городе журнал поступал в продажу по понедельникам, и вот уже два понедельника Руслан вскакивал ни свет ни заря и мчался в ближайший газетный киоск за свежим номером «Огонька». Статьи не было. Сегодня снова понедельник, и он снова не спит, ворочается, волнуется, пристально смотрит на будильник, будто пытается усилием мысли заставить стрелки двигаться быстрее. А они, словно назло, замерли на месте.

Руслан вылез из постели, не обращая внимания на царящую в комнате ледяную сырость, натянул спортивный костюм и отправился на кухню готовить завтрак. Еще только шесть часов, но если не торопясь позавтракать, побриться и вымыть пол в камерке-лаборатории, то можно протянуть этот последний час.

К киоску он подошел без десяти семь и встал в конец небольшой очереди. Неподалеку, метрах в двухстах, платформа, у которой останавливается электричка, и многие хотят перед поездкой запастись свежими газетами. Некоторых из стоящих в очереди людей Руслан уже знал в лицо, видел их здесь и в прошлый понедельник, и в позапрошлый. Наконец пришла киоскерша и мучительно долго, как ему показалось (на самом деле – всего несколько минут) распаковывала пачки с газетами и журналами и раскладывала их на прилавке. Нетерпение сжигало Руслана. Будет сегодня статья или нет? Будет или нет? Ладно, решил он, если не сегодня, тогда уж точно – в следующий раз. Сказали же: в один из первых четырех номеров. А сегодня в продаже уже третий.

Буквально выхватив из рук киоскерши журнал, Руслан отошел на два шага и тут же принялся листать его. Есть! Вот она! И его имя – крупными цветными буквами на глянцевой бумаге.

– Молодой человек, сдачу-то берите! – крикнула ему киоскерша.

Он очнулся. Сдача? Какая сдача? Ах, да... Руслан порылся в карманах, доставая деньги.

– Дайте мне еще пять номеров.

И все-таки не удержался. Добавил дрожащим от восторга и гордости голосом:

– Здесь моя статья. Надо друзьям подарить.

Киоскерша и головы не подняла, считая деньги, а люди из очереди поглядывали на Руслана с интересом и даже, как ему мнилось, с уважением. Надо же, такой молодой, а уже в «Огоньке» печатается.

В течение следующих пяти дней он получал поздравления и чувствовал себя на седьмом небе. А в пятницу вечером уехал домой, в Камышов, повидаться с матерью, похвастаться перед ней своими достижениями.

Домой он теперь навещался редко, жизнь в большом городе привлекала его куда сильнее, нежели монотонное существование в провинциальном захолустье. Все друзья его теперь здесь, в Кемерове, и подружки тоже. Но по матери Руслан скучал.

Увидев статью, мать расплакалась, потом крепко расцеловала сына, прижала к себе.

– Ну вот, теперь могу доживать свой век спокойно, – всхлипывая, проговорила Ольга Андреевна. – Ты на собственных ногах стоишь. Тебя в люди вывела.

– погоди успокаиваться, – пошутил Руслан, – я, может, еще учиться пойду. На факультет журналистики буду поступать, на вечернее отделение. И вообще, мамуля, что значит – век доживать? Ты у меня еще молодая совсем, красивая. Глядишь, и замуж тебя выдадим. А то неприлично прямо получается, двух сыновей родила, а замужем не была ни разу. Надо хоть разочек, для порядка, а?

– Да какое там «замуж»! – замахала руками мать. – Мне шестьдесят скоро, а ты все о глупостях.

– Во-первых, еще не скоро, только через три года, – возразил он, – а во-вторых, сколько же можно несчастному Семену Семеновичу голову морочить? И не стыдно тебе? Вы уже лет пять, по-моему, встречаетесь, с тех пор, как я в Кемерово уехал. Вот и зарегистрируйтесь, живите как люди.

Это было правдой, Семен Семенович, знавший Ольгу Андреевну еще по совместной работе в исполкоме, давно овдовел и трогательно ухаживал за матерью Руслана, а с тех пор, как младший сын вырос и она осталась одна, частенько оставался ночевать в уютном домике Нильских. Руслан и от природы был не ревнив, а уж то обстоятельство, что он никогда не знал собственного отца, сделало его абсолютно терпимым к любым проявлениям личной жизни матери. Хотя были вещи, о которых он начал задумываться, только став взрослым. Например, о том, почему его маму, «дважды мать-одиночку», не подвергли общественному ostrакизму и двигали по служебной лестнице, даже выбрали парторгом в отделе. Первого сына, Михаила, она родила от совершенно непотребного типа. Отец же самого Руслана, надо думать, был ничем не лучше, коль сыном не интересовался, знать о себе не давал, а сама Ольга Андреевна его не искала и ничего о нем не рассказывала, поскольку гордиться, по всей вероятности, тут было нечем. Общественное мнение должно было непременно закрепить за Ольгой Нильской репутацию дамочки, не особо разборчивой в связях. Может, так оно и случилось, когда Руслан был еще маленьким, но в те годы, когда он начал более или менее ориентироваться в окружающей жизни, его мама была человеком уважаемым и всему городу известным. Стало быть, общественное мнение не было поддержано местной партийной властью и советскими органами, и Ольге Андреевне доверили ответственную работу в исполкоме. Почему? Неужели благодаря ее выдающимся деловым качествам? Возможно. А возможно, и благодаря совсем другим обстоятельствам. Прояснение этих обстоятельств, кстати заметим, было одной из целей нынешнего визита Руслана домой.

– Мамуля, ты меня деньгами не выручишь? – спросил Руслан через несколько часов после приезда, выпавшись с дороги и съев огромную яичницу из свежих, только утром снесенных яиц – любимое с детства лакомство.

– Конечно, сыночек, – с готовностью кивнула мать. – А что, у тебя крупная покупка намечается?

– В Москву надо съездить. Хочу взять несколько дней за свой счет и смотаться в столицу.

– А что у тебя за дела в Москве? – поинтересовалась Ольга Андреевна. – Уж не девушку ли ты там завел, когда год назад ездил?

Можно было бы и солгать, но это в планы Руслана не входило.

– Ну какая девушка, мамуля, что ты! У меня их и в Кемерове достаточно. Я хочу встретиться с Вороновой и поговорить с ней. В прошлый раз она отказалась со мной встречаться, но я ее понимаю, она человек известный, занятой, а кто я такой? Никто. Какой ей смысл тратить на меня время? А теперь я приду к ней с этой статьей. Уверен, она не откажется меня принять. Я хочу попросить ее о помощи.

– О помощи? – Рука Ольги Андреевны с едва заметными пигментными пятнышками – первыми предвестниками старения – с ласковой заботой легла на его руку. – У тебя что-то случилось, сыночек? Какая помощь тебе нужна?

– Мама, у меня это «что-то» случилось девять лет назад. У меня отняли брата, любимого старшего брата. И я хочу выяснить, почему, по какой причине. Мне назвали имя убийцы, более того, его наказали, и он отсидел, хотя и явно меньше положенного. Но их объяснения меня не удовлетворяют. Я и тогда не верил, и сейчас не верю в то, что Мишка мог напиться и приставать к незнакомым людям. Да, я верю в то, что его убил этот подонок Бахтин, но я хочу знать правду. Я хочу знать, почему он убил моего брата. Какие между ними были личные счеты? В чем Мишка перешел ему дорогу? В чем помешал ему? Скажу тебе больше, я уверен, что Мишка знал о Бахтине что-то очень компрометирующее, и Бахтин просто убрал его как свидетеля. Я хочу это выяснить – и я выясню. Но со мной никто не станет разговаривать, если мне не помогут люди, пользующиеся авторитетом. Вот для этого мне и нужна Наталья Воронова. Так ты согласишься мне денег?

По мере того как Руслан говорил, лицо Ольги Андреевны все больше мрачнело и, казалось, старилось прямо на глазах.

– Сыночек, – она умоляюще смотрела на Руслана, губы дрожат, на глазах слезы, – я прошу тебя, не нужно. Не трать ты силы на это. И деньги не трать, они ведь у нас не лишние. Ты все это себе напридумывал, ты же с детства увлекался детективами, вот тебе и мерещатся всякие тайны там, где их нет. Мишеньку не вернуть, и не надо ворошить прошлое. Ну пожалуйста!

– Я хочу узнать правду, – упрямо повторил Руслан. – И не пытайся меня отговорить, я все равно сделаю так, как считаю нужным. Скажи, а ты раньше не знала этого Бахтина?

Вопрос застал Ольгу Андреевну врасплох. Слезы моментально высохли, теперь она смотрела на сына с испугом. Кажется, подтверждаются самые худшие предположения Руслана. Неужели он угадал, и Бахтин на самом деле – не кто иной, как его отец? А мать до сих пор любит его, потому и не хочет, чтобы усилиями Руслана на Бахтина обрушились еще более тяжкие обвинения, новое следствие, новый суд и новый срок? Похоже, очень похоже... Во всяком случае, то, что она родила Руслана от Бахтина, объясняет и ее вполне успешную служебную карьеру, он же в прошлом из комсомольских вожаков, значит, нажал на нужные кнопки, чтобы поддержать мать своего внебрачного ребенка в обмен на ее молчание о его отцовстве. Логично получается. Тогда тем более интересно, на каком пути, вокруг какого объекта могли пересечься пути папаши Бахтина и сына его давней возлюбленной Ольги Нильской.

– Н-нет, – дрожащим голосом ответила мать, – я его не знала. А почему ты спросил?

– Да так... – Руслан пожал плечами. – Просто подумал, а вдруг он и есть мой отец? Забавно вышло бы.

– Что же в этом забавного? Я что-то перестала тебя понимать, сыночек.

Она не говорит «нет», она ничего не отрицает! Если бы все было не так, мать сразу же сказала бы об этом, а она, видите ли, интересуется, что же в этом забавного. Точно, Бахтин – отец Руслана. Ну ничего, если мать сейчас не признается, Руслан найдет способ это выяснить точно.

– Что ж тут непонятного? Если, допустим, ты знала Бахтина, а он сначала убил одного твоего сына, а потом другой твой сын снова проторит ему дорожку в тюрьму, то это прекрасный сюжет для романа или пьесы. Куча совпадений, как и положено в классической мелодраме. Вот я и говорю, что забавно вышло бы, как в кино. И знаешь, мамуля, мне кажется, что ты его знала.

– Да с чего ты взял?!

В голосе матери явственно слышалась паника, и это не укрылось от внимательного слуха Руслана.

– Ни с чего, – он мягко улыбнулся, обнял мать за плечи, – просто предположил. А ты уже и переполошилась. Так что, не знакома ты с Бахтиным?

– Я же сказала – нет!

Теперь к панике примешалось и раздражение, и этот эмоциональный «компот» все сильнее пробуждал интерес Руслана. Что-то тут не так. Ну-ка поднажмем посильнее, посмотрим, что получится.

– Ну нет – так и нет. Впрочем, ты, может быть, забыла.

Вы когда-то встречались, но много лет назад, ты просто не помнишь его. Ты же много работала, много разъезжала по области, то слеты, то активы, то совещания, то конференции, то обмен опытом. Разве упомнишь всех, с кем встречаешься? Я Бахтина найду, он сейчас в Кемерове обитает, да и спрошу у него. Ты его забыла, а он тебя, может быть, и помнит.

Он слишком увлекся, разыгрывая из себя следователя на допросе, и не заметил, как перешагнул ту черту, за которой сын и мать перестают быть родными людьми и превращаются в непримиримых врагов. Глаза Ольги Андреевны смотрели на него с ледяной ненавистью.

– Я запрещаю тебе. Ты слышишь, Руслан? Я запрещаю тебе так думать и так говорить. И не смей больше копаться в прошлом.

Мать вышла из комнаты, хлопнув дверью. Руслан с усмешкой глядел на выкрашенную белой масляной краской дверь. Она ему запрещает! До чего все-таки смешными бывают люди, думают, что могут кому-то что-то запретить исключительно силой своего авторитета. Запретить можно только силой принуждения, не исполнишь – накажут. Пример тому – Уголовный кодекс, где четко перечислено все, что делать нельзя, а если нарушишь запрет и сделаешь – тебя посадят. Вот это действительно запрет. А когда вот так, голословно, уповая на собственную родительскую власть... Глупо. Неужели мама в самом деле думает, что если она скажет Руслану: «Не смей», то он и не посмеет? Ему скоро 23 исполнится, он давно живет один, далеко от матери, сам зарабатывает, сам себя содержит, его статью уже в Москве напечатали, в самом популярном и любимом в народе журнале, а она все еще считает его ребенком, которому можно что-то запретить. Смешно!

* * *

Петр Степанович Дыбейко по-прежнему оставался для Руслана дядей Петей, хотя и занимал уже должность заместителя начальника городского отдела милиции в Камышове. В свои тридцать шесть лет он не только основательно расплылся, но и обрел некую важность и даже вальяжность, которые, правда, легко слетали с его широкого лица, как только дело касалось не службы, а личных отношений.

– Здорово, здорово, – юношеским тенорком приговаривал он, обнимая Руслана и похлопывая его по спине. – Ты, говорят, статью какую-то написал? Сам-то я не прочел, а вокруг все гудят, обсуждают твой успех.

– Да так, ерунда, – скромно потупился Руслан.

– Как же ерунда? – возмутился Дыбейко. – Ничего не ерунда, ты дурака-то не валяй. Такой журнал! Его, считай, в каждом доме читают. Ну а с главным твоим вопросом как, движется дело? Или ты забросил это?

– Не забросил. Просто рано было. А теперь, я думаю, можно вплотную им заняться. Дядя Петя, у меня к вам вопрос... необычный немножко. Можно?

– Валяй, – разрешил Петр Степанович.

– Вы не знаете, кто мой отец?

Широкое лицо Дыбейко не выразило ни удивления, ни возмущения. Можно подумать, он всю жизнь только и ждал этого вопроса, уже и ответ заранее приготовил. Но это, конечно же, было не так, просто Петр Степанович давно научился владеть собой и эмоциями, даже самых невинных, наружу не выплескивать. Единственной реакцией на неожиданный вопрос было всего лишь несколько секунд молчания.

– А мама твоя что говорит? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ничего не говорит.

– Ясное дело. Тогда я по-другому спрошу: тебе сколько лет? Двадцать два?

– Точно.

– И что же ты, впервые за двадцать два года этим вопросом заинтересовался? Не верю. И не поверю никогда.

– Дядя Петя, ну какая разница, интересовался я этим раньше или нет? Важен результат: есть вопрос, ответ на который я хочу знать. Так вы знаете, от кого меня мама родила, или не знаете?

– Не знаю, – покачал головой Дыбейко, – вот ей-крест, не знаю. Но меня беспокоит твой внезапный интерес. Что случилось, Руслан? Почему ты вдруг заговорил об этом? Мишкиного отца ты, как я помню, сам нашел, а своего и не пытался искать. Или пытался, но мне не говорил?

– Не пытался, – признался Руслан. – Я как Мишкина отца, Колотырина этого, увидел, так испугался, что мой может оказаться таким же или еще хуже. На фига он мне сдался в таком случае? Ни мне отец, ни маме муж, только позор один и мучения.

– Резонно, – согласился Петр Степанович. – А теперь что же? Перестал бояться? Или как?

– А теперь я кое о чем подумал, кое-что прикинул и пришел к выводу, что если бы мой отец был вторым Колотыриным, то маму никогда не выбрали бы парторгом и по работе в исполкоме не двигали бы. Получалось бы, что она двух детей пригуляла случайным образом неизвестно от кого. Как же она может быть образцом моральной устойчивости?

– И это резонно, – снова кивнул Дыбейко. – И дальше что? Ты решил выяснить, кто этот большой начальник и не поможет ли он тебе в твоих поисках?

Проницательность дяди Пети всегда удивляла Руслана. С виду эдакий увалень, поперек себя шире, кажется – не только живот, но и мозги жиром обросли, ан нет, вглубь глядит и самую сердцевину дела видит. Руслану даже как-то не по себе стало.

– У меня, собственно, две идеи на этот счет, – несмело начал он.

– Ну-ка, ну-ка, послушаем, – подбодрил его дядя Петя. – Да не мнись ты, говори, чего уж теперь стесняться.

Руслан и сам не ожидал, что вдруг так оробеет. Одно дело – думать и совсем другое – произносить вслух. С грехом пополам он, запинаясь и путаясь в словах, изложил Петру Степановичу суть. Если его отец действительно человек с положением и связями, то он может похотатайствовать, где нужно, чтобы Руслану дали возможность ознакомиться с уголовным делом об убийстве его брата. Или чтобы люди, которые что-то об этом знают, поговорили с журналистом. Это первая идея. А вторая идея в том, что его отец – сам Бахтин, убийца Михаила Нильского. И как себя в этом случае вести, он не очень хорошо понимает. Не обращаться же к нему с просьбой помочь выяснить, как все было на самом деле, все равно не скажет, а может еще и головорезов своих на Руслана натравить, не посмотрит, что это его внебрачный сын. От такого подонка всего можно ожидать.

– Все сказал? – спросил Дыбейко, выслушав его.

– Пока все.

– Теперь я скажу, а ты меня послушай. От кого тебя Ольга Андреевна родила – мне неизвестно, честное слово даю. Только сил на его поиски ты не трать.

– Почему?

– А потому. Сам рассуди: двадцать два года ты на свете прожил, а этот человек не считал нужным открыто признаваться в своем отцовстве и тебе помогать. Уж я не знаю, по каким причинам, но причины эти веские были. И если они продолжали быть вескими на протяжении двадцати двух лет, то вряд ли на двадцать третьем году что-то изменилось. Шансов нет, Руслан. Даже если ты его вычислишь и найдешь, он ни за что не признается, а доказать ты ничего не сможешь, если только по суду, да и то ни один суд за это дело не возьмется. Какой смысл? Ты

уже совершеннолетний, алименты на твое содержание взимать не нужно, так зачем суд будет время тратить на то, чтобы удовлетворить твое запоздалое любопытство? К тому же для этого необходимо, чтобы мама твоя, Ольга Андреевна, назвала его имя, а она же его не называет, верно?

– Верно.

– Так что коль не хочет этот человек, твой отец, признавать тебя своим сыном, то и не признает, хоть ты в лепешку расшибись. И никакой помощи ты от него не дождешься. Резонно?

– Похоже, да, – не мог не согласиться Руслан.

Как у дяди Пети все ловко складывается! А самому Руслану это отчего-то в голову не пришло.

– Теперь насчет Бахтина. Уж не знаю, мог он стать твоим отцом или не мог, но обращаться к нему бессмысленно. Если и было что-то в их отношениях с твоим братом, что его оправдывает, он бы на следствии об этом сказал, чтобы лишний срок не получить. А если есть что-то, что усугубляет его вину, то он же не полный идиот, чтобы об этом распространяться. Тебе нужно найти адвоката.

– А зачем мне адвокат? – удивился Руслан. – Я же ничего преступного не совершил и не собираюсь совершать.

– Балда ты, – добродушно хмыкнул Дыбейко. – Я говорю об адвокате, который на суде защищал Бахтина. У адвокатов почти всегда бывают крепкие связи в судах, и если ты ему понравишься и он захочет тебе помочь, то попросит председателя суда разрешить тебе ознакомиться с некоторыми делами из судебного архива. Понял теперь? Только ты глупостей-то не надейся, не вываливай ему всю правду-матку, не говори, что хочешь Бахтина в землю зарыть по самое некуда. Не то не видать тебе архива как своих ушей. Скажи ему, что собираешь материал для статьи о недобросовестности следователей и вообще о плохой работе милиции, вот в этом деле тебе адвокаты – первейшие помощники. Он и сам тебе всякие случаи из своей жизни понараскажет, и уголовные дела назовет, в которых полно всяких милицейских нарушений. Первым делом, конечно, те дела, в которых он участвовал. Если в деле Бахтина были нарушения и недоработки, так этот адвокат сам тебе его на блюдечке с золотой каемочкой поднесет. И ни в коем случае не заикайся, что ищешь только одно архивное дело – об убийстве своего брата. Вообще про Мишку молчи. Адвокат может оказаться дружкой самого Бахтина и сразу же ему донесет, что ты интересуешься делом. Что фамилии у вас одинаковые – это ерунда, столько лет прошло, что адвокат и не вспомнит, тем более что это фамилия не подзащитного, а потерпевшего. Адвокат этот тебя, конечно, спросит, а где, мол, официальное письмо из редакции на имя председателя суда и все такое прочее. А ты ему в ответ на это скажешь, что главный редактор категорически против разоблачений работников милиции и готовить такой материал тебе запрещает, но ты его все равно готовишь для какого-нибудь другого издания, потому как тема эта сегодня самая что ни на есть животрепещущая. Усвоил? Вон любую газету открой – только ленивый об милицию ноги не вытер. Так что твой журналистский порыв никого удивить не должен.

Руслан мучительно вспоминал, как выглядел адвокат Бахтина и как его звали, но вспомнить не мог. В четырнадцать лет он еще слишком мало разбирался в судебной процедуре, чтобы понимать, кто есть кто, кроме судьи и народных заседателей. Их было легко отличить, они сидели рядом за длинным столом. Потом был еще какой-то человек в темно-синей форме, не милицейской, а какой-то другой. И еще какие-то люди. Но Руслан тогда кипел ненавистью к убийце брата и думал только о том, расстреляют его или нет. Хорошо бы, приговорили к расстрелу! Из происходящего на процессе он почти ничего не слышал и тем более не помнил. Но мама, наверное, помнит адвоката и знает, как его зовут.

Однако Ольга Андреевна, так и не смягчившаяся после произошедшей накануне стычки с сыном, в подробности вдаваться не пожелала, и хотя и ответила на вопрос, но сделала это сухо и немногословно.

– У Бахтина не было адвоката, – сказала она, поджав губы.

– То есть как – не было? – не поверил Руслан. – Не может быть. Ты, наверное, не помнишь. Убийство – статья серьезная, по ней большие сроки светят, ни один нормальный человек, обвиняемый в убийстве, без адвоката на суд не выходит. Ну вспомни, мамуля!

Он старательно делал вид, что забыл о конфликте и не видит отчуждения на материнском лице, и не слышит холода в ее голосе.

– У Бахтина адвоката не было, – повторила Ольга Андреевна. – И вспоминать тут нечего. Не желаю больше об этом говорить.

Руслан растерялся. Он, конечно, не юрист, но кое-какие книжки читал и вообще проблемами расследования преступлений интересовался и хорошо помнит, что в законе насчет адвокатов написано. Участие защитника обязательно в случаях, когда подсудимый – несовершеннолетний, или когда страдает психическим заболеванием, или когда по статье можно назначить высшую меру, или когда подсудимых несколько и у других адвокаты есть, или когда существует конфликт интересов подсудимых. Во всех остальных случаях участие адвоката – по желанию подсудимого. Бахтин – совершеннолетний и психически здоровый, и по делу шел один, без соучастников. По закону он вполне мог обойтись без адвоката. Но по закону, а не по жизни. Он же разумный человек, обвиненный в тяжком преступлении, зачем же ему рисковать? Адвокат в любом случае не повредит, а может быть, и поможет, срок поменьше дадут. И потом, должен же был кто-то добиваться, чтобы Бахтину дали всего восемь лет вместо положенных (по разумению Руслана) десяти – максимального срока, предусмотренного статьей об убийстве без отягчающих обстоятельств! Есть и третье соображение, тоже из области «жизненных». Бахтин – из начальников, а перед этим в комсомоле активность проявлял, к нему на выручку наверняка друзья-приятели кинулись и первым делом нашли для него самого лучшего адвоката. Не могли же они его бросить на произвол судьбы. А чем в такой ситуации можно помочь? Только давлением на следствие и суд да хорошим адвокатом.

Пужинав, Руслан снова отправился к дому Дыбейко. Петр Степанович расположился перед телевизором и, вооружившись рюмкой водки и домашнего изготовления закуской в виде соленых грибочков и маринованных огурчиков, смотрел хоккей.

– Садись, – услышав голос Руслана, он, не оборачиваясь, похлопал рукой по дивану рядом с собой, – посмотри игру. Что они делают! Ну что делают! Это же никаких нервов не хватает...

Руслан послушно присел рядом, от водки отказался, терпеливо похрустел огурчиком, дожидаясь перерыва между периодами.

– Ну, чего? – пришел в себя Дыбейко, когда завывла сирена, возвещающая о конце второго периода. – Еще идеи появились?

– Наоборот. Я у мамы спросил насчет адвоката...

– Ну?

– Она говорит, у Бахтина адвоката не было.

Петр Степанович оставил рюмку и потянулся за сигаретами.

– То есть как это не было? – нахмурившись, переспросил он.

– Вот и я удивился. А мама говорит – не было.

– Странно это... Не может такого быть, уж ты мне поверь. Что-то наша Ольга Андреевна от нас с тобой скрывает. Тебе не кажется?

– Кажется, – твердо произнес Руслан, потому что именно об этом он и думал весь последний час, пока шел от дома сюда и пока сидел перед телевизором.

– А коль так... – Дыбейко задумчиво почесал живот и покивал каким-то своим мыслям. – Ты когда уезжаешь?

– Сегодня поздно вечером, через полтора часа поезд.

– Угу, угу... Ты вот что, ты мне позвони денька через три-четыре. А я по своим каналам свяжусь с тем районом, где было совершено преступление, попробую найти следователя, который дело вел. Что-то мне все это перестает нравиться.

Руслан уехал в Кемерово, так и не помирившись с матерью, но надо сказать, что никаких усилий к примирению и снятию конфликта он и не прилагал. Сейчас его волновали совсем другие проблемы.

Через четыре дня он позвонил Петру Степановичу на работу.

– Нашел я его, следователя-то, – неторопливо пропел своим несолидным тенорком Дыбейко. – Ты знаешь, что он мне сказал?

– Что? – в нетерпении выкрикнул Руслан.

– Что у Бахтина действительно не было адвоката.

– Но почему?

– А он отказался. Ему из Кемерово прислали какого-то опытного защитника, так Бахтин с ним даже встречаться не стал. Короче, от защиты он отказался. Вот такие дела, Руслан Андреевич. Если хочешь знать мое мнение, то что-то тут нечисто. Ох, нечисто.

* * *

Сергей Васильевич Дюжин, работавший в 1984 году следователем в Анжеро-Судженске и присланный в связи с внезапной болезнью местного следователя для ведения следствия по делу об убийстве Михаила Нильского, проживал теперь в Новокузнецке и вполне процветал на ниве юридического консультирования коммерческих предприятий. После принятия Закона о милиции, упразднившего обязательную двадцатипятилетнюю службу, Сергей Васильевич не без удовольствия снял погоны и начал применять свои правовые познания за совсем другую и по масштабам, и по происхождению зарплату.

Когда Руслан позвонил ему, Дюжин особого энтузиазма не проявил, долго шелестел в телефонной трубке страницами ежедневника-органайзера, потом с плохо скрытым раздражением назначил журналисту время встречи.

– Почему вдруг такой интерес к этому делу? – недовольно спросил он, когда Руслан приехал к нему в Новокузнецк. – Сначала мне откуда-то из Камышова звонили, теперь вы...

– Это одно и то же, – поспешно объяснил Руслан. – Из Камышова звонил заместитель начальника горотдела милиции по моей просьбе, я сам оттуда родом.

– Ну хорошо, пусть одно и то же, – с нетерпением отмахнулся Дюжин, – но почему спустя столько лет вы интересуетесь этим убийством?

Готовясь к разговору, Руслан долго не мог решить, говорить ли следователю правду. Легенда, придуманная Дыбейко для адвоката, здесь явно не годилась, не рассказывать же Дюжину о том, что собираешь материал о недобросовестности следствия. Если сразу не пошлет, то минут через пять – точно отправит в хорошо известное место. Руслан прикидывал и так, и эдак и в конце концов пришел к выводу, что лучше не лгать. Если Дюжин работал по делу добросовестно, то ему скрывать и стесняться нечего, а если подтасовывал факты, улики и обстоятельства, то что ему ни наври – все равно правды не скажет.

– Потерпевший Михаил Нильский – мой брат, – честно признался Руслан. – И я хотел бы разобраться в обстоятельствах его смерти. Понимаете, на суде говорили, что он напился и приставал к прохожему, к Бахтину. Но Миша не мог напиться, он вообще не злоупотреблял. Вот я и подумал, что, может быть, там что-то произошло...

– Ничего там не произошло, – прервал его Дюжин, – но ваш интерес мне вполне понятен. Я хорошо помню это дело. Вы удивлены? Не удивляйтесь, вы, наверное, тоже хорошо помните,

как писали свой первый материал, который был опубликован. И как писали, и как несли редактору, и как потом ждали выхода газеты?

– Так это было ваше первое дело? – изумился Руслан.

– Ну, не совсем первое, я к тому времени уже несколько месяцев работал следователем, но все больше кражи раскрывал, грабежи, групповое хулиганство. А вот вести дело об убийстве мне тогда в первый раз поручили. Это вообще среди милицейских следователей большая редкость была в то время, по закону дела об убийстве вела прокуратура, а наши следователи – только дела о тяжких телесных повреждениях. Но знаете, как бывает? Сообщают об обнаружении трупа, выезжать в субботу ранним утром в глухомань, в лес никто не хочет, дежурный следователь прокуратуры оказался в другом месте, как раз обнаружили взлом большого склада, ночью сигнализация сработала, так там, у склада, все руководство собралось, шутка сказать – промышленных товаров на десятки тысяч рублей похитили. А хищение госимущества – тоже прокурорская статья. Не может же один следователь пополам разорваться. Вот и решили для возбуждения уголовного дела и производства первоначальных следственных действий меня подрядить, чтобы потом я дело по подследственности передал. А эксперт, когда вскрытие трупа произвел, сказал, что потерпевший умер не сразу, а только часа через три-четыре, то есть то, что произошло, вполне подходит под тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть. Вот у меня дело и оставили.

Умер не сразу... Руслан сглотнул вставший в горле ком. Значит, Миша, тяжело раненный, истекал кровью на опушке леса, и никто ему не помог. А подонок Бахтин его там бросил и смылся.

– А как вы Бахтина нашли? – спросил он.

– Люди помогли, – без тени иронии ответил Дюжин. – Когда стало известно, что в том месте на опушке леса обнаружен труп и рядом с ним «Жигули»-«шестерка», пришли грибники и сказали, что видели несколько дней назад в этом месте мужчину, приметы описали, одежду. А один из них сказал, что вроде бы этот мужчина в охотничьем домике живет. Вот в этом домике мы его и нашли.

– Так он что же, совершил убийство и даже не скрывался? – изумился Руслан. – Не уехал никуда, не попытался спрятаться?

– Вот представьте себе, – развел руками Сергей Васильевич. – Охотничий домик – это так, название одно, никто там ни на кого не охотится, просто хорошо сделанная избушка со всеми удобствами, которые бывают в лесу. И рядом банька с бассейном и подсобными помещениями. Построило ее одно крупное предприятие для отдыха своих руководителей, они туда компаниями человек по шесть-восемь выезжали. Ну, сами понимаете... Бахтин на этом предприятии не работал, но с кем-то из руководства был близко знаком, вот ему приятель и устроил возможность отдохнуть. Он там две недели жил, пока мы его не взяли. Вот хоть убейте меня, не понимаю, на что он рассчитывал! Уверен был, что его никогда не найдут.

– Так, может быть, это не он убил? – высказал Руслан крамольное предположение. – Потому и не скрывался, что вины за собой не чувствовал.

– Да как же не он! Он и признался практически сразу же, как только мы к нему пришли. И на ноже, которым был убит ваш брат, следы пальцев Бахтина.

– А чьи еще следы там были? – поинтересовался Руслан. – Или только одного Бахтина?

– Еще следы рук вашего брата. Это был, как я понимаю, его нож, он им угрожал Бахтину, завязалась драка, Бахтин выхватил нож и ударил потерпевшего.

– А не могло быть наоборот? – осторожно спросил журналист, чувствуя, что истина уже забрезжила, она где-то рядом, совсем близко. – Не Михаил приставал к Бахтину, а, наоборот, Бахтин приставал к Мише, угрожал ему ножом, завязалась, как вы сказали, драка, Мише удалось отобрать у него нож, поэтому и отпечатки его остались...

– А потом Бахтин снова завладел ножом и ударил вашего брата? – насмешливо продолжил бывший следователь. – Молодой человек, вы, судя по комплекции, сами-то не драчливы? Не увлекаетесь выяснением отношений при помощи грубой силы?

– Ну, если только в детстве, – смутился Руслан.

– Вот оно и видно, – назидательно проговорил Сергей Васильевич. – Картина, которую вы мне только что описали, это очень серьезная драка, и длится она не две-три секунды. Такая драка оставляет много следов на телах обоих участников, синяки, ссадины, порезы. И на местности следы остаются.

– А следов не было?

– Практически нет. Было совсем немного, ровно столько, сколько бывает, когда все происходит так, как описал нам Бахтин.

– Странно... И все равно я не верю, что Мишка был пьян настолько, чтобы приставать к незнакомому человеку. Это на него совсем не похоже, ну совсем, поверьте мне!

– Да мне-то что! – Дюжин недовольно поморщился, словно ему сунули под нос и заставили нюхать давно протухшую котлету. – Похоже на него или не похоже, верю я вам или не верю, никакого значения не имеет. Значение имеет заключение эксперта, а в нем ясно было сказано, что в крови убитого наличествовал алкоголь. Ваш брат, хоть вам и неприятно это слышать, выпил, причем выпил, находясь за рулем, что его никак не украшает.

Вот наконец Руслан поймал мысль, которая обязательно приведет его к разгадке! Экспертиза показала наличие алкоголя в крови убитого. Не было там никакого алкоголя, Мишка не был пьян, а заключение эксперта – фальсификация, чистой воды обман, нужный для того, чтобы спихнуть на Мишку вину за то, что затеял драку.

– А убийца что же, трезвым был? – злым голосом спросил он у Дюжина.

– Да нет, он тоже был хорошо выпивши.

– И экспертиза это подтвердила?

– Помилуйте, юноша, какая экспертиза? – возмущенно замахал руками Сергей Васильевич. – Бахтина взяли спустя почти десять дней после совершения преступления, мало ли что он за это время пил и ел? Состояние опьянения зафиксировано в деле с его слов. Проверить это ничем невозможно. Да и зачем ему на себя лишнего наговаривать? Ведь состояние опьянения – это отягчающее обстоятельство, был бы трезвым – срок поменьше получил бы.

– А зачем ему быть честным? – возразил Руслан. – Вот сказал бы, что был трезвым, так и получил бы срок поменьше. Проверить-то нельзя. Для чего он признавался в том, что был выпивши?

– Не знаю, – пожал плечами Дюжин. – Он вообще честный, наверное. Никаких поблажек себе не хотел, даже от адвоката отказался. По поводу адвоката я с ним много раз разговор заводил, а он – ни в какую. Я, говорил, виноват, очень виноват, вину свою признаю и готов отвечать. Мне тоже все это удивительно было, откровенно вам скажу. Ведь мы его брать выезжали исключительно «на авось», грибники, которые на него указали, видели его не в день убийства, а позже, и не возле машины и трупа, а в стороне. Может быть, они видели такого же грибника, как они сами, который к чужой машине близко не подходил, трупа не видел и к убийству никакого отношения не имел. Это уж только потом, когда Бахтина задержали, выяснилось, что на рукоятке ножа его пальцы. А в тот момент мы ничего этого не знали, опера, как обычно, морду пострашнее скорчили и в домик ворвались, а он сидит там, спокойный такой, в кресле-качалке книжку читает. Даже отрицать ничего не пытался, на все вопросы прямо там, в домике, и ответил. И кстати, сказал, что грибники его видели, когда он возвращался на место убийства. Он там во время драки бумажник выронил, а обнаружил не сразу, в лесу бумажник-то ни к чему, вот собрался через какое-то время в поселок за продуктами, тогда и спохватился, что денег нет. Вернулся, поискал, нашел. Сам он тех грибников не заметил. Так что все одно к одному сошлось.

– Сергей Васильевич, я бы хотел посмотреть дело, – твердо сказал Руслан. – Это возможно?

– Почему нет? Все возможно. Мне за это дело не стыдно, я его вел на совесть, показывать незасорно. Сейчас мой давний приятель – председатель того суда, где находится дело Бахтина. Если хотите, я ему позвоню и попрошу пустить вас в архив.

– Я буду вам очень благодарен.

«Честный он был, как же, жди, – думал Руслан, глядя на проносящиеся за мутным от грязи оконным стеклом вагона заснеженные поля и домики-развалюхи. – Честный товарищ Бахтин. Со смеху бы не помереть! Все дело в липовой экспертизе. Вот посмотрю это заключение, выясню имя и место работы эксперта и подумаю, как взять его за жабры. Интересно, большую взятку он получил за фальсификацию? Наверное, большую, это ведь должностной подлог, на этот счет в Уголовном кодексе отдельная статья имеется. И сам Бахтин не был пьяным. Они оба были трезвыми, и ни о какой пьяной драке не может быть и речи. Что же там на самом деле произошло?»

Игорь

Он быстро привык к тому, что за Ириной не нужно ухаживать, не нужно ходить к ней на свидания, ездить по чужим квартирам или к ней домой, чтобы заняться любовью. Не нужно дарить цветы, водить ее по ресторанам и делать подарки. Три-четыре раза в неделю он, возвращаясь с работы, заставлял красивую молодую девушку у себя дома в обществе одного или обоих родителей, и ему оставалось только переодеться, вымыть руки, поужинать и поучаствовать в общей беседе. Потом родители деликатно удалялись из гостиной в свою комнату, предоставляя молодым людям возможность уединиться в комнате Игоря, но и этой возможностью Ира пользовалась далеко не каждый раз. Она как-то удивительно точно умела угадывать, когда Игорь предлагает пойти к нему из обычной вежливости, потому что так вроде бы надо, так принято, а на самом деле он устал и никакого секса ему сейчас не нужно. И каждый раз в таких случаях Ира смотрела на часы, спохватывалась, что уже поздно, и просила вызвать такси. Ее даже не нужно было провожать поздними вечерами. Сказка, а не девушка! Мечта любого мужчины, а уж перегруженного работой следователя – тем более.

В мае ей исполнилось двадцать три. Давно лишившийся романтизма Игорь спросил заранее:

– Что тебе подарить на день рождения?

И услышал в ответ:

– Свое хорошее настроение. Ты очень устаешь на работе, поэтому редко улыбаешься. День рождения у меня попадает на середину недели, но я предлагаю отметить его в субботу. Ты выступишься, отдохнешь.

Игорь сразу повеселел. Он готов был услышать просьбу подарить что-то конкретное и уже заранее с тоской думал о том, что нужно будет выкраивать время на поиск и покупку подарка. А если это что-то дорогое, например какая-нибудь тряпочка от Версаче или сумочка от Шанель, то просить деньги у родителей или одалживать у знакомых, либо объяснять Ире, что такие траты ему не по карману. Ни того, ни другого, ни тем более третьего крайне не хотелось бы.

– Годится! А где будем отмечать? Ты хочешь пойти в ресторан?

Ира слегка покраснела, отчего ее смуглое личико приобрело темно-розовый цвет.

– Если можно, я хотела бы... Но я не знаю, насколько это удобно... – залепетала она.

Игорь снова насторожился. Неужели потребует повести ее в шикарный ресторан, где меньше чем в пятьсот долларов не уложиться? Час от часу не легче!

– Ты сначала скажи, а потом решим, удобно или нет, – сухоvalo сказал он.

– Если можно, я бы хотела отметить свой день рождения у тебя дома, – выпалила Ира. – И чтобы твои родители тоже были.

Вот это да! Игорь от души расхохотался. Ну и запросы у этой девочки! Никогда он не думал, что среди будущих актрис, а тем более среди таких красавиц встречаются такие скромницы.

– Что ты смеешься? – Она обиженно надула красиво очерченные губки, но глаза ее искрились лукавством. – Я же сказала: хочу, чтобы в мой день рождения у тебя было хорошее настроение. А оно у тебя хорошее, только когда ты у себя дома. Я же понимаю, ты так выматываешься на своей работе, что лишний раз из дома выходить не хочешь в выходной день.

Да, она права. А вот Вера этого не понимала. Она была жадной до впечатлений и беспрестанно, благо возможности такие были, таскала Игоря по театрам, выставкам и вернисажам. Выросшая в сибирской провинции и знавшая столицу только по теле- и кинопоказам, Вера готова была часами бесцельно гулять по Москве и подолгу рассматривать исторические достопримечательности, не вызывавшие у Игоря ни малейшего интереса. Она буквально выматывала мужа этой своей культурной активностью, совершенно не считаясь с тем, что он после

рабочего дня больше всего на свете хочет посидеть в тишине у себя в комнате и помолчать. Желательно в одиночестве. Не удивительно, что постепенно он начал избегать своего дома, задерживался допоздна сначала на работе, а потом и не только на работе, тем более что любовь к Вере иссякала неумолимо, уходила из его сердца сначала маленькими редкими капельками, со временем сливавшимися в тонкий ручеек, а потом хлынула неудержимым потоком, оставив в нем только сухое недоумение: и что он в ней нашел? Неужели ему придется до конца жизни жить бок о бок с этой милой, неглупой, приятной во всех отношениях, но абсолютной не нужной ему женщиной?

А Ирина понимает его и считается с его вкусами, привычками, потребностями. Да и родителям, кажется, она нравится. Во всяком случае Ира, во-первых, коренная москвичка, а во-вторых, имеет возможность как студентка ВГИКа получать контрамарки на любые спектакли и смотреть их в свое удовольствие, поэтому никаких прогулок по историческим местам и никаких культпоходов в театры не предвидится.

Елизавета Петровна, выслушав сообщение сына о просьбе его девушки, касающейся празднования дня рождения, с сочувствием покивала головой:

– Бедная девочка, я ее понимаю.

– Что ты понимаешь? – удивился Игорь.

– А то, сынок, что она сирота. Отца вообще не помнит, мать давно умерла. Что она видела в своей жизни, кроме соседей по коммунальной квартире?

– Еще был первый муж, его она тоже видела, – заметил Игорь. – И квартира у него была отнюдь не коммунальная.

– Вот именно, муж и квартира. А ей нужны родители. В жизни человека все должно быть вовремя и в достаточном количестве, иначе потом он начинает это восполнять самыми невообразимыми способами. Человек должен обязательно побыть маминым ребенком и папиным ребенком, и достаточно долго, чтобы в полной мере этим насладиться и это ощутить. А если его этого лишить, то впоследствии это начинает сказываться. Мальчики, например, которым не дали возможности жить с отцом, начинают тянуться к взрослым мужчинам и попадают от них в зависимость. Ты же сам следовательно, сколько раз ты нам с отцом рассказывал о взрослых преступниках, которые вовлекают в свой промысел малолеток! И причем именно тех, у кого нет отца.

– Ну, это крайности, – усмехнулся он. – Тебя послушать, так получается, что все девочки, у которых не было родителей, обязательно попадают в зависимость к добрым тетям-бандершам и становятся проститутками, обслуживающими престарелых похотливых кобелей. Это уж чересчур, мамочка.

– Я так не хотела сказать, я просто привела тебе пример. И совершенно понятно, почему Ирочка тянется к нам и с таким удовольствием приходит. Конечно, мы с папой с радостью примем ее у себя в этот день. И я обязательно приготовлю что-нибудь вкусненькое. У меня как раз в пятницу вечером нет приема, так что я все успею.

Елизавета Петровна работала одновременно в трех местах – в обычной городской поликлинике, в коммерческом отделении одной из больниц и в платном диагностическом центре. Зарабатывала она немало, и это, вкупе с много лет получаемой мужем профессорской зарплатой, позволяло не только с некоторым шиком содержать четырехкомнатную квартиру и покупать продукты в основном на рынке, а одежду – в фирменных магазинах, но и приобрести две поддержанные иномарки – для Виктора Федоровича (вместо прежнего отечественного автомобиля, на котором теперь ездила сама Елизавета Петровна) и для Игоря.

День рождения Ирины прошел как нельзя более приятно. Без излишнего шума и ажиотажа, в тихом семейном кругу, за красиво сервированным и украшенным роскошными цветами столом с вкусными домашними блюдами. Конечно, не обошлось и без подарков, но это

были скорее милые знаки внимания, ибо Елизавета Петровна строго-настрого запретила мужу и сыну покупать что-то дорогое.

– Это неприлично, – категорично заявила она, случайно услышав, как Игорь обсуждает с отцом проблему покупки для Иры золотой цепочки. – Нельзя подчеркивать разницу в нашем материальном положении. И потом, один раз ты подаришь ей золото, и на все следующие праздники она будет иметь право ожидать от тебя чего-то подобного, по крайней мере, не дешевле. Если делать всем твоим девушкам такие подарки, мы через год полностью разоримся. Если бы речь шла о твоей жене – тогда совсем другое дело. А Ирочка пока только твоя любовница, не более.

– Лизонька! – с упреком воскликнул Виктор Федорович.

– Ну хорошо, не любовница, просто девушка. Подружка, – поправилась Елизавета Петровна. – Но смысл моих слов, надеюсь, ясен?

– Более чем, – ответил Игорь и отправился за подарком.

Он выбрал очаровательный хрустальный колокольчик, который и преподнес Ирине со словами:

– Это тебе, чтобы ты меня будила, когда я засну.

Такое дипломатичное напоминание о деликатной ситуации, во время которой произошло знакомство Ирины с родителями Игоря, вызвало за столом одобрительный смех. Виктор Федорович и Елизавета Петровна подарили девушке купленный у букинистов двухтомник Жоржа Садуля «История киноискусства» и с умилением глядели, как Ира со слезами на глазах прижимает к груди огромные тяжелые тома в желтом переплете.

– Я так мечтала об этом, – говорила она с благодарной улыбкой. – Все время приходится брать в библиотеке, а мне так хотелось, чтобы у меня был свой Садуль.

Месяца через два после того дня мать сказала Игорю:

– Сыночек, если ты в принципе собираешься жениться еще раз, то я советую тебе больше никого не искать. Лучше Ирочки ты вряд ли кого-нибудь подыщешь.

– Тебя даже не интересует, люблю ли я ее? – язвительно усмехнулся он.

– Я исхожу из того, что ты с ней спишь, – спокойно ответила Елизавета Петровна. – И мысли не допускаю, что мой сын может пойти на близость с женщиной, которую он не любит. Хочу надеяться, что ты не до такой степени циничен.

– Не до такой, – согласился Игорь. – И ты готова принять Иру в наш дом в качестве невестки?

– Я трезво смотрю на жизнь, – грустно ответила мать, – и понимаю, что либо ты будешь жить бобылем при папе с мамой и шляться по случайным девицам, либо рано или поздно приведешь сюда новую жену. Поскольку первый вариант меня как врача не устраивает совсем, то лучше пусть будет второй. И если уж ты приведешь новую жену, то пусть это будет приличная девушка, студентка, москвичка, а не какая-нибудь сексапильная шалава, которую ты, может быть, и будешь любить больше, чем Ирочку, но которая превратит нашу жизнь в непреходящий кошмар. И твою жизнь, кстати, тоже. Подумай над тем, что я сказала.

Игорь подумал. В принципе Ира его устраивала, она была удобной во всех отношениях и, что самое главное, не раздражала его. Конечно, он не любил ее так сильно, как когда-то Светлану, свою первую женщину, и даже не был полностью очарован ею, как в свое время Верой. Но Ирка... Было в ней что-то невыразимо притягательное для него. Спокойствие, ненавязчивость, негромкость голоса, умение подолгу молчать. Она не требовала общения и могла просто сидеть рядом, прижавшись к нему плечом или взяв за руку, и думать или читать. Ирка не обидчива, не устраивает сцен и не плачет, ну разве что от радости или переполняющего ее чувства благодарности всплакнет чуток, но это как раз те слезы, которые мужчин не пугают. И в постели Игорю с ней комфортно, ее желания полностью совпадают с его возможностями.

Мать права, не жить же ему бобылем до скончания века. Все равно какая-то жена будет нужна, так почему не Ира?

Он ни на минуту не задумался над тем, что, если бы Елизавета Петровна не завела этот разговор и не дала понять, что не возражает против Ирины Савенич в качестве новой невестки, ему бы и в голову не пришло рассматривать вопрос о второй женитьбе. Один раз он уже привел в дом жену, не спросив согласия родителей, и ничего хорошего из этого не вышло. Во второй раз он решение жениться сам ни за что не примет. А коль это решение фактически приняли за него мама и папа, то почему бы ему это решение не выполнить? Он лично ничего против не имеет. Все складывается, таким образом, вроде как помимо его воли, и ответственности за последствия он не несет. Не приживется Ирка в их семье – разведутся, но виновата будет уже мама, а не он, Игорь.

Именно так обстояло дело на самом деле, но Игорь Мащенко этого, как обычно, не понимал и ни о чем не подозревал. Он неосознанно ждал возможности переложить бремя принятия решения на кого-то другого и с радостью избавлялся от необходимости отвечать за последствия.

Наталья

Она только что проводила Вадима на работу. Шесть утра, мальчиков нужно поднимать в семь, чтобы в школу не опоздали, у нее есть еще целый час. Можно лечь подремать, но можно и не ложиться. Наташа постояла несколько минут в прихожей, глядя на закрывшуюся за мужем входную дверь, и решила все-таки не ложиться. Вчера она допоздна работала над текстом новой программы, понимала, что давно пора спать, но остановиться не могла. Текст за ночь вылежался, и теперь надо бы просмотреть его свежим глазом, пока не навалились ежедневные хлопоты и внимание не рассеялось.

Наташа вскипятила чайник и решила выпить кофе прямо на кухне. Все спят, и мальчики, и Иринка, и Бэлла Львовна, никто ей не мешает, а на кухне теперь так хорошо стало! Сделали ремонт, сменили всю старую мебель, и свою, и соседскую, даже плитку новую поставили. Не коммунальная кухня, а загляденье!

Она принесла из комнаты папку с написанным накануне текстом. Чтобы не тревожить уснувшего Вадима, Наташа не стала пользоваться пишущей машинкой, писала от руки. Прихлебывая горячий кофе, она внимательно читала, и с каждой строчкой в ней крепло убеждение, что это не то. Не то и не так. А как нужно? Ей хотелось сделать публицистическую программу о национальном вопросе, в частности об обществе «Память», о Баркашове и его Русском национальном единстве. Наташе казалось, что ей есть, что сказать по этому поводу, но теперь, перечитывая написанные вчера страницы, все сказанное казалось блеклым, неубедительным и размытым. Нет, это совсем не годится. Надо все переделывать с самого начала. Нужен стержень, на который будут нанизываться авторские слова, журналистские вопросы к интервьюируемому, зрительные образы и их цветовое решение.

Скрипнула дверь, к кухне приближаются шаркающие шаги, и появляется полусонная Иринка в ночной рубашке, растрепанная, с припухшими от сна глазами и губами. Что-то рано она сегодня.

– Ты чего? – встревоженно спросила Наташа. – Еще только половина седьмого.

– Таблетки забыла с вечера в комнату взять, – пояснила девушка. Она достала из навесного шкафчика пузатые пластиковые баночки с пилюлями «Гербалайф», налила в стакан воду из-под крана. Отсыпала в ладонь две пилюли из одной баночки и запила их водой. Пилюли из другой баночки положила на тарелку, туда же поставила заново наполненный стакан.

– Я скоро лопну, – жалобно произнесла Ирина, – в жизни столько воды не пила. Сначала одни таблетки со стаканом воды, через полчаса другие, и тоже со стаканом воды, а еще через полчаса коктейль. И так три раза в день. Умереть можно.

Она собралась было возвращаться к себе, но передумала, поставила тарелку с таблетками и водой на стол и плюхнулась на табуретку рядом с Наташей.

– Брось, – с улыбкой посоветовала Наташа, – зачем так себя изводить? Еще неизвестно, будет ли результат, а мучения – они уже сейчас во всей красе присутствуют.

– Ну да, брось! Как это я брошу? Мне обещали, что через месяц я похудею на восемь килограммов. Ты же знаешь, чего я только не делала, чтобы вес сбросить, ничего не помогает.

– А «Гербалайф» твой, думаешь, поможет? – Наташа не скрывала скепсиса, она с детства была убеждена в том, что похудеть можно только при помощи физических нагрузок и отказа от сладкого. Физические нагрузки у Ирины были немалые, одни занятия сценическим движением чего стоят, и от сладкого она больше года назад отказалась, а толку никакого, в вещи сорок восьмого размера она так и не влезла. И, по мнению Наташи, это означало только одно: такая у нее конституция, генотип такой, организму в этом весе комфортно, и он даже под угрозой смерти не отдаст ни одного килограмма на потребу моде. Но Ира эту точку зрения не разделяла и мужественно бросалась попеременно то в одну диетологическую авантюру, то в другую. То

варила себе какие-то специальные супчики, якобы сжигающие жир, то сидела на двухнедельной «японской» диете без соли и сахара, то переходила на монопитание и ела по три раза в день либо только творог, либо только мясо, либо только рис. Сбрасывала она каждый раз два-три килограмма, и уже через две недели эти насильственно выкинутые из тела килограммы снова возвращались и прилипали к фигуре намертво. Теперь вот новомодное американское средство для очистки организма и похудения под названием «Гербалайф». Стоит сумасшедших денег, месячный курс – сто двадцать долларов. Ирка пьет эти разноцветные пилюльки и сладко пахнущие коктейли уже две недели, и Наташа слабо верила в то, что еще через две недели ее соседка похудеет на восемь килограммов, то есть на два размера. Однако Ира верила и продолжала вливать в себя бесчисленные стаканы с водой.

– Уверена, что поможет, – с горячностью произнесла она и тут же жалобно добавила: – Натулечка, ты меня не расхолаживай, а то у меня силы воли не хватит.

– Иди спать, – засмеялась Наташа, – это не я тебя расхолаживаю, а ты меня своим сонным видом. Мне нужно поработать.

– Да ладно, я уже проснулась, – Ира сладко зевнула, потянулась. – Все равно мне с тобой поговорить надо. Натулечка, я замуж выхожу.

– Да ну? – подняла брови Наташа. – Опять? За кого на этот раз?

– За Игоря Мащенко.

– Ты с ума сошла!

– Почему же? И вообще, чему ты так удивляешься? Ты же знаешь, что я с ним встречаюсь уже год. Вполне естественное развитие событий.

– Ирка, что ты говоришь? Ты же его не любишь. Как же можно выходить замуж без любви?

– Ой, до чего ты правильная – прямо противно. – Ира смешно наморщила носик и скорчила Наташе рожицу. – Тебя послушать, так весь мир должен быть устроен по принципу: если любишь – женись, если не любишь – не женись. А сколько на свете людей, которые любят друг друга и не женятся по разным причинам? Миллионы! Поэтому остальные миллионы имеют полное право жениться без любви. Тогда все справедливо.

– Но это нечестно, – запротестовала Наташа, – это же обман. Человек, который на тебе женится, сам тебя любит и надеется, что ты отвечаешь ему взаимностью.

– Да перестань ты! Какая взаимность? Думаешь, Игорь меня без ума любит, что ли? Ничего подобного. Я все прекрасно понимаю, ему нужно жениться на ком-нибудь, чтобы бабы не рассматривали его как потенциального жениха и не вешались ему на шею. Он нормальный взрослый мужик, у него есть свои физиологические потребности, но если он будет их удовлетворять с посторонними женщинами, то будет постоянно влипать во всякие там отношения, которые придется потом нудно выяснять и болезненно разрывать. Лучше пусть будет для этого дела жена, приличная и необременительная, которая нравится его мамочке и папочке. И ему самому, кстати, тоже. А любить наш Игорек вообще не умеет, понимаешь? В принципе не умеет. Ему эта способность от природы не дана. Он может увлечься, влюбиться, но на короткое время. А потом – все. Полный пшик.

– Ну хорошо, а ты? Зачем тебе это замужество? Ты что, тоже любить не умеешь?

– Интересно ты рассуждаешь! – фыркнула Ирина. – А как же я, по-твоему, буду отслеживать ситуацию? Если я откажусь выйти за него замуж, он найдет кого-нибудь другого, и мне тогда дорога в их дом будет закрыта.

– Ирочка, дорогая моя, это не аргумент. Я очень виновата перед тобой, я втравила тебя в эту историю, я согласилась на то, чтобы ты познакомилась с Игорем, а через него – с Виктором Федоровичем, потому что была напугана, была парализована страхом. У меня, наверное, мозги отказали, если я согласилась на такое. Но прошел год, и ничего не случилось, никакой катастрофы. Может быть, я сильно преувеличила опасность, ты же сама говоришь, что за весь

этот год Виктор Федорович ни разу не упомянул моего имени и вообще проблему сотрудничества людей с КГБ ни в каком виде не обсуждал. Если тебе нравится Игорь – пожалуйста, встречайся с ним, спи с ним, живи. Но если ты делаешь это только ради меня, то не нужно. Ты собираешься принести себя в жертву, но это искалечит всю твою жизнь. Ты же сама мне потом этого не простишь.

Ира вскочила с табуретки, опустилась перед Наташей на колени, положила голову на ее бедро, как преданная собака.

– Натулечка, после всего, что ты для меня сделала, никакие жертвы не будут слишком большими. Мне ничего для тебя не жалко, жизни своей не жалко, только бы тебе было хорошо. Ты пойми, тебе, может быть, это все и не нужно, но это МНЕ нужно. Понимаешь? МНЕ. Я должна чувствовать, что искупаю свой грех перед тобой, иначе я не смогу жить спокойно. Я – преступница, и я не успокоюсь, пока не почувствую себя достаточно наказанной. А ты все время хочешь мне помешать. Неужели тебе меня не жалко?

Опять она заговорила о Ксюше. Это случалось нечасто, но Наташа твердо знала, что Ира все помнит, помнит каждый день, каждый час, винит себя и не знает, что ей делать с этим чувством страшной вины. Наташа давно уже научилась не плакать, вспоминая свою маленькую дочь, но до сих пор слезы наворачивались на ее глаза каждый раз, когда Ира заговаривала о своей вине и своем грехе.

– Жалко, – проглотив слезы, сказала она. – Мне тебя очень жалко. Поэтому я и не хочу, чтобы ты выходила замуж по такому подлому расчету. Ирочка, девочка моя, ты потом расскажешься в этом и будешь винить во всем меня. И мы с тобой попадем в замкнутый круг взаимных обвинений, из которого уже никогда не выберемся. Мы будем до самой смерти жить в аду. Ты этого хочешь?

Ира резко поднялась с колен, посмотрела на висящие на стене часы, бросила в рот очередные таблетки и залпом выпила стакан воды.

– Запомни, Натулечка, я никогда и ни в чем не буду тебя винить. И осуждать ни за что не буду. Хуже и страшнее того, что я сделала, сделать невозможно. Что бы ты ни делала, ни один твой поступок этого не перевесит. И вообще, чего ты сидишь? Уже семь часов, пора мальчишек поднимать. Давай, я завтрак приготовлю, мне все равно еще полчаса до коктейля ждать.

Наташа сложила бумаги в папку и отправилась в комнату к сыновьям. И как обычно, прежде чем их будить, несколько секунд разглядывала спящих мальчиков. Сашка уже совсем большой, ему тринадцать, голос начал ломаться, над верхней губой пушок виднеется, с каждым месяцем все более заметный. Густые темно-русые вихры закрывают лоб и уши. В прежние времена, когда Наташа училась в школе, с такой прической без разговоров выгоняли с уроков и отправляли в парикмахерскую, а теперь полная свобода, никто никого не заставляет стричься, волосы можно носить любой длины, даже школьную форму отменили. Хорошо это или плохо? Для ее сыновей, наверное, нормально, но ведь не у каждого ребенка в семье такой достаток, как у Вороновых, а дети есть дети, они хотят быть не хуже других и страшно комплексуют из-за того, что у них нет таких модных вещей, как у их одноклассников. В форме все были одинаковыми, благосостояние семьи на внешнем виде школьников практически не сказывалось, по крайней мере во время уроков. С другой стороны, одинаковость – это путь к потере индивидуальности. И неизвестно еще, что хуже. Можно, кстати, на эту тему передачу сделать, не только о школьниках, а вообще о проблемах равенства и различий. Любопытно получится...

Алешка – совсем другой, совершенно на брата не похожий, темно-рыжий, как Наташа в детстве, коротко стриженный. Он и спит по-другому, не так, как Саша. Старший даже во сне, кажется, куда-то бежит, торопится, боится не успеть, широкие брови напряженно сдвинуты, губы сжаты, а младший уходит в сон глубоко и основательно, как и все, что он делает, поэтому и сны видит сладкие и приятные, вон какая улыбка на лице! Зато просыпается Алеша легко и быстро, с хорошим настроением, выспавшийся и отдохнувший, а Сашу приходится подолгу

будить, вытаскивая из очередной погони или смертельной схватки, и потом еще следить, чтобы не отвернулся к стенке и не заснул снова. Наверное, напрасно Вадим купил видеомэгнитофон, Сашка слишком увлекается боевиками.

Когда сыновья были совсем крошечными, Наташа видела их одинаково, оба они были для нее атласно-розовыми, как мягкая пуховая подушечка, в которую так приятно уткнуться лицом. Потом в мысленном образе старшего сына, Сашеньки, стали появляться желто-красные пламенные оттенки, с которыми ассоциировались подвижность и энергичность, часто чреватые травмами и опасностью. Алешин же розовый цвет постепенно темнел и превращался в терракотовый – цвет кирпичей, из которых строят уютные и надежные дома. Теперь же непоседливый и неутомимый Сашка прочно связывался у Наташи с бело-голубыми красками, именно таким она представляла себе электрический ток еще в школе, когда изучала физику. А спокойный и даже немного медлительный Алеша приобрел устойчивый темно-синий цвет, цвет покоя и надежности, точно такой же, в какой до сих пор для Наташи была окрашена комната Бэллы Львовны. Такие разные мальчики... И при всей своей несхожести они очень привязаны друг к другу, несмотря на то, что учатся в разных классах. У них даже друзья общие, но это уже заслуга Вадима, это он настоял, чтобы сыновей отдали в спортивную секцию, ведь там ребят разбивают на группы не по возрасту, а по умению, и если ты ничего пока не умеешь, если ты начинающий, то будешь тренироваться вместе с теми, кто пришел одновременно с тобой, независимо от того, сколько тебе лет, семь, восемь или десять. Саша и Алеша уже второй год ходили в бассейн, занимались плаванием и обзавелись общей компанией, в которую входили мальчики от двенадцати до пятнадцати лет.

Господи, да что же она стоит! Уже десять минут восьмого, а она тут мечтает неизвестно о чем...

– Ребята, подъем, – громко сказала она, подходя к Сашиной постели. Старшего придется потормозить, а младший и сам встанет, у него чувства ответственности на десятерых хватит, никогда в школу не опоздает. – Давайте, давайте, поднимайтесь, умывайтесь, сейчас Ира завтрак принесет.

Слова оказали магическое действие, но на это, собственно, и было рассчитано. Сашка все время хотел есть, возраст такой, наверное, и перспективой даже малейшей гастрономической радости его можно было выманить и из комнаты, где он смотрел очередной боевик, и из сна. Алеша к еде относился спокойно, зато ужасно стеснялся выползть из-под одеяла в присутствии Иры. В отличие от брата, спал он голым, без пижамы, но если присутствие матери переносил абсолютно спокойно и даже позволял ей мыть себя под душем, то Ира, равно как и все другие женщины на свете, его страшно смущала.

Через две минуты оба мальчика в трусиках и маечках чистили зубы в ванной, а Ира расставляла на столе чашки с чаем и тарелки с горячими бутербродами.

Утро шло строго по графику, в восемь часов ушла на занятия в институт Ира, в восемь пятнадцать – мальчишки помчались в школу, в восемь тридцать Наташа вышла из дому и поехала на Шаболовку, в старый телецентр, где у нее были назначены две встречи. Ее немного беспокоило, что к моменту ухода она так и не увидела Бэллу Львовну. Может быть, соседка плохо себя чувствует? Обычно Бэллочка встает около восьми, а сегодня что-то заспалась. Надо будет позвонить ей сразу же, как только Наташа доедет до телецентра.

Но позвонила она не сразу. Через три минуты после того, как она вошла в здание, на нее обрушилась новость.

– Ты слышала, какой у нас скандал? – возбужденно зашептала ее знакомая – администратор одной из популярных программ. – Синягина снимают с информационных выпусков.

– А что случилось? – удивилась Наташа.

Синягин был одним из самых «продвинутых» ведущих ежедневной вечерней информационной программы, его оценки событий были неожиданными и глубокими, а комментарии

– мягко-ироничными и внешне вполне лояльными, но за этой лояльностью многие угадывали скрытое ехидство. Его любили в народе, и эту информационную программу по вечерам смотрела, без преувеличения, вся страна. Что же могло случиться такого, чтобы звезду телеэкрана Синягина отлучили от эфира? Неужели сам президент или кто-то из его окружения остался недоволен и оказал давление на руководство канала?

– Оказывается, Синягин когда-то сотрудничал с комитетом, – трагическим шепотом поведала администратор. – Ты представляешь? Какая гадость! Как он мог? Теперь ему руки никто не подает.

– Глупости это, – громко и резко сказала Наташа. – С чего вы это взяли? Кто-то брякнул, а вы и поверили. Неужели ты не понимаешь, что Синягин просто раздражает кого-то из высшего руководства, вот вам и слили эту дезу, чтобы вы своими руками его убрали. Вы же такие демократы, что дальше некуда, вы в своих рядах доносчиков не потерпите. Вот они вашим демократизмом и воспользовались. А вы идете у них на поводу, как послушные ослы. Проверить эту информацию невозможно, а поверить в нее очень хочется, да? Жареного захотелось, на постном пайке долго сидите? Стыдно.

Она не стала дожидаться ответа и быстро пошла дальше по длинному коридору, чувствуя, как пылают щеки. Она сказала то, что должна была сказать, но сама в своих словах была далеко не уверена. Конечно, Синягина убрали, он стал неуютен в верхах и для этого разыграли самую актуальную на сегодняшний день карту – сотрудничество с КГБ. Прошлогодний скандал с Прунскене вызвал настоящий ажиотаж, и тема негласного сотрудничества с силовыми ведомствами постоянно с тех пор возникала то тут, то там. Но до сих пор, насколько Наташе было известно, этим ключом не пользовались для того, чтобы открыть дверь кадровых перестановок. Возмущались, негодовали, пламенно обличали и людей, служивших системе, и саму систему, но без оргвыводов. И вот оно, начало. Был Синягин в действительности агентом КГБ или не был, никакого значения для Наташи не имело. Важно одно: метод опробовали. Потом его начнут применять. К кому? Кто будет следующим?

Обе назначенные встречи Наташа провела крайне неудачно, ни один вопрос не решила и ничего не добилась. Она вообще не очень хорошо понимала, что ей говорят, мысли все время перескакивали с Синягина на Ирину и обратно. Не рано ли она успокоилась, решив, что опасность миновала? И сколько еще времени, сколько месяцев, а может быть, и лет придется ей жить в этом постоянном, изнуряющем, выматывающем страхе?

Только после окончания всех переговоров Наташа спохватилась, что так и не позвонила Бэлле Львовне.

– Бэллочка Львовна, – нервно заговорила она в трубку, услышав неторопливый говорок соседки, – у вас все в порядке? Вы утром не встали, я уж забеспокоилась.

– Все в полном порядке, золотая моя, не волнуйся.

Но что-то в голосе пожилой женщины показалось Наташе странным, необычным. В нем проскальзывали давно забытые нотки, которых Наташа давно уже не слышала.

– И все-таки что-то случилось, – утвердительно сказала она. – Я же слышу.

– Случилось. Придешь домой – поговорим.

– Бэллочка Львовна, не мучайте меня, я и так вся на нервах! Что-то с мальчиками? С Ирой? Да говорите же.

– Я только что разговаривала с Мариком по телефону. Он скоро приедет.

– Когда?!

– Через два месяца, в ноябре. Золотая моя, ты можешь в это поверить? Мой Марик приезжает!

Руслан

Из окна палаты на третьем этаже он видел медные и бронзовые ветви деревьев. Сначала, когда он только попал сюда, деревья были черно-белыми, покрытыми шапками снега, потом, когда в апреле снег растаял, стали просто черными, потом нежно-зелеными, потом зелень стала наливаться сочностью и темнеть, а теперь вот жизненные соки уходят из листьев и веток, и их сжигает красно-золотое пламя осени.

Руслан попал в автоаварию через день после возвращения из Новокузнецка и встречи с бывшим следователем Дюжиным. Он пролежал в больнице с травмой черепа и множественными переломами весь остаток зимы, весну, лето и даже начало осени. Заканчивается сентябрь, и завтра, наконец, его выписывают. Кости почему-то все время неправильно срастались, их приходилось снова ломать и снова оперировать. Порой ему начинало казаться, что отныне он будет жить до конца дней только здесь, в этой палате на третьем этаже, на этой койке, только соседи будут меняться, да и то нечасто, это же травматология, отсюда быстро не уходят, месяцами лежат.

Времени Руслан Нильский даром не терял. Как только смог держать на коленях блокнот, а в руках – шариковую ручку, начал работать над материалом о бедственном положении медицинских учреждений, в частности больниц и станций «Скорой помощи». Нехватка врачей и фельдшеров, дефицит лекарственных препаратов, отсутствие финансов для закупки продуктов питания для больных и осуществления элементарных мероприятий по поддержанию санитарного состояния зданий. Чуть позже, когда начал ходить и знакомиться с больными из других палат, появилась новая тема: раненые и контуженые, ставшие инвалидами по воле и вине государства, пострадавшие во время выполнения воинских или служебных заданий, солдаты из «горячих» точек, милиционеры, спецназовцы, пожарные.

На все отделение был один телевизор, стоявший в коридоре, и смотреть его могли только ходячие больные, которые, вернувшись в палату, со вкусом и неизвестно откуда взявшимися подробностями пересказывали увиденное и услышанное тем, кто прикован к кровати. Руслан с интересом прислушивался сначала к рассказам, позже, когда начал вставать и имел возможность сам смотреть телевизор, – уже к пересказам, не переставая удивляться тому, как до неузнаваемости модифицируются факты и события. О степени искажения он мог судить вполне объективно даже тогда, когда еще не ходил, ведь к нему ежедневно прибегал кто-нибудь из редакции, приносил ворох свежих газет и делился новостями. Так, 11 чемоданов с компроматом, о которых говорил генерал Руцкой, как-то незаметно превратились сначала в 11 контейнеров, а в следующем пересказе – в 21 вагон, набитый ящиками с документами, компрометирующими ряд представителей власти. Когда созданная президентом комиссия по борьбе с коррупцией заявила, что сам генерал Руцкой причастен к некоему счету в швейцарском банке размером в 3 миллиона долларов, то в больничном дворике обсуждался уже личный счет самого генерала, на котором тот держал неизвестно где украденные миллионы, а будучи донесенной до палаты и пересказанной лежащим больным, новость обрела поистине раблезианский масштаб: оказывается, генерал держал на счету целых 300 миллионов единиц североамериканской твердой валюты.

Эти наблюдения натолкнули Руслана на мысль проанализировать механизм таких информационных метаморфоз. Ведь люди не глухие и не слепые, они отчетливо слышат то, что сообщает им диктор телевидения или радио, так почему же через полтора-два часа они подвергают это таким чудовищным искажениям? Первое открытие, которое сделал для себя молодой журналист, состояло в том, что люди слышат и видят вовсе не то, что им говорят и показывают, а то, что они хотят слышать и видеть. И вопрос на самом деле состоит в том, что именно они хотят слышать и видеть и почему именно это, а не что-то другое. Почему людям так хочется,

чтобы все представители властных структур оказались ворами и взяточниками? Ведь по большому счету этого хотеть нельзя, иначе разворуетесь весь государственный бюджет, вся казна, и нечем будет платить зарплату и пенсию, и не будет средств на социальные программы. То есть, с одной стороны, люди, находясь в здравом уме, конечно же, не хотят, чтобы «наверху» все воровали, но, с другой стороны, почему-то очень этого хотят, причем хотят настолько, что зачастую принимают желаемое за действительное. Размышлениям над этим феноменом Руслан посвятил свою третью статью.

Потом, набрав нужное количество информации в беседах с такими же, как он сам, пострадавшими в автоавариях, он разразился материалом об ужасающем состоянии дорожного покрытия и о недобросовестности некоторых автошкол, выдающих водительские права людям, не прошедшим надлежащий курс обучения и не сдавших на должном уровне экзамены. Вслед за этим Руслан написал отдельную статью о взяточничестве в Госавтоинспекции. Этим вопросом он интересовался давно, а теперь, наслушавшись рассказов о том, как ведут себя работники ГАИ на местах дорожно-транспортных происшествий, просто не мог удержаться.

Писал он ради собственного удовольствия, чтобы чем-нибудь занять себя, но обязательно показывал написанное приходившим к нему сотрудникам редакции. Они забирали текст, и через некоторое время статья появлялась в газете. Особенно много похвал Руслан получил по поводу статьи о слухах, ее даже перепечатали несколько газет в Томске, Иркутске и Новосибирске.

Одним словом, все было отлично. Статьи публиковались, авторитет Руслана Нильского как журналиста рос не по дням, а по часам, кости наконец срослись как положено, и завтра он вернется домой. Только вот уголовное дело по обвинению Бахтина в убийстве ему так и не удалось посмотреть. Не успел, в больницу попал. Ну ничего, все впереди, торопиться ему некуда. Мать, похоже, забыла о ссоре, как только Руслан оказался на больничной койке, тут же взяла отпуск, приехала в Кемерово, поселилась у подруги и целыми днями сидела возле сына, выхаживала, приносила еду, меняла белье. Когда отпуск кончился, ей пришлось уехать, но каждую неделю на выходные она снова приезжала в Кемерово. И ни разу за все эти долгие месяцы не вернулись они к тому разговору, будто и не было его никогда. Вот выйдет Руслан из больницы, осмотрится немного на работе и свяжется с Дюжиным. Только вряд ли это будет сразу, похоже, ситуация в стране накаляется до предела. Три дня назад, 21 сентября, Президент Ельцин подписал Указ номер 1400: прервать съезд народных депутатов и распустить Верховный Совет России. Через полчаса заседавшие в здании Верховного Совета на Краснопресненской набережной депутаты назначили руководителя обороны Белого дома, а на другой день утром Президиум Верховного Совета постановил: Президента Ельцина от руководства страной отстранить, его полномочия передать вице-президенту Руцкому. Белый дом оцепили, и с тех пор ни один депутат оттуда не вышел, так и заседают беспрерывно, назначают новых министров и вырабатывают стратегию борьбы с Президентом. На уступки, похоже, ни Президент, ни парламент идти не собираются, и мирным путем такое противостояние кончиться просто не может. В любой момент может грохнуть взрыв, и тут уж журналисты должны денно и ночно собирать и подавать информацию, а не заниматься детективными изысканиями в сугубо личных интересах. Так что дел в редакции у Руслана Нильского будет невпроворот.

* * *

– ... Мы прекращаем вещание... Кругом рвутся снаряды... – в голосе диктора звучала с трудом сдерживаемая паника.

Изображение исчезло, на телевизионном экране замелькали пестрые полосы. Лена Винник вцепилась в подлокотник вертящегося кресла и с ужасом посмотрела на Руслана.

– Там что, война? Господи, какой ужас! Снаряды рвутся... Они штурмуют Останкино. Что же будет?

Скоро сутки, как никто из сотрудников редакции не уходит домой, все либо висят на телефонах, принимая информацию из Москвы, либо смотрят телевизор и слушают радио. Противостояние Президента Ельцина и Верховного Совета, возглавляемого Хасбулатовым, достигло своего пика. Вчера, 2 октября, произошло массовое столкновение с милицией на Смоленской площади в Москве, сегодня сторонники Верховного Совета прорвали оцепление вокруг Белого дома, и телевидение на всю страну показало, как генерал Руцкой призывал взять мэрию и Останкино, а сам Хасбулатов кричал в микрофон, что нужно штурмом брать Кремль и выгонять оттуда узурпатора-Президента и прочих преступников. Боевые группы генерала Макашова отправились на захват мэрии, а вот сейчас штурмуют телецентр. Что же это, если не война? Останкинский телецентр выведен из строя, но хорошо, что есть еще Шаболовка, оттуда вещает Российский канал.

В Москве поздний вечер, в Кемерове – глубокая ночь, но все сидят в редакции в ожидании новостей. До самого утра смотрят прямой эфир с Шаболовки, куда приглашены видные политики, общественные деятели и просто известные и уважаемые люди, призывающие поддержать Президента Ельцина. Даже Руслан, несмотря на ломоту в костях и сильную головную боль (врачи предупредили, что после такой травмы боли будут преследовать его всю жизнь, особенно при перепадах давления), не уходит. Только одна Лена Винник периодически убегает домой кормить малыша и снова возвращается, оставив ребенка с мамой и мужем. Все голодны, но редакционный буфет откроется только в десять утра.

– Вот! – вбежала запыхавшаяся Лена, вернувшаяся после очередного кормления. Она положила на стол полиэтиленовый пакет и стала вытаскивать из него продукты. – Хлеб, помидоры, соленые огурцы, сало и «Сникерсы». Больше ничего нет.

Все радостно накинулись на еду. Как хорошо, что есть свобода торговли! Теперь можно в любое время суток купить с рук хотя бы нехитрую еду, а то раньше как было? Не успел купить продукты до восьми вечера, пока магазины открыты, – сиди голодным до восьми утра.

– Ну что там? – с тревогой в голосе спросила Лена, сняв плащ и усевшись на свое место. – Есть что-нибудь новое?

– Говорят, в Москву ввели армейские части, но они пока ничего не предпринимают, – ответил сидящий рядом Руслан, с воодушевлением вонзая зубы в мясистый помидор, который он ел не разрезая, как яблоко.

– Кошмар! Неужели они допустят, чтобы на улицах шли бои? Люди же пострадают!

– Ленка, их не волнуют люди, их волнует власть. Люди – мусор.

– А зачем тогда нужна власть? Чтобы управлять мусором?

– Риторический вопрос, – вмешался заведомо новостей. – Власть – самооценочность, ее добиваются не для того чтобы, а потому что. Цели никакой, важно самоосознание себя как носителя власти. Тебе этого не понять.

– Это почему же? – обиженно поинтересовалась Лена. – Вроде бы я не тупее вас, Николай Игнатьевич.

– Дело не в тупости, а в особенностях менталитета. Стремление к власти свойственно мужскому менталитету, а не женскому. Ты вот задумывалась, почему так мало женщин у власти? Вроде они и не глупее мужиков, а чаще даже и умнее, и образованнее, и сила воли у вас почти всегда мощнее, чем у нас, а во власть не ходят. Знаешь, почему?

– Ну и почему?

– Да потому, что вам это не нужно. Вы к этому не стремитесь. У вас совершенно другие ценности, и вы никак не можете понять, зачем мы рвемся к власти. А мы, со своей стороны, не можем понять, почему вы хотите такое же платье, как у, допустим, Мани или Тани, и в то же время смертельно боитесь появиться в общественном месте одинаково с ними одетой. То есть

пусть у меня такое платье будет, но пусть никто об этом не знает. С нашей, мужской, точки зрения – полная бредятина, а для вас, девушек, это важно, и вы там чего-то себе переживаете, интригуете, выстраиваете.

– Интересно вы рассуждаете, Николай Игнатьевич. Вас послушать, так получается, что мы – такие умницы, а расходуем свой интеллектуальный ресурс на мелкие глупости, так, что ли?

– Я не сказал, что это мелкие глупости. Для вас это важно, а нам не понять. Точно так же для мужчины важна власть, а женщина этого не понимает, для нее политическая власть – ненужная в хозяйстве абстракция. Другое дело, власть в семье, вот за нее вы до последнего драться будете. Потому как от власти в семье есть осязаемая практическая польза в ведении хозяйства и обустройстве быта. О, тихо, новости начались!

Общий треп мгновенно прекратился, все глаза устремились к телевизионному экрану. Пока никаких кардинальных изменений, в Москве пять часов утра. Присутствующие снова углубились в обсуждение политической ситуации, кто-то помчался готовить материал в вечерний выпуск газеты, кто-то ушел звонить в Москву знакомым, одни вычитывали верстку, другие, вооружившись толстыми синими и красными карандашами, редактировали еще не сверстаные материалы.

В десять утра армейские подразделения начали штурм Белого дома. Бой в центре столицы транслируется в прямом эфире. По мосту идут танки. Руслан несколько раз моргнул и потер глаза. Может быть, он спит? Или находится под наркозом, потому что никто его из больницы не выписывал, ему делают очередную операцию, и все, что он сейчас видит, не более чем наркотический бред? Галлюцинация? Это же Москва, столица его Родины, она должна всегда и во всем быть высоким образцом, достойным подражания. И вдруг такое: все перессорились, направляют друг на друга военных, кричат, беснуются, генерал Макашов даже матом ругается, его на всю страну слышно... Как будто это вовсе не Москва, которая с детства представлялась Руслану гордой и прекрасной, а какая-то деревня, очень большая деревня, где бушуют и громят все, что попадает под руку, перепившиеся мужики.

«Я обязательно напишу об этом, – думал он, глядя на горящий Белый дом. – Я попытаюсь проанализировать свои ощущения и понять, чем была Москва для нас, живущих так далеко от столицы, и чем она стала сейчас. Что она олицетворяет? И кинемся ли мы ее защищать, если случится война? Или будем защищать только свой дом, свои стены, потому что такая Москва, которую я видел в последние двое суток, это позор для цивилизованной страны? Или не позор? Может быть, я ошибаюсь?»

* * *

Власть Президента была восстановлена, страсти понемногу утихли, и в конце октября Руслан, наконец, выбрал время, чтобы дозвониться до Дюжина.

– Я решил, что вы передумали, – равнодушно отреагировал на его звонок Сергей Васильевич. – Пропали куда-то.

– Я попал в аварию и восемь месяцев пролежал в больнице, – объяснил Руслан. – Недавно только вышел. Так вы мне поможете?

– Я уже созванивался со своим приятелем из суда, он вас ждал еще тогда, в феврале. Теперь надо снова его искать и снова договариваться, может быть, он в отпуске или вообще ушел с этой работы. Позвоните мне через несколько дней.

К счастью, председатель суда с работы не ушел и в отпуск не уехал, и уже через неделю Руслан сидел в пустой комнате адвокатов в здании суда и читал уголовное дело об убийстве своего брата. Никогда ему даже в голову не приходило, как это мучительно! И дело даже не в том, что приходилось смотреть на фотографии мертвого Михаила или на снимки ножа, которым он

был убит. Просто уголовное дело совсем не похоже было на детективные романы, которые он всю жизнь читал. Написанные от руки протоколы приходилось разбирать буквально по словам и слогам, и бывало страшно обидно, когда, с трудом прочитав один протокол и угробив на одну страницу целых полчаса, Руслан понимал, что в нем не содержится ничего нового по сравнению с тем, что он уже прочел раньше.

Все было именно так, как рассказывали на суде и как говорил бывший следователь. Брат Михаил без разрешения взял из гаража Камышовского горисполкома служебную машину «ВАЗ-2106» и уехал на денек «проветриться». Это случалось и раньше, Мишка вообще любил природу и одиночество, а заведующий гаражом к нему благоволил, равно как и исполкомовский начальник, которого Мишка возил в качестве водителя. И иногда по Мишкиной просьбе ему разрешали взять машину для собственных нужд, выдавали талоны на бензин, правда, путевку не выписывали.

В районе поселка Беликово гражданин Нильский остановил машину на опушке леса и, будучи в нетрезвом состоянии, начал приставать к проходящему мимо гражданину Бахтину, который незадолго до этого выпил полбутылки водки. Что за этим последовало – хорошо известно.

А вот и заключение судебно-медицинской экспертизы. Резаная рана... ширина... глубина... локализация... Содержание алкоголя в крови... промилле... Руслан прикинул – получилось, что Мишка выпил немало, граммов триста пятьдесят. Где? Зачем? Почему? Может быть, они вместе с Бахтиным выпивали? Если бутылка ноль семьдесят пять, то так и получается: по полбутылки на брата. И где эта бутылка? Ясно, где, Бахтин унес и выбросил. Ведь на ней его отпечатки остались, и Мишкины тоже, любая экспертиза это покажет, а следователь сделает вывод о том, что, раз вместе выпивали, значит, знакомы, а раз знакомы – значит, личные счеты. И никакой обоюдной хулиганской драки, зачинщиком которой выставили брата. Выходит, если экспертиза честная, правильная, то Бахтин выпивал вместе с Михаилом, может быть, намеренно споил его, чтобы притупить бдительность и убить, а если экспертиза фальшивая, то Мишка вообще не пил, а стало быть, приставать ни к кому не мог и драку затеять тоже не мог. И в том, и в другом случае выходило, что Бахтин все-таки был знаком с Михаилом, но тщательно это скрывал.

Руслан выписал адрес морга, где проводилось вскрытие трупа и судебно-медицинская экспертиза, и стал листать дело дальше. Вот еще одна экспертиза, на этот раз по оружию убийства. Ее тоже нужно прочитать, потому что с ножом Руслану не все ясно. «...Клинок ножа прямой... имеет прямой обух и прямое лезвие, образованное двусторонней заточкой... боевой конец клинка образован за счет плавного схождения лезвия к скосу обуха под углом 20 градусов и расположен выше осевой линии клинка... размерные характеристики... рукоять имеет прямую спинку, со стороны лезвия – выгнута... со стороны лезвия и голомений имеется выступ... Вывод: нож изготовлен самодельным способом по типу охотничьих ножей общего назначения и относится к колюще-режущему холодному оружию». Такого ножа, как на фототаблице, у них дома никогда не было, то есть Мишка его где-то купил и хранил отдельно. Зачем? С какой целью? Но может быть, это и вовсе не его нож? Может быть, это нож Бахтина? И даже наверняка его, ведь жил-то Бахтин в охотничьем домике, иными словами – вроде как поохотиться приехал, какой же еще нож ему иметь при себе, как не охотничий. Получается, он специально принес его на встречу с Мишей с намерением совершить убийство. Ведь принадлежность ножа именно Михаилу Нильскому никто не может опровергнуть, но и подтвердить тоже никто не может, а следы пальцев на рукоятке принадлежат обоим участникам трагедии, это написано в другом экспертном заключении, по дактилоскопии. Вот и поди разбери теперь, чей это нож и кто его принес на опушку.

Руслан внимательно читал уже третье заключение эксперта, на этот раз по следам крови, и внутренне холодел. Вот она, истина! Он до нее добрался. Он сделал то, что хотел. Никто

не обратил на это внимания, да и зачем, если есть виновный, который все признает и даже сам рассказывает, как дело было. И все в эту картину укладывается. Так зачем копыа ломать и лишние ниточки в узелки завязывать, если можно просто ножницами их отрезать?

На ноже обнаружены следы крови двух разных групп. Есть кровь четвертой группы, принадлежащая потерпевшему Михаилу Нильскому. И еще чья-то, совсем другой группы, второй. Картина происшедшего развернулась перед Русланом мгновенно и ярко, словно в темном кинозале вспыхнул широкоформатный экран. Это нож Бахтина. Он совершил убийство, а Мишка либо оказался случайным свидетелем, либо еще как-то об этом узнал. Бахтин коварно втерся к Мишке в доверие, напоил его и убил. Тогда все сходится. Или не напоил, а просто подкрался и ударил ножом, а дружки Бахтина уговорили судебного медика, запугали или подкупили, чтобы он сфальсифицировал заключение. И сам Бахтин, скорее всего, наврал насчет того, что был пьян. А может, и был, черт его знает. В любом случае убийство в пьяной драке – это одна статья и один срок, а убийство двух человек, при этом первое – неизвестно по каким мотивам, а второе – с целью сокрытия другого преступления, – это уже совсем иной разговор, иная статья, умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами и принципиально иной срок, вплоть до высшей меры наказания.

Вот так, честный товарищ бизнесмен Бахтин. Вы попались. Теперь Руслану понятно, что там произошло, не до конца, конечно, но он хотя бы понимает, в каком направлении искать информацию. Где-то есть труп, за который никто не ответил. Где-то пропал человек, которого, может быть, до сих пор не нашли. Ну что ж, торопиться и в самом деле некуда, человек все равно умер девять лет назад, а правосудие и справедливость не могут запоздать, они так или иначе настигнут виновного. Ждите, товарищ Бахтин, будет и на нашей улице праздник, а на вашей – новая скамья подсудимых.

Ирина

Костюмчик был прелестным, с коротким, в талию, пиджаком и длинной расклешенной шифоновой юбкой-«солнце». И цвет – как раз то, что надо, нежно-сиреневый, то есть, с одной стороны, не темный (свадьба как-никак), а с другой стороны, не белый (смешно! С ее характером да во второй брак вступать – и в белом!). Но вот размер... На кронштейне этот костюмчик висит в единственном экземпляре, и, если верить бирке, размерчика он сорок восьмого. Маловат.

– Вам помочь? Вас интересует этот костюм?

Белобрысая продавщица ловко сдернула шедевр канадских портных с кронштейна и подняла вешалку-«плечики», чтобы Ира могла обозреть наряд в полный рост.

– А побольше размера нет? – безнадежно спросила Ира.

– Это для вас? – поинтересовалась продавщица.

– Да. Мне нужен пятидесятый размер.

– Да бог с вами! Вам и этот-то будет велик. Примерьте.

– Не влезу, – категорически отказалась Ира.

– Примерьте, – повторила продавщица настойчиво. – Я же вижу, что влезете.

Ира покорно поплелась в примерочную. К ее удивлению, пиджак сидел превосходно, в груди не тянул и не собирался в складки-морщины, а юбка была даже чуть-чуть великовата в талии.

«Я же похудела! – с облегчением вспомнила она. – Никак не могу привыкнуть к тому, что я уже не такая корова, какой была раньше».

Она повертелась перед зеркалом, разглядывая себя в свадебном наряде, и, вполне удовлетворенная результатом, переоделась.

– Беру! – радостно сообщила она продавщице и направилась к кассе. Расплатившись и подхватив пакет с аккуратно сложенным костюмом, Ира помчалась по магазинам в поисках подходящих туфель. Тоже проблема, надо заметить, не из легких, ножка у нее немаленькая, сорокового размера, при ее росте в метр восемьдесят, конечно, это нормально, но почему-то основная масса изготовителей обуви так не считает. Изящную нарядную обувь делают в основном для тех, кто пониже ростом и имеет ножку поменьше, как будто рослым женщинам не нужно элегантно выглядеть! Больше всего Иру бесило, что красивые туфли большого размера почти всегда были в продаже, но при этом имели невероятной высоты и тонкости каблук. И о чем только эти обувщики думают? Ведь ребенку понятно, что если у женщины такая нога, то у нее и рост высокий, и вес соответствующий, зачем ей такой высоченный каблук? В баскетбол на нем играть? А та обувь на умеренном или низком каблуке, в которую Ира могла влезть, обычно имела совершенно непристойный вид и была катастрофически неудобной, как будто ее специально делали для того, чтобы изуродовать рослую крупную женщину и создать ей невыносимые муки при ходьбе, дабы жизнь медом не казалась. Нынешняя же задача осложнялась еще и выбором цвета, к купленному костюму подойдут только сиреневые или белые туфельки.

Она пробегала по магазинам до самого вечера, но так ничего и не нашла. Правда, дважды она видела более или менее пристойную модель нужного размера, но в первый раз туфли оказались ярко-красными, во второй – ядовито-зелеными. Когда Ира около девяти вечера приехала к Игорю, на лице ее были написаны отчаяние и усталость.

– Костюм купила, а с обувью полный облом, – расстроенным голосом сообщила она будущей свекрови. – Весь город объездила, ничего нет на мою ногу. Вот не повезло мне с размером!

Елизавета Петровна попросила примерить костюм, долго разглядывала Ирину, потом одобительно кивнула:

– У тебя хороший вкус. Я, признаться, побаивалась, что ты купишь что-нибудь плебейское. А с обувью я постараюсь тебе помочь. Моя знакомая на днях улетает в Мюнхен к дочери, я попрошу ее подобрать для тебя туфли.

– В Мюнхен? – удивилась Ира. – Думаете, там что-то можно найти?

– Если где и можно найти, так только в Баварии, – с видом знатока объявила мать Игоря. – Там делают превосходную обувь на большую ногу. Если хочешь знать, там в любом магазине есть чудесные модные женские туфли вплоть до сорок третьего размера.

До сорок третьего! Вот это да! Ира ушам своим не поверила.

– А ваша знакомая успеет вернуться до свадьбы? – забеспокоилась она.

– Успеет, успеет. До одиннадцатого декабря еще уйма времени.

– А сколько это будет стоить? Я куплю доллары и вам принесу, завтра же.

Елизавета Петровна засмеялась и поцеловала Иру в щеку.

– Не беспокойся о деньгах. Я сама с ней рассчитаюсь. Это будет мой подарок. Только точно укажи размер.

Ира попросила у Елизаветы Петровны сантиметр, тщательно вымерила длину своих туфель от пятки до носка и записала результат на вырванный из записной книжки листок. Там же и цвет указала – сиреневый или белый. И желательную высоту каблука пометила. Все-таки опасно приобретать обувь без примерки, за глаза, но что поделать, выхода другого нет.

Она еще около получаса поболтала с родителями Игоря и засобиравшись домой.

– Не будешь ждать Игоря? – удивился Виктор Федорович. – Я думал, ты захочешь ему наряд показать.

– Поздно уже, Виктор Федорович, возвращаться страшно. Да и вставать завтра рано.

– Почему ты не переезжаешь к нам? – спросила Елизавета Петровна. – Ведь у вас с Игорем все решено, свадьба в данном случае просто формальность. Тебе и в институт отсюда удобнее добираться, без пересадок, и возвращаться домой по ночному городу не придется.

– Это неудобно, – улыбнулась Ира. – Вот поженимся – тогда перееду. Вы еще успеете от меня устать.

Была бы ее воля, она переехала бы еще год назад, когда в первый раз пришла в этот дом. И каждый вечер вела бы тихие неспешные разговоры с родителями Игоря. И мылась бы в этой роскошной просторной ванной комнате, оборудованной итальянской сантехникой, а не в полутемной камерке с обшарпанной и покрытой ржавыми пятнами ванной. И спала бы на мягком широком диване, а не на давно разошедшей узкой кушетке. И по утрам вставала бы на полчаса позже, потому что отсюда дорога в институт действительно короче. Но так могла бы поступить та Ира, другая, настоящая. А Ирина, образ которой тщательно лепился и подделывался под вкусы и нравы всех членов семьи Машенко, так никогда не сделала бы. Она должна быть интеллигентной, спокойной, ненавязчивой и независимой и, уж конечно, ни в коем случае не должна демонстрировать особой заинтересованности в том, чтобы войти в эту семью, втереться в нее. И потом, Ира уставала. Очень уставала. Играть роль – это труд, который не каждому под силу. Ей требовалось значительное усилие, чтобы войти в образ на пороге квартиры Машенко и потом, на протяжении всего пребывания у них, следить за собой, за своей речью, за тем, что и как она говорит, как сидит, как смотрит, как двигается, что и как ест. Кроме того, Ира начала систематически читать газеты, слушать новости и периодически требовала, чтобы Вадим или Наташа устраивали ей что-то вроде политинформации, ведь она должна быть достаточно подкована, чтобы поддерживать разговор с заместителем главного редактора журнала «Депутат». Даже сейчас, после целого года знакомства и фактически накануне свадьбы, Ира старалась бывать здесь не каждый день. Каждый вечер притворяться – это слишком утомительно. Иногда ее посещало опасение, что после переезда к Игорю, когда притворство будет требоваться постоянно, жизнь станет совсем невыносимой. Она или попадет в психушку, или постепенно устанет притворяться, превратится в прежнюю Ирку, и всем станет ясно, что они

приняли в своем доме лживую малообразованную плебейку с дурными манерами, низким вкусом и неизвестно какими намерениями. И с позором выгонят ее. То есть не в прямом смысле, конечно, не буквально, а начнут капать Игорю на мозги, чтобы он с ней развелся. Он и разведется. Он вообще ничего поперек папиного и маминого слова не делает, это Ира уже поняла. Из рассказов о прежней жизни Игоря следовало, что он иногда бывает способным на неожиданные поступки, но, убедившись в том, что эти поступки не встречают одобрения, надолго «уходит в тину», затихает и делает все по родительской указке или подсказке. Потом снова разовый всплеск – и снова полная покорность. Правда, нельзя сказать, чтобы рассказы о жизни ее будущего мужа были подробными и исходили от самого Игоря. Он предпочитал эту тему не затрагивать, а то, о чем говорили его родители, было довольно скудным и вертелось в основном вокруг того, каким Игорек был в школьные годы. Ира в общем-то понимала, что ничего другого они рассказывать и не могли, ведь после школы Игорь уехал учиться в Томский университет, и об этих пяти годах его жизни они могли иметь самое приблизительное представление, да и то не факт, что верное, а вернулся он оттуда уже с молодой женой. Виктор Федорович и Елизавета Петровна – люди старой закалки и застойно-партийного мышления, для них совершенно невозможно говорить в присутствии Иры о жизни своего сына с первой женой. Как будто ее это может обидеть или она начнет, господи прости, ревновать и думать, что об этой женщине, Вере, здесь вспоминают с теплотой и сожалением. Сама-то Ира, начитавшись переводных романов и насмотревшись зарубежных фильмов, имела теперь представление о том, как строится семейная жизнь в Европе и Америке, относилась к факту прежней женитьбы Игоря совсем иначе и вовсе не возражала бы познакомиться с Верой, а может быть, и подружиться. Во всех цивилизованных странах бывшие супруги нормально общаются и друг с другом, и с их новыми мужьями и женами, а у нас прямо в непримиримых врагов превращаются! Делают целую трагедию на пустом месте. А Вера, кроме всего прочего, могла бы оказаться и полезной, например, рассказать что-нибудь интересное про Виктора Федоровича, про его знакомых и круг его интересов или про Игоря, чтобы Ира могла лучше его узнать и не допускать ошибок в своем поведении.

По пути домой она прикинула состояние своих финансов. На туфли тратить не нужно, она рассчитывала купить дорогую обувь, долларов за сто пятьдесят, но теперь можно эти неожиданно сэкономленные деньги пустить на что-нибудь полезное. Например, купить еще один комплект препаратов «Гербалайф». После месяца приема пилюлек и безудержного питья воды и коктейлей Ира сбросила пять килограммов. Всего пять, хотя обещали восемь. Распространитель, у которого Ира приобретала препараты, сказал, что месяц – это слишком маленький срок, нужно принимать «Гербалайф» (распространитель почему-то упорно именовал его «продуктом») как минимум два месяца, потому что наши организмы настолько зашлакованы, что очистка идет очень долго, а пока очистка не закончится, вес не начинается снижаться. Объяснение показалось Ире вполне правдоподобным, но на второй месяц у нее денег тогда не было. Вот сейчас они появились, так почему бы не продолжить курс? Очень соблазнительно подойти к собственной свадьбе в объемах сорок шестого размера. Правда, костюм... Не будет ли он на ней болтаться, если Ира сбросит еще пять килограммов? Нет, решила она, красота важнее, а костюм можно в крайнем случае ушить. Как говорится, длинно – не коротко, велико – не мало.

* * *

В квартире царила тишина, только с кухни доносился стук пишущей машинки. Опять Наташка работает допоздна. В одной комнате спят мальчики, в другой – Вадим, а ей, бедной, и приткнуться негде!

Не снимая куртки, Ира побежала на кухню.

– Ну как тебе не стыдно! – начала она без предисловий. – Почему ты сидишь здесь, а не у меня? Я же сто раз говорила: если тебе нужно поработать – иди в мою комнату, не ютись здесь на табуретке, как курица на жердочке.

Наташа оторвалась от работы, выпрямила спину, взялась руками за поясницу. Ну конечно, у нее снова болит спина, да и как ей не болеть, если у табуретки нет спинки, облокотиться не на что. Безобразие!

– Привет, – вполголоса сказала Наташа. – Как успехи? Купила свадебное платье?

– Не увиливай, пожалуйста, – сердито проговорила Ира, расстегивая куртку, – я тебя спросила, почему ты опять торчишь на кухне, когда целая комната стоит свободная?

– Она не свободная, она твоя. Есть разница. И вообще, не кричи на меня, мне здесь очень удобно. И я привыкла.

– Почему ты не купишь себе компьютер? Я специально узнавала, сейчас можно купить подержанный компьютер долларов за восемьсот или за тысячу, правда, не очень мощный, но тебе же никаких особых программ не нужно, только текстовый редактор. У тебя же есть деньги, Натуля, чего ты жмешься? Там клавиатура такая тихая-тихая, будешь печатать у себя в комнате, Вадик и не услышит ничего.

– Я не могу сейчас тратить на компьютер, деньги нужны для другого.

– Для чего? – испугалась Ира.

Неужели что-то случилось, кто-то заболел и нужно дорогостоящее лечение? Или Вадик разбил машину и нужно оплачивать ремонт?

– Хочу квартиру в порядок привести, ремонт сделать. У нас ведь только кухня более или менее приличная, а все остальное так обветшало, сто лет не ремонтировалось. В ванную страшно зайти, а в туалет – просто стыдно. Надо что-то делать.

– Здрасьте! С чего это вдруг? Всю жизнь жили в этой квартире – и ничего, нормально, никто не умер ни от страха, ни от стыда. И еще поживем. А компьютер для тебя важнее.

– Ты не понимаешь...

– Чего это я не понимаю? Ты хочешь сказать, что в декабре я выйду замуж и уеду отсюда, поэтому мне безразлично, в каком состоянии квартира? Ты это хочешь сказать, да?

– Нет, я хочу сказать, что Марик приезжает.

– И что?

– Неудобно. Стыдно. Он там живет в собственном доме, в просторном, чистом, красивом. Он уже давно забыл, как мы тут существуем. Двадцать один год прошел.

– Ничего, вспомнит, – фыркнула Ира. – Не развалится твой Марик, если посмотрит, в каких условиях существует его мать. Может, в нем совесть проснется, и он Бэллу к себе заберет. Или квартиру ей здесь купит, он же богатый.

– Ира, ты не то говоришь, не то, не то...

В голосе Наташи сквозило страдание, в глазах стояли мука и боль, но Ира не могла понять, из-за чего соседка так переживает. Подумаешь, Марик какой-то там приезжает! Ну и пусть себе приезжает. Он пробудет здесь всего две недели, так что теперь, из-за этих двух недель вся жизнь должна кувырком пойти? Угрожать такие деньги на ремонт, чтобы пустить этому американцу недоделанному пыль в глаза, дескать, мы тут не хуже других живем, не беднее прочих некоторых, а потом копейки считать и отказывать себе в жизненно необходимом. Ну и что толку от этого ремонта, если через две недели пресловутый Марик уедет, а Наташе снова придется по вечерам корячиться со своей машинкой за неудобным кухонным столом на неудобной табуретке?

– Почему это я говорю не то? – воинственно произнесла Ира, швыряя куртку и пакет с новым костюмом на стол Бэллы Львовны. – Вот объясни мне, почему мы должны держать фасон перед этим Мариком? Он нам кто? Сват, брат? Может, начальник? Он – сын нашей соседки, который бог знает когда свалил отсюда, подальше от совковых трудностей. Только

и всего. Он нас, наверное, даже и не помнит. Ты еще девчонкой сопливой была, я вообще только-только родилась, ни Вадика, ни тем более детей он и знать не знает. Небось одну только Бэллочку и помнит из всей квартиры. И мы ему никто, плевать он на нас хотел с высокой колокольни. А ты готова в лепешку расшибиться, чтобы ему, такому высокородному лорду-маркизу, было приятно пописать в нашем сортире и не противно принять душ в нашей ванной. Вот хоть убей меня, Натуля, но я этого не понимаю. Не понимаю я тебя.

– Ну и ладно, – неожиданно согласилась Наташа, – не понимаешь – и не надо. Просто имей в виду, что я буду делать так, как считаю нужным и правильным. И если ты с этим не согласна – это твоя проблема, а не моя. Ты все равно здесь жить не будешь.

– Ну и пожалуйста!

Ира надулась, но из кухни не ушла. Очень уж ей хотелось показать Наташе свою покупку, поделиться радостью по поводу такого удачного решения проблемы обуви, рассказать о том, как боялась примерять костюм, и вместе посмеяться. Она ехала домой с таким хорошим настроением, и тут вдруг неожиданная стычка с соседкой...

Наташа отвернулась и снова принялась стучать на машинке. Ира поскучала несколько минут, потом не выдержала.

– Может, костюм все-таки посмотришь? – делано-равнодушным тоном спросила она.

– Конечно, – Наташа даже не обернулась, – иди переодевайся, я сейчас мысль закончу и приду.

Ира повесила в прихожей куртку, зашла к себе, надела костюм. Настроение снова поднялось, уж очень хороша она была в этом бледно-сиреновом пиджачке и воздушной летящей юбке. Для полноты впечатления Ира надела старые туфли, давно утратившие приличный вид, но дававшие приблизительное представление о том, как будет выглядеть вся конструкция, если ее приподнять на каблук. Надо будет обязательно сделать прическу, эта модель не сойдет со свободно струящимися кудрями, здесь нужно что-то другое. Вверх, что ли, волосы поднять? Она попробовала, закрепила локоны несколькими шпильками. Да, определенно, так будет лучше.

– Ну как?

Ира кокетливо повертелась перед Наташей и сделала пируэт, чтобы продемонстрировать ширину юбки.

– Очень здорово, – искренне ответила Наташа. – Честное слово, очень красиво.

– Тебе нравится? – на всякий случай уточнила Ира, хотя по лицу соседки видела, что та в восторге.

– Очень нравится. Просто чудесно. А что с обувью?

Ира подробно поведала всю историю покупки костюма и поисков туфель, рассказала о предложении будущей свекрови помочь и о своих планах истратить так удачно высвободившиеся финансовые ресурсы на благое дело усовершенствования фигуры.

– Ты бы не рисковала, Ирочка, – просительно произнесла Наташа. – Не верю я в эти чудодейственные пилюльки.

– Но эффект же налицо, – возмутилась Ира, – смотри, какая талия у меня появилась. Пять килограммов-то я убрала. И еще пять уберу, а то и побольше. Почему ты сомневаешься?

– Да потому, что ты похудела не из-за пилюлек, а из-за того, что ничего не ела. Просто пилюльки помогают не заболеть от голодания, дают тебе все необходимые вещества, витамины, минералы. Только и всего. Но ты же не можешь всю жизнь питаться этими таблетками! Ты – нормальный человек, выросший в конкретной гастрономической культуре, в русской культуре, ты привыкла есть хлеб, бутерброды, мясо с картошкой, борщи и рассольники, пирожные. Если ты прекратишь есть эти продукты и перейдешь на сплошные пилюльки и коктейли, твой организм сойдет с ума. Он этого не поймет. В нем генетически заложена потребность и привычка есть обычные продукты, а не концентрированные витамины. Если ты перейдешь на

такое искусственное питание, твой организм обязательно ответит тебе взрывом возмущения. И последствия этого взрыва предсказать невозможно. Ты это можешь понять?

– Да глупости это все, Натулечка!

Ира прижалась к Наташе, обняла ее, поцеловала.

– Ты напрасно в меня не веришь. Я своего всегда добьюсь. Сказала – похудею, значит, похудею, чего бы это ни стоило! Американцы, между прочим, не дураки, они о своем здоровье знаешь как заботятся? Каждую холестеринку считают, каждую калорию учитывают, с курением борются. Если бы «Гербалайф» был вреден, они бы его и сами не пили, и в другие страны не продавали бы. Вот, кстати, приедет твой хваленый Марик, ты у него спроси, он тебе подтвердит.

– Обязательно спрошу, – шутливо пообещала Наташа. – А ты спроси у врачей, чем может закончиться твоё увлечение американскими таблетками. Давай-ка снимай свой свадебный наряд, а то перепачкаешь чем-нибудь раньше времени.

Ира послушно разделась, накинула халат и с размаху плюхнулась на кушетку, которая под ее весом угрожающе заскрипела и пошатнулась. Кушетке этой – сто лет в обед, ее Наташа купила вместо дурацкой пружинной никелированной кровати, когда Ира только еще в шестой класс пошла. Больше десяти лет назад. Кушетка, наверное, из фанеры сделана или из чего-то подобного, ее давно пора было выбросить, узкая, хлипкая. Но Ира все тянула, тянула... Как только появлялись деньги, забывала о решении приобрести удобный современный диван и тратила их на тряпки. Тряпки же важнее, это и ребенку понятно, в тряпочках она на людях бывает, ими красоту свою подчеркивает, а спать – ну что ж, спать можно и так, не велика важность. Что толку в хорошем диване, если его владелица будет ходить одетая черт-те как, на нее и внимания-то никто не обратит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.